

ISSN 0202-151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1989

6

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1989

6

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редактора*),
акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, чл.-кор. АН
УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. ТУ-
ЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН УзССР
М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ (*зам. главного редактора*), доктор
ист. наук Э. Х. АРИФХАНОВА, доктор ист. наук Ш. С. ЗИЯ-
МОВ, доктор ист. наук М. И. ИСКАНДЕРОВ, доктор фи-
лол. наук Э. А. КАРИМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН,
доктор экон. наук П. Х. НАСЫРОВ, доктор филос. наук
Х. П. ПУЛАТОВ, доктор ист. наук Р. Я. РАДЖАПОВА,
доктор юр. наук Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, доктор ист. наук
Г. Р. РАШИДОВ, доктор экон. наук Р. А. УБАЙДУЛЛАЕ-
ВА, доктор ист. наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор экон. наук
К. А. ХАСАНДЖАНОВ, доктор филос. наук С. ШЕРМУХА-
МЕДОВ, доктор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ, канд. ист. наук
Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

Адрес редакции: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.

©Издательство «Фан» Узбекской ССР

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Л. П. Тюрина*

Сдано в набор 03.07.89. Подписано к печати 04.08.89. Р04875. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типо-
графская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,30. Уч.-изд. л. 6,5. Усл.
вр. отт. 6,51. Тираж 898. Заказ 159. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР; 700170, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Съезд народных депутатов Союза Советских Социалистических Республик, выражая волю народа, принимает на себя всю полноту высшей государственной власти в стране...

Съезд народных депутатов СССР отмечает, что советский народ — рабочий класс, крестьянство и интеллигенция, все социальные слои, все нации и народности нашей страны — на выборах народных депутатов полностью поддержали политику перестройки. Вместе с тем избиратели твердо потребовали вести ее более решительно и последовательно...

Мы находимся на верном пути. Мы понимаем всю важность консолидирующей роли Коммунистической партии Советского Союза, как партии правящей, как политического авангарда общества. Она начала перестройку и является ее гарантом. Только она, обновляясь и совершенствуясь, может возглавить движение к осуществлению народных чаяний.

Из постановления Съезда народных депутатов СССР «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР».

Высшим смыслом деятельности Советского государства являются материальное благополучие, духовное развитие и нравственное здоровье общества и каждого его члена. Съезд требует от государственных органов решительного поворота внимания к человеку, к дальнейшей демократизации и гуманизации всех сфер общественной жизни, ее духовному обновлению, последовательному проведению принципа социальной справедливости...

Важным условием обновления советского общества, его гуманизации и нравственного возвышения Съезд считает всемерное развитие политической, духовной, трудовой культуры, воплощенной в научных знаниях, ценностях искусства, народных традициях, нормах повседневного поведения. Без решительного подъема культуры, расширения гласности не могут быть достигнуты устойчивые успехи в демократизации общества, развертывании человеческих талантов, способностей и дарований.

*Из постановления Съезда народных
депутатов СССР «Об основных
направлениях внутренней и внешней
политики СССР».*

Решения партии — в жизнь!

А. Х. ХИКМАТОВ, Р. М. МУХИТДИНОВ

ПЕРЕСТРОЙКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ СУВЕРЕННЫХ ПРАВ РЕСПУБЛИК, ИХ САМОУПРАВЛЕНИЯ И САМОФИНАНСИРОВАНИЯ

В проекте Общих принципов перестройки руководства экономической и социальной сферой в союзных республиках на основе расширения их суверенных прав, самоуправления и самофинансирования, одобренном и вынесенном ЦК КПСС на всенародное обсуждение, отмечается, что восстановление изначальных принципов советской федерации, союза республик, обладающих реальным суверенитетом во всех сферах государственной жизни, служит важным фактором их социально-экономического развития и, как следствие, материальной основой дружбы наших народов.

Выдвинутый эстонскими учеными вариант регионального хозрасчета и самоуправления является по своей основной сути актуальным и своевременным. Однако такие вопросы, как методы его осуществления, учет региональных особенностей союзных республик, исходный базис, т. е. то, из чего следует исходить, а также ряд других аспектов, в этом варианте не отражены.

С нашей точки зрения, главной исходной позицией следует считать то, что в нашей стране создан единый народнохозяйственный комплекс и каждая республика, регион вносят свою лепту в обеспечение эффективности этого комплекса. Иначе говоря, все союзные республики и экономические регионы в экономическом плане взаимозависимы и дополняют друг друга.

Например, в Узбекистан из других союзных республик ежегодно ввозится различного сырья и продукции примерно на 12 млрд руб., а вывозится — на 8 млрд. руб., в частности — хлопок-волокно, шелковое сырье (коконы), каракуль и другие виды сырья, переработка которого в соответствующих районах потребления дает огромную прибыль, которая и оседает там же.

Поэтому, если иметь в виду неоспоримый факт функционирования единого народнохозяйственного комплекса страны, составляющего материальную основу нашей интернациональной дружбы, то надо вести решительную борьбу с такими явлениями, когда представители отдельных республик заявляют, якобы кормят республики, производящие сырье. Следует напомнить этим товарищам о необходимости измерять свои эмоции с реальным положением дел.

В. И. Ленин говорил: «...Надо, чтобы экономисты, литераторы, статистики не болтали о плане вообще, а детально изучали выполнение наших планов, наши ошибки в этом практическом деле, способы исправления этих ошибок. Без такого изучения мы слепые»¹.

Например, среднеазиатские республики в виде сырья поставляют другим республикам хлопок-волокно, шелк-сырье и др., а в то же время Российская Федерация направляет нам лес, металлопрокат и др.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 344.

От этого получают значительную выгоду, через механизм взимания налога с оборота, те районы, где это сырье используется.

Судя по данным печати, модель эстонского метода регионального хозрасчета и самоуправления разрабатывалась более двух лет в единственном варианте, что, на наш взгляд, противоречит нынешним демократическим принципам, выдвинутым самим логическим ходом перестройки, т. е. не созданы условия выбора народом лучшего из двух и более вариантов. С другой стороны, учитывает ли этот вариант эффект, получаемый Эстонской ССР за счет использования сырья из других союзных республик, — широкой общественности неизвестно.

Что касается выпуска особых денег, ввода ограничений на отправку дефицитных товаров населению других регионов страны и ряда спорных вопросов, то решение их должно осуществляться на основе единственного критерия, отражающего общие интересы народов СССР и укрепление интернациональной дружбы на основе повышения эффективности единого народнохозяйственного комплекса страны, в котором каждый регион функционирует в рамках сложившегося разделения труда.

Применительно к Узбекистану, по нашему мнению, необходимо, во-первых, научным учреждениям и организациям разработать не менее трех вариантов концепции перевода республики на хозрасчет и самоуправление. Во-вторых, после всенародного обсуждения этих вариантов наиболее приемлемый из них должен быть рассмотрен Верховным Советом республики и на основе его следует разработать и утвердить окончательные пути и методы перевода республики на региональный хозрасчет и самоуправление.

Надо иметь в виду, что излишняя поспешность в переводе республики на хозрасчет и самоуправление может оказаться плохим помощником, ибо до этого необходимо выяснить пути решения ряда актуальных проблем. В частности, должны быть подвергнуты всестороннему анализу потребности и ценообразование на продукцию, выпускаемую в Узбекистане для продажи на международном рынке или для товарообмена.

Однако такие данные, как спрос на сырье и производимую в Узбекистане продукцию, а также колебание цен в различных районах международного рынка, специалистам республики не всегда известны.

К тому же Узбекистан не располагает учеными, специализирующимися по международному рынку, экономистами-международниками, кроме одного кандидата экономических наук, специалиста по рынкам в ФРГ, тогда как Украина и ряд других республик имеют более 50 таких специалистов.

Поэтому соответствующим центральным учреждениям, которые занимаются внешнеэкономическими связями и подготовкой экономистов-международников, надо повернуться лицом к назревшим нуждам республик Средней Азии и Казахстана и активно помогать в решении зависящих от них задач, которые непосредственно связаны с переводом республики на хозрасчет и самоуправление.

Выступая перед партийно-хозяйственным активом Кемеровской области, Н. И. Рыжков подчеркивал: «Новая региональная политика предполагает и организацию эффективного межтерриториального взаимодействия. Большую актуальность приобретает вопрос специализации отдельных регионов на выпуск наиболее эффективных видов продукции и обмена ими. По меньшей мере неразумно отказываться от преимуществ, которые обусловлены климатическими или иными объективными условиями. Главное здесь — обеспечить реальное само-

управление и самофинансирование территорий, поставить их взаимосвязь на надежную экономическую основу»².

Так, в общих принципах предусматриваются формирование единого общесоюзного социалистического рынка, углубление внешнеэкономических связей республик, наращивание экспортного потенциала, максимальная реализация всех возможностей зарабатывания валюты.

Внедрение регионального хозрасчета и самофинансирования непосредственно зависит от упорядочения внутреннего рынка страны. Как известно, ныне такие города, как Москва, Ленинград, ряд других районов обеспечиваются овощами и фруктами, производимыми в ВНР, НРБ и др. Однако продукцию такого же ассортимента, высокого качества, причем более дешевую, можно было бы обеспечить за счет производства ее в республиках Средней Азии и Казахстане. Это дало бы возможность значительно снять напряженность монокультуры в этих регионах и сберечь огромные товарные ресурсы страны, которые направляются на соответствующую компенсацию импорта.

Республики Средней Азии и Казахстан могли бы зарабатывать крупные валютные средства за счет экспорта в другие страны имеющих большой спрос винограда, кураги, дынь и других видов плодово-овощной продукции, многие из которых имеют не только повышенные питательные, но и лечебные свойства.

Уже поэтому в основу вариантов концепции регионального хозрасчета и самоуправления должны быть положены различные объемы производства хлопка-сырца в республике.

Подготовка к переводу на региональный хозрасчет и самоуправление республик Средней Азии, имеющих четко выраженную специализацию, требует создания единого органа, функции которого заключались бы в грамотной защите их экономических интересов на общесоюзном уровне. Поэтому необходимо восстановить ликвидированную в 1965 г. Среднеазиатскую плановую комиссию (Средазгосплан Госплана СССР), возложив на нее решение таких вопросов, как согласование титульныхстроек, размещение производительных сил, экономические взаимоотношения с другими регионами страны.

Общезвестно, что хороший хозяин прежде чем приступить к решению крупных задач, уточняет наличие собственных средств. Поэтому критерием эффективности регионального хозрасчета является не только количество, но и качество производственного аппарата.

В экономическом соревновании между социализмом и капитализмом победит тот строй, который будет эффективнее перестраивать инвестиционную политику, и на этой основе с выигрышем во времени будет использовать достижения научно-технического прогресса. Для проведения научно обоснованной инвестиционной политики прежде всего необходимо уточнение реального наличия и состояния действующего в народном хозяйстве производственного аппарата. Вот почему М. С. Горбачев подчеркивает, что «надо провести всеобщую инвентаризацию производственных фондов, наметить перспективную программу технической реконструкции каждого предприятия, каждой отрасли. В ближайшее время доля выбытия устаревших основных фондов, особенно их активной части, должна быть удвоена»³.

Однако на вопрос, почему это всесторонне обоснованное указание не выполнено как на уровне Союза, так и республик, должен ответить Госкомстат СССР.

Проведенная в 1989 г. Всесоюзная перепись населения вряд ли даст ощутимый результат в рассматриваемом аспекте, ибо остались

² Правда. 1989. 13 марта.

³ Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии. М. 1985. С. 11.

не учтенными такие вопросы, как количественная и качественная вооруженность трудовых ресурсов орудиями труда, что является критерием оценки эффективности общественного производства. Перепись населения и инвентаризация производственного аппарата — это те слабые, которые дополняют друг друга, что, по-видимому, не было принято во внимание.

Ныне основные производственные фонды в республике составляют около 60 млрд. руб., т. е. с момента их последней инвентаризации (1972 г.) они возросли более чем в три раза. Если учесть, что сейчас период замены действующего поколения техники в передовых капиталистических странах составляет 3—5 лет, а полураспад прогрессивной технологии — 5—6 лет, то станет очевидным, что половина имеющихся в республике основных производственных фондов по своему качеству и материально-вещественной структуре и по тем жестким требованиям, которые предъявляются научно-техническим прогрессом, не отвечают современным запросам.

Как известно, один из важных синтетических показателей научно-технического прогресса — коэффициент обновления основных производственных фондов. Если смотреть на величину этого показателя с позиции сегодняшнего дня, то станет очевидной недостаточная эффективность инвестиционной политики последних 15 лет. Так, если в 1970 г. коэффициент обновления основных фондов промышленности составлял 11,6%, то в 1985 г. — 8,7%, а их выбытие — соответственно 2,1 и 1,2%. Если выбытие основных фондов этих отраслей народного хозяйства УзССР и впредь будет составлять такую же величину, как в 1985 г., то для обновления действующих промышленно-производственных фондов республики потребуется... 85 лет.

Ныне около 40% действующих в промышленности республики основных фондов физически изношены. Следует учесть, что в Узбекистане до сих пор находится в эксплуатации оборудование эвакуированных во время Великой Отечественной войны более 200 предприятий и цехов, смонтированное в зданиях, подобранных в спешном порядке. А, например, возраст оборудования Ташкентского бумажного комбината исчисляется с 1907 г.

Такое положение искажает действительные величины широко применяемых в плановых и статистических расчетах показателей фондоёмкости национального дохода, фондовооруженности, технической вооруженности, коэффициента обновления и т. д.

Широко применяемая сегодня система показателей, характеризующих уровень обеспеченности населения непроемкими объектами (жильем, учреждениями здравоохранения, детскими дошкольными учреждениями и т. д.), не отражает реального положения дел.

Объясняется это тем, что в период экстенсивного развития непригодные здания нередко наспех переоборудовались и сдавались в эксплуатацию под школы, больницы, детские сады и т. д. К тому же они не комплектовались соответствующим оборудованием, т. е. создавались не по типовому проекту. В годы застоя статистические отчеты по их строительству нередко содержали дутые цифры.

Ныне все эти объекты состоят на балансе и учитываются при подсчете обеспеченности населения непроемкими объектами. В результате и нынешняя инвестиционная политика оказывается недостаточно обоснованной и не отвечает требованиям создания необходимой материальной базы для реализации планов социально-экономического развития республики на XII пятилетку. Несмотря на это, продолжают разработку всевозможных комплексных программ, в том числе НТП, основанных на искаженных исходных данных.

Инвентаризация основных фондов позволит объективно оценить

современное их состояние, перспективы и резервы развития экономики. Наряду с этим она даст возможность выявить глубинные причины снижения фондоотдачи, определить рациональные пути обновления и повышения эффективности основных фондов, конкретно оценить техническое состояние производственного аппарата республики и на этой основе разработать долговременную техническую политику по реконструкции и техническому перевооружению отраслей народного хозяйства, выявить рациональные объемы модернизации действующего оборудования.

Проведение этой работы позволит также выявить экономическую эффективность материально-вещественной, возрастной и отраслевой структуры основных фондов, определить фактический уровень износа и степень соответствия его требованиям современного научно-технического прогресса, уточнить фактический удельный вес автоматического и полуавтоматического оборудования, вычислительной техники в составе основных фондов, обосновать оптимальный режим и величину коэффициента сменности работы каждого предприятия и т. д.

Результаты инвентаризации основных фондов будут иметь существенное значение для:

— разработки научно обоснованных предложений по переходу республики на хозрасчет и самоуправление;

— пересмотра и уточнения перечня решаемых задач в рамках комплексных программ, разрабатываемых по различным направлениям экономики;

— четкого представления масштабов реконструкции и технического перевооружения предприятий, которые необходимо осуществить в XIII пятилетке;

— уточнения действительной обеспеченности населения республики объектами непродуцированной сферы и разработки обоснованных предложений по достижению среднесоюзного уровня;

— осуществления научно обоснованной амортизационной политики и внутриреспубликанского перераспределения излишнего оборудования, имеющегося на предприятиях и в организациях;

— разработки предложений и рекомендаций по резкому улучшению территориальной, отраслевой, технологической, воспроизводственной структуры капитальных вложений;

— нового, более обоснованного подхода к расчету величин фондоотдачи, фондовооруженности, фондоемкости, технической вооруженности и др.;

— установления реальной величины платы за фонды в условиях массового перехода предприятий на полный хозрасчет и самофинансирование;

— разработки научно обоснованных предложений по сокращению ручного труда, которым, по укрупненным расчетам, в республике ныне занято 1,5 млн. человек;

— повышения уровня обоснованности и реальности планов республики, защищаемых в Госплане СССР.

В. И. Ленин неоднократно предупреждал: «Доделывать, переделывать, начинать сначала придется нам еще не раз. Каждая ступень, что нам удастся вперед, вверх в деле развития производительных сил и культуры, должна сопровождаться доделыванием и переделыванием нашей советской системы, а мы очень низко стоим в отношении хозяйственном и культурном. Переделок предстоит много, и «смущаться» этим было бы верхом нелепости (если не хуже, чем нелепости)»⁴.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 224.

Инвентаризация основных фондов, учитывая крупные промахи, допущенные в застойный период в использовании капитальных вложений, является не только коренным вопросом перестройки инвестиционной политики, но и региональной проблемой.

Ныне противники срочного проведения инвентаризации основных фондов как в Союзе, так и в республике ссылаются на то, что это требует большой кропотливой работы. Поэтому они предлагают провести подготовительные работы по инвентаризации в 1990 г. Но как в таком случае они собираются обеспечить объективность базы планирования по развитию экономики в XIII пятилетке и составляемых по различным проблемам многочисленных комплексных программ?

Что выгоднее — затратить 1 млн. руб. на инвентаризацию и на этой основе установить действительную величину имеющихся основных фондов или, не выполнив это мероприятие, иметь дутые цифры в размере не менее 15—20 млрд. руб., которые в конечном итоге могут свести на нет научную обоснованность любого плана? Оценивать уровень обеспеченности населения непроизводственными объектами (больницы, поликлиники, школы и др.) по тем цифрам, которые появились в застойный период, или выяснить их объективное увеличение в данных условиях, когда социальная нагрузка на экономику многократно возросла?

Следует еще раз отметить, что результаты проведенной в стране переписи населения будут недостаточными, ибо остались невыясненными вопросы — какими орудиями труда (их количественные и качественные характеристики) вооружены трудовые ресурсы, занятые в общественном производстве, что является важнейшим условием научного обоснования планирования.

Чтобы убедить противников инвентаризации, коллектив Института экономики АН УзССР по собственной инициативе и весьма упрощенной схеме провел инвентаризацию основных фондов на ряде предприятий г. Ташкента. Вот их результат. Обновление основных производственных фондов НПО «Узбекхлопкомаш» составило 2,2%, ПО «Средазкабель» — 3,0%, Ташкентского экскаваторного завода — 4,0%, ПО «Грампластинка» — 1,0%. При таких темпах полное обновление производственного аппарата в НПО «Узбекхлопкомаш» осуществится за 45 лет, в ПО «Средазкабель» — за 33 года, на Ташкентском экскаваторном заводе — за 25 лет, на ПО «Грампластинка» — за 100 лет, т. е. когда сменятся от 10 до 30 поколений новой техники.

Недаром М. С. Горбачев, выступая в ЦК КПУз перед руководящими работниками республики, указывал: «То, что потенциал, созданный в республике, не дает нужной отдачи — тоже пробел в работе... Не увлекайтесь сейчас строительством новых крупных предприятий. Надо модернизацию провести. И через обновление активных фондов раскрыть возможности крупных предприятий»⁵.

По предложению АН УзССР и методике, разработанной Институтом экономики АН УзССР, проведена инвентаризация основных фондов по кругу хозяйств Ташгорисполкома. Сейчас жилищный фонд Ташкента превышает 25 млн. м², в том числе принадлежат гражданам на правах собственности 7,2 млн. м². При этом более 45% жилых строений, принадлежащих гражданам, имеют износ в размере 21—80%. Степень изношенности основных фондов отраслей коммунального хозяйства города в целом — около 44,0%. Инвентаризация показала также, что в Ташкенте ныне имеется 171 лечебно-профилактическое учреждение

---

⁵ Горбачев М. С. Успех перестройки — в руках народа // Коммунист Узбекистана. 1988. № 5. С. 7.

с балансовой стоимостью 71,7 млн. руб. Из них 123 (71,9%) не соответствуют строительным нормам и правилам, санитарно-гигиеническим требованиям. В 15% из них отсутствует центральная канализация. Годность имеющихся в них машин и оборудования составляет 51,0%. Больничные учреждения сильно перегружены: на одну койку приходится 3,2 м² при норме 7 м². Как видно из этих фактов, инвентаризация крайне необходима не только для улучшения качества предложений и рекомендаций науки, но прежде всего — народнохозяйственного планирования.

Эффективность перестройки инвестиционной политики в решающей степени зависит от научно обоснованного проведения структурной политики капитальных вложений и основных фондов. Однако нынешнюю отраслевую структуру основных производственных фондов промышленности республики нельзя признать эффективной, ибо при колоссальных ресурсах сырьевых источников удельный вес легкой и пищевой промышленности в общих производственных фондах невелик. Тем не менее в 1986 г. в них было направлено лишь 18,6% капитальных вложений, выделенных для промышленности в целом. Именно в этом кроется одна из важных причин систематического снижения фондоотдачи в промышленности республики. Это имеет и огромное социальное значение.

Не случайно в передовой статье газеты «Правда Востока» от 2 апреля 1988 г. под названием «Взгляд в будущее», где излагались итоги рассмотрения проекта плана экономического и социального развития республики на 1989 г. в Бюро ЦК КПУз, справедливо отмечалось: «К чему мы будем стремиться? Прежде чем ответить на этот вопрос, надо четко представить — а с чего нам начинать, какой потенциал накоплен для дальнейшего продвижения вперед?»

Правильно указывают некоторые ученые-экономисты, что уход в годы застоя конкретной экономики, которая по своей сущности является точной наукой, от всестороннего исследования проблем эффективности из-за административного диктата, поверхностная оценка сложных ситуаций в условиях бюрократическо-командной системы управления привели к тому, что инвестиционный комплекс был втянут в глубокий экономический кризис.

В течение более чем двух десятков лет план ввода в действие основных производственных фондов ни разу не был выполнен, а направляемые в строительномонтажные работы финансовые и материальные ресурсы почти полностью расходовались. В результате огромные средства в виде недвижимого имущества с каждым годом концентрировались в объемах незавершенного строительства.

Это привело к тому, что народное хозяйство своевременно недополучило дополнительные производственные мощности, что по резонансу сказалось на эффективности не только структурной политики, но и всей экономики.

Положение усугублялось и тем, что проектно-сметному делу отводилась вспомогательная роль, а не логическое начало в повышении эффективности фонда накопления национального богатства народа.

В результате в этой сфере появились такие негативные явления, как необоснованное применение ценообразующих факторов, норм, расценок и других инструктивных указаний, без учета региональных условий местности, на которой размещались строящиеся объекты.

Поэтому в застойные годы увеличение первоначальной сметной стоимости строительства как крупных строек, так и мелких объектов к моменту завершения их строительства составляло два, три и более раза, что было характерным следствием бюрократического метода управления.

Другое негативное явление в осуществлении инвестиционной политики — распыление капитальных вложений, материальных и трудовых ресурсов по многочисленным объектам. Так, в 1986 г. в Узбекистане насчитывалось около 25 тыс. строящихся объектов и около 50% из них были вновь начатыми в указанном году. Таких внушительных примеров можно привести великое множество как по стране, так и по отдельным регионам.

Поэтому в условиях дефицитности бюджета и в целях повышения эффективности инвестиционной политики инвентаризацию основных фондов необходимо совмещать с инвентаризацией строящихся объектов. Только такой подход позволит выработать научно обоснованные рекомендации по осуществлению инвестиционной политики в духе перестройки. В конечном итоге это мероприятие даст возможность определить те объекты, строительство которых целесообразно приостановить, а высвободившиеся материальные и трудовые ресурсы направить на осуществление намеченной социальной политики. Немалое значение имеет и то, что мы получим ответ на вопрос, на сколько можно уменьшить дефицит бюджета за счет осуществления разумной инвестиционной политики.

Для осуществления названных мероприятий должна быть создана специализированная комиссия, как на уровне правительства, так и союзных республик. К этой работе должны быть широко привлечены не только работники Госкомстата, проектных, строительно-монтажных организаций, но и ученые-экономисты, а также работники финансовых органов.

В свете сказанного, на наш взгляд, в проект Совета Министров СССР «Общие принципы перестройки руководства экономикой и социальной сферой в союзных республиках на основе расширения их суверенных прав, самоуправления и самофинансирования» целесообразно внести следующие дополнения и уточнения:

1. Учитывая, что объективность и научная обоснованность модели перевода регионов на самоуправление и самофинансирование в значительной степени зависят от уточнения действительной величины основных фондов, используемых в народном хозяйстве, которая в застойные годы чрезмерно преувеличивалась, после I главы, в конце 5 пункта, необходимо добавить следующее:

«Важным условием обоснованности перехода республики и регионов на самоуправление и самофинансирование является всестороннее уточнение состояния производственных фондов, функционирующих на их территории. В этих целях независимо от ведомственной подчиненности предприятий и организаций республики Совет Министров республики проводит инвентаризацию основных фондов и при разработке модели самоуправления и самофинансирования опирается на ее результат».

2. Во второй главе, в конце 3 пункта, следует добавить: «Расширение действующих предприятий союзного подчинения, увеличение объемов добываемого ими сырья, а также ликвидация отдельных дехов или участков или строительство нового предприятия решаются по согласованию с союзной республикой и принимают законную силу только после утверждения их Верховным Советом».

3. В конце 3 пункта 2 главы надо также включить в текст следующее: «Та часть дохода республики, которая формируется за счет реализации производимого в республике сырья, материалов и других товаров, реализуемых на мировом рынке, должна определяться по международным ценам».

4. В конце 6 пункта 2 главы следует добавить: «Нормы взимания средств за указанные нарушения устанавливаются создаваемой ко-

миссией Верховного Совета республики, и ее решение считается окончательным. Усредненная величина этих норм должна быть обоснована в модели перехода республики на самоуправление и самофинансирование».

5. В 3 главе, в 3 пункте, после слов «передаваемый в союзный бюджет» следует добавить: «плата за производственные фонды определяется по их остаточной стоимости по итогам проведенной инвентаризации».

6. После 3 абзаца 13 пункта 3 главы следует добавить: «Республика в целях проведения активной работы по мобилизации и эффективному использованию финансовых, материальных и трудовых ресурсов независимо от ведомственной подчиненности проводит инвентаризацию проектируемых и строящихся объектов и по ее результатам принимается решение Верховного Совета республики о перераспределении высвободившихся в результате сокращения неэффективных строок средств и ресурсов для проведения активной социальной политики».

7. После 5 абзаца 14 пункта 3 главы необходимо добавить предложение: «Осуществляя товарообмен ресурсами с другими государствами, союзная республика ориентируется на цены внешнего рынка или договорные».

8. В 3 главе необходимо добавить пункт: «В целях улучшения финансового состояния и снятия напряженности, созданной монокультурой в некоторых районах, Госплан СССР по согласованию с союзными республиками разрабатывает предложения по вытеснению с рынков гг. Москвы, Ленинграда, Крайнего Севера и других районов продукции зарубежных стран, и прежде всего плодоовощной продукции».

9. В настоящее время план социально-экономического развития практически получается необоснованным и неполным в целом по территории республики, так как предприятия и организации союзного подчинения не всегда ставят в известность Совет Министров республики о планах развития после утверждения своих технико-экономических показателей центральными ведомствами и министерствами. Это обстоятельство не только не укрепляет права союзной республики, но практически сводит на нет эффективность территориального планирования. В связи с этим в 3 пункте 4 главы 2 абзац надо записать следующим образом: «Исходные данные планирования до этих предприятий доводятся министерствами и ведомствами СССР после согласования с Советами Министров союзных республик».

10. В решениях XXVII съезда КПСС и других директивных документах указано, что координация научных исследований и разработок в целом по стране осуществляется Академией наук СССР, а на местах — академиями наук союзных республик. В связи с этим в пункте 5 главы 4 необходимо внести уточнение: «Союзные республики разрабатывают и осуществляют меры по проведению научно-технической политики, повышению уровня научных исследований и совершенствованию организации науки и научного обслуживания координируют научные исследования и разработки через академии наук, выполняемые в научно-исследовательских...» — и дальше по тексту.

11. В 14 пункте 4 главы надо добавить после 2 абзаца: «В регионах, которые считаются трудообеспеченными, союзные предприятия должны в первую очередь ориентироваться не на привлечение работников из других регионов, а на местные трудовые ресурсы».

12. После 1 таблицы 17 пункта главы 4 целесообразно добавить: «Союзные органы, занимающиеся внешнеэкономическими связями, систематически осуществляют работу совместно с Советами Министров союзных республик по повышению эффективности их внешнеэко-

номических связей. В этих целях они оказывают союзным республикам помощь в подготовке кадров по внешнеэкономическим связям, своевременно информируют их о конкурентоспособности и потребности международного рынка в той или иной продукции, сырье, оборудовании и других товарах».

Все это, на наш взгляд, будет способствовать успешной перестройке руководства экономикой и социальной сферой в Узбекистане и других союзных республиках на основе реального расширения их суверенных прав, самоуправления и самофинансирования. Как это и предусмотрено проектом Совета Министров СССР. Именно так можно осуществить на деле предусмотренное постановлением Съезда народных депутатов СССР «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» «радикальное обновление структуры народного хозяйства, коренным образом изменить инвестиционную политику...»⁶

И. Г. КАРИМОВ, Н. Ш. СИРОДЖЕВ

ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ

Мартовский (1989) Пленум ЦК КПСС, рассмотрев актуальные проблемы развития советской деревни, всей сферы агропромышленного комплекса, выработал новую, эффективную аграрную политику, практическое осуществление которой позволит решить задачу устойчивого продовольственного снабжения страны. Принятые на Пленуме решения предусматривают осуществление радикальных изменений в экономических отношениях на селе, решительный отказ от командно-административных методов руководства, ускорение научно-технического прогресса и социального развития.

В практическом осуществлении поставленных Пленумом ЦК КПСС задач по преобразованию советской деревни, решению продовольственной проблемы велика роль потребительской кооперации, в том числе «Узбекбрышу».

Потребкооперация — крупная общественно-хозяйственная организация. В целом по стране она объединяет в своих рядах около 60 млн. пайщиков, а в Узбекской ССР — 126 тыс. человек. От ее торговой, заготовительной, производственной деятельности во многом зависят труд и быт миллионов жителей сельской местности. Дальнейшее развитие потребительской кооперации на подлинно демократических началах — важное звено перестройки и качественного обновления всего советского общества.

XXVII съезд партии, поставив в центр всей экономической и социальной политики человека со всеми его запросами и нуждами, указал на необходимость широкого использования кооперации в производстве и переработке продукции, в сфере услуг и торговли. Мощным стимулом для развития данной многоотраслевой системы стало принятие Закона «О кооперации в СССР».

Основатель Советского государства В. И. Ленин указывал, что потребительская кооперация «должна быть поддержана и развита», видел успех ее работы в умении «собрать распыленные товарные ценности и вызывать к жизни новые», быть «действительно органом коммерческим, а не бюрократическим». Эти идеи нашли практическое воплощение в деятельности потребкооперации в 20-е годы.

Однако в условиях господства административно-бюрократических методов управления роль ее принижалась или низводилась до сугубо

⁶ Правда. 1989. 25 июня.

второстепенной, подсобной. Мало того, потребительская кооперация оказалась огосударственной, обюрокраченной. На нее распространилось действие жестко централизованных планов, инструкций, лимитов. Экономические методы производственной и торгово-коммерческой деятельности были преданы забвению. Вот почему большие потенциальные возможности, которыми располагают потреббщества, используются далеко не в полную силу.

Именно поэтому XV съезд потребительской кооперации СССР, состоявшийся в Москве 21—23 марта 1989 г., в качестве центрального звена выделил возрождение ее демократических основ, повышение уровня организационно-кооперативной работы. Съезд указал, что необходимо широко использовать многообразие форм кооперативной собственности, укреплять хозяйственную базу, развивать в составе потребительских обществ производственные ячейки нового типа — сельхоззаготпромы, различные кооперативы и предприятия. В них должны получить широкое развитие арендные отношения, семейный и коллективный подряд, другие прогрессивные формы организации и стимулирования труда работников кооперативов. Таким образом, потребительские общества будут становиться «кооперативами кооперативов», функционирующими на принципах полного хозрасчета.

Ныне кооперативные организации в нашей стране обслуживают более 40%, а по Узбекской ССР — около 60% населения. На их долю приходится половина всех заготовок картофеля, треть плодоовощной продукции, 35% производства хлеба.

На современном этапе место потребительской кооперации в системе общественных отношений определяется в основном той ролью, которую она играет в решении продовольственной проблемы. «Организация и предприятия системы потребительской кооперации, — указывается в Законе «О кооперации в СССР», — осуществляющие свою деятельность на селе, активно сотрудничают на договорных началах с колхозами, другими предприятиями и организациями агропромышленного комплекса в развитии экономики, самообеспечении сельских регионов товарами, работами и услугами, в социальном переустройстве села»¹.

Главное функциональное назначение потребительской кооперации состоит в торговом обслуживании сельского населения, но этим далеко не исчерпывается ее деятельность. «Наряду с указанными функциями потребительские кооперативы могут также развивать разнообразную производственную деятельность, т. е. быть кооперативами смешанного типа»².

С развитием потребительской кооперации ее функции все более обретают многоотраслевой характер, оказываются в большей или меньшей степени связанными со всеми фазами общественного воспроизводства. Постоянно увеличивается собственное производство. Ныне треть основных фондов потребительской кооперации приходится на производственную сферу. Для обеспечения потребностей сельского населения она не ограничивается государственными ресурсами, централизованными товарными фондами, а используют все свои резервы для увеличения товарных фондов. Поэтому для реализации Продовольственной программы СССР и Комплексной программы развития производства товаров народного потребления и сферы услуг особое значение имеет развитие кооперативной промышленности.

Роль кооперативной промышленности в свете решений XXVII съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС как важного допол-

¹ Закон СССР «О кооперации в СССР». М., 1988. С. 5.

² Там же. С. 7.

нительного производителя товарных ресурсов заключается в дальнейшем увеличении и улучшении качества товаров, повышении технического уровня и эффективности производства, в лучшем использовании производственных мощностей и сырьевых ресурсов. Значение кооперативной промышленности измеряется не только ее долей в общей промышленной продукции, но и тем, что она использует местное сырье и сельскохозяйственные излишки, вырабатывая из них весьма необходимые населению товары, которые из-за их широкого разнообразия и малосерийности не производятся или производятся в незначительных количествах государственными промышленными предприятиями.

Кооперативная промышленность обеспечивает более полную занятость сельского населения, особенно во время спада сельскохозяйственных работ, способствует улучшению бытового обслуживания населения.

В 1988 г. на промышленных предприятиях потребительской кооперации УзССР было произведено различных товаров более чем на 552,7 млн. руб. (в действующих ценах), что составляет 8,3% розничного товарооборота. Число кооперативных производственных предприятий возросло с 252 в 1980 г. до 490 в 1988 г. Кроме того, имеется более 3130 предприятий по производству хлеба и хлебобулочных изделий (включая тандыры).

Увеличение числа кооперативных производственных предприятий сопровождается и ростом выпускаемой ими продукции. Если за 1975—1980 гг. объем ее составлял 1452 млн. руб., то за 1980—1988 гг. он возрос до 2,3 млрд. руб.³

Высокими темпами растут производство хлебобулочных изделий, безалкогольных напитков, овощных консервов и др. Происходит постепенная замена на селе домашнего хлебопечения промышленным. Так, в 1970 г. на душу населения на селе было выпечено хлеба и хлебобулочных изделий 44,9 кг, в 1975 г. — 56,0, а в 1988 г. — 74,4 кг. Особенно быстро росло производство национальных хлебобулочных изделий. Удельный вес их в общем объеме производства хлеба в республике за 1980—1988 гг. повысился с 44,4 до 48,3%.

В производстве хлебобулочных изделий имеются и некоторые региональные особенности, так как в отдельных областях производство хлеба на душу сельского населения значительно отстает от среднереспубликанского показателя — 59,8 кг.

Но несмотря на высокий рост производства хлеба и хлебобулочных изделий в системе потребительской кооперации УзССР, производство их в расчете на душу населения, обслуживаемого потребительской кооперацией, значительно отстает от среднегодовых показателей в отдельных республиках Союза. Так, в 1986 г. в среднем по Союзу оно составляло 115 кг, по УССР — 119, по ГрузССР — 155, по ЛатССР — 159, по ЭстССР — 127, а по УзССР — 59,8 кг. Одна из главных причин такого положения в нашей республике — совершенно недостаточное использование производственной мощности предприятий, выпускающих хлеб и хлебобулочные изделия. В 1986 г., например, их мощность использовалась всего на 80%.

Кроме того, эти предприятия системы потребкооперации Узбекистана значительно отстают по уровню производительности труда от среднесоюзного уровня и уровня отдельных союзных республик. Ликвидация этого отставания — одна из актуальных задач потребкооперации Узбекистана.

За 1980—1988 гг. в системе потребительской кооперации республики производство безалкогольных напитков возросло почти вдвое.

³ Здесь и далее приводятся данные статистических отчетов «Узбекбрюляшу» за соответствующие годы.

Производство их относительно хорошо организовано в потребкооперативах Самаркандской, Ташкентской, Андижанской областей. Растет и производство плодоовощных консервов. В 1988 г. оно увеличилось по сравнению с 1980 г. более чем на 80,0%, а по сравнению с 1970 г. — более чем в 8,3 раза. Однако промышленность потребкооперации УзССР по производству безалкогольных напитков и плодоовощных консервов развивается еще очень медленно. Она также значительно отстает от среднесоюзного уровня по производству этих товаров на душу населения, обслуживаемого потребительской кооперацией.

Ныне мощности кооперативной промышленности по производству плодоовощных консервов используются в республике в пределах 85%. Достаточно сказать, что повышение уровня использования их хотя бы до 93—95% позволило бы дополнительно выработать до 80 муб. консервов в год.

Немалый вклад в осуществление Продовольственной программы вносит потребительская кооперация за счет развития собственных подсобных хозяйств и откормочных пунктов. В 1980 г. кооперативные организации республики имели всего 115 небольших откормочных хозяйств с поголовьем 45 тыс. крупного и мелкого рогатого скота, 1500 свиней и 53 тыс. птиц, а в 1988 г. количество подсобных хозяйств превысило 380, поголовье крупного и мелкого рогатого скота увеличилось до 119,7 тыс., свиней — до 20,3 тыс., а птицы — до 260 тыс. В 1986 г. произведено и реализовано населению свыше 96 тыс. т мяса и птицы, получено более 15,3 тыс. т привеса, или на 49% больше, чем в 1980 г. За 1980—1988 гг. построено более 370 помещений для крупного рогатого скота, 100 овчарен, 75 свиноферм, 258 птицеводческих ферм и фабрик, установлено 69 инкубаторов; в хозяйствах получено 12 300 телят, 108 тыс. ягнят, 39 тыс. поросят и выведено более 30 млн. цыплят.

В организациях потребкооперации республики стали широко развиваться также перспективные, экономически выгодные отрасли животноводства, как свиноводство и птицеводство. Мощность имеющихся ферм и птицефабрик уже сегодня позволяет одновременно содержать 3 млн. голов птицы и свыше 20 тыс. голов свиней.

Серьезные мероприятия по увеличению производства мяса намечено осуществить в соответствии с комплексной программой развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986—2000 гг.

В росте товарных ресурсов в сельской местности большую роль играет организация заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов. Удельный вес потребкооперации в государственных закупках сельскохозяйственных продуктов и сырья составляет: картофеля — 53,1%, бахчевых культур — 69%, кожсырья — более 52%, дикорастущих плодов и ягод — более 62%, лекарственно-технических средств — 61%, а по заготовке шерсти и пушно-мехового сырья потребительская кооперация выступает основным заготовителем.

Заготовительный оборот потребкооперации республики с 602,7 млн. руб. в 1978 г. вырос более чем до 900 млн. руб. в 1988 г. Следует отметить, что относительно более высокими темпами растут заготовки и закупки овощей, фруктов, молока, молочных продуктов, винограда, что дает возможность значительно увеличить поставки в общесоюзный фонд.

В 1988 г. в Москву, районы Урала, Дальнего Востока и в другие промышленные центры страны отгружено около 650 тыс. т овощей, более 300,0 тыс. т бахчевых культур и свыше 15,1 тыс. т свежих плодов.

Однако потребительская кооперация все еще плохо использует свои возможности пополнения товарных ресурсов через производствен-

ную и заготовительную деятельность. «Вклад потребкооперации, — отметил М. С. Горбачев в речи на IV съезде колхозников 23 марта 1988 г., — в решение социально-экономических задач села, продовольственной проблемы далеко не соответствует ее возможности. К примеру, люди, чтобы продать кооперации произведенные ими продукты, должны сами добираться до заготовительных пунктов, сеть которых крайне недостаточна»⁴.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании экономического механизма хозяйствования в агропромышленном комплексе страны» (март 1986 г.) открывает новые возможности для четкой, взаимосвязанной работы всех звеньев агропромышленного комплекса, повышения экономической заинтересованности трудовых коллективов в достижении высоких результатов. Особое значение придается дальнейшему укреплению производственных связей колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий с организациями потребкооперации и личными подсобными хозяйствами граждан.

Колхозам, совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям разрешено продавать организациям потребкооперации и на колхозных рынках (с зачетом в выполнение плана, по ценам согласно договоренности) до 30% планового объема закупок картофеля, овощей, бахчевых культур, плодов и ягод, столового винограда, а также сверхплановую сельскохозяйственную продукцию⁵.

В целях формирования товарных ресурсов потребительские общества вовлекают в розничный товарооборот изделия, изготовленные кооперативами по производству товаров и гражданами, занимающимися индивидуальной трудовой деятельностью; развивают собственные откормочные и другие подсобные хозяйства, производство продовольственных и непродовольственных товаров.

Работа потребкооперации с личными подсобными хозяйствами в дальнейшем должна быть поставлена на принципиально новую основу. Необходимо более широко и повсеместно внедрять практику обследования сельских дворов, выявлять реальные возможности каждого личного хозяйства, заключать долговременные договора с этими хозяйствами.

Уже в XII пятилетке в республике значительно увеличатся закупки сельскохозяйственной продукции у населения, объем которых будет доведен до следующих размеров (тыс. т):

Овощи в ассортименте	—2312
Бахчевые	—1586
Съежные плоды	—174
Сухофрукты и кишмиш	—20
Мед	—8,87
дик.растущие плоды	—1,3

Увеличение объема закупок и отгрузки сельскохозяйственной продукции требует создания прочной материально-технической базы. Упомянутое выше постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР обязывало Госагропром СССР, Госплан СССР, Советы Министров союзных республик обеспечить развитие в хозяйствах и в организациях потребкооперации мощностей по хранению и переработке сельскохозяйственной продукции для более равномерной поставки ее потребителям. Сейчас кооперативные организации республики имеют около 300 овощехранилищ и фруктохолодильников общей емкостью

⁴ Горбачев М. С. Речь на IV Всесоюзном съезде колхозников//Правда. 1988. 24 марта.

⁵ См.: Известия. 1986. 29 марта.

более 120 тыс. т. действуют 225 универсальных и 500 временных приемо-заготовительных пунктов.

Как известно, острота продовольственной проблемы в социально-экономическом смысле тесно связана с ростом и усложнением потребностей населения на основе повышения денежных доходов и благосостояния народа. Ныне более 60% семей имеют средний доход в расчете на члена семьи 100 руб. и более, тогда как в 1970 г. такой доход имели примерно 18% семей. Идет сближение уровня реальных доходов городского и сельского населения. Если, например, реальные доходы рабочих и служащих в расчете на одного работающего превысили в 1985 г. уровень 1970 г. в 1,5 раза, то доходы колхозников — в 1,7 раза. В результате уровень реальных доходов колхозников в расчете на члена семьи поднялся с 70% от уровня доходов рабочих и служащих в 1960 г. до 80% в 1970 г. и более чем до 90% — в 1985 г.

Цель потребительского кооператива, как записано в его Примерном уставе, — более полное удовлетворение растущих запросов сельского населения. Для этого кооператив на основе самоуправления и полного хозяйственного расчета осуществляет различные виды деятельности, основная из которых — торговля товарами народного потребления. Чем выше уровень производства товаров народного потребления, тем больше объем продажи товаров в системе потребительской кооперации.

Хотя объем различного товарооборота потребкооперации и служит главным показателем, характеризующим уровень потребления сельского населения, он, однако, не может в полной мере отразить уровень и структуру потребления, ибо, во-первых, часть потребностей сельского населения удовлетворяется за счет потребления в натуральных формах, поступающих от колхозов и личных подсобных хозяйств; во-вторых, часть потребностей сельского населения удовлетворяется через покупку товаров в сети государственной торговли.

Тем не менее розничный товароборот кооперативной торговли из года в год растет. Например, за 1980—1986 гг. в Узбекской ССР он вырос с 4732,1 млн. руб. до 6371,5 млн. руб., т. е. на 36,5%.

Общий объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли в республике составил в 1988 г. 15,2 млрд. руб. и увеличился по сравнению с 1987 г. в фактических ценах на 1,3 млрд. руб. Сверх плана продано товаров более чем на 200 млн. руб. Прирост товарооборота произошел за счет увеличения физического объема проданных товаров, изменения ассортимента, выпуска более современных и модных товаров.

В условиях коренной перестройки экономических отношений в агропромышленном комплексе существенно изменяются и формы организации заготовок сельскохозяйственной продукции. Главным сейчас наряду с дальнейшим укреплением связи с колхозами и совхозами становится использование возможностей расширения закупок продукции в личных подсобных хозяйствах граждан, садово-виноградарских товариществах, у арендаторов и др. Основной путь их — через мобильные и максимально приближенные к населению хозяйственные ячейки — селькоопзаготпромы, которые должны по-настоящему принять на себя функции закупки продукции, переработки ее на месте и реализации населению, что будет активно способствовать решению продовольственной проблемы в стране.

О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВ АПК

XXVII съезд КПСС указал на необходимость усиления экономических методов руководства народным хозяйством, укрепления хозяйственного расчета, расширения самостоятельности предприятий, повышения их ответственности за достижение высоких конечных результатов.

Выработанный партией стратегический курс требует дальнейшего развития и укрепления договорных отношений в народном хозяйстве. Повышение роли договора как правовой формы хозяйственных отношений, в свою очередь, требует всестороннего совершенствования ответственности за его нарушение. В этом плане за последние годы осуществляются разнообразные мероприятия: усиливается действенность ответственности за нарушение договорного обязательства, совершенствуется законодательство об ответственности, улучшается практика его применения. Однако существующий механизм договорной ответственности остается малоэффективным. Применяемые в хозяйственных отношениях средства имущественного воздействия не оказывают должного влияния на положение дел в нашей экономике.

Недейственность, малоэффективность имущественных санкций особенно характерна для договорных отношений хозяйства АПК. Возьмем, например, договорные отношения по химизации сельского хозяйства. Основные правовые нормы, регулирующие эти отношения, в последние 10 лет изменялись 3 раза, что было связано с расширением и конкретизацией взаимных обязательств сторон договора, определением прав РАПО в организации договорных взаимоотношений. В нормативных актах (положениях и типовых договорах), наряду с условиями договорных обязательств, развивались и нормы об имущественной ответственности за нарушение договорных обязательств. Но несмотря на все это, договоры в большинстве случаев и поныне носят формальный характер. Договор не стал надежным средством регулирования взаимоотношений предприятий АПК.

Одна из причин этого — малоэффективность гражданско-правовых санкций. Надо сказать, что для возложения на нарушителей хозяйственной дисциплины ответственности имеются все основания; потерпевшему предоставлено право взыскать с нарушителя штрафные санкции, убытки; санкции за нарушение договорных обязательств применяются в обязательном порядке без взаимных расчетов и др. Однако организации (во многих случаях колхозы, совхозы), пострадавшие от нарушения хозяйственных договоров, нередко проявляют пассивность, далеко не всегда привлекают нарушителей к гражданско-правовой ответственности, оставляя без защиты не только свои права и интересы, но также страдающие от этого интересы всего общества¹.

Неприменение санкций — это в большей мере результат незаинтересованности предприятий в этом. Ведение претензионной и исковой работы требует немалых затрат и усилий. Однако в связи с переходом предприятий, объединенный на хозяйственный расчет, самофинансирование резко повышается их заинтересованность в применении санкций и, наоборот, неприменение ответственности отрицательно сказывается на финансовом положении не только предприятия, но и каждого члена трудового коллектива. Теперь предприятия сами прямо заинтересованы в применении санкций.

¹ См.: Эффективность гражданского законодательства. М., 1984. С. 78.

Следует отметить, что непредъявление санкций к неисправным контрагентам по договору совершается в основном по вине должностных лиц. Такую бездеятельность руководителей хозяйств, как правильно отмечается в литературе, следует рассматривать как правонарушение². Бездеятельность хозяйственных руководителей при необходимости получения возмещения ущерба следует рассматривать как акт бесхозяйственности и расточительства³. Некоторые авторы считают, что руководителей, не применяющих санкции, в качестве минимального наказания можно привлекать к дисциплинарной ответственности, сопровождаемой снижением премий⁴.

Нам представляется, что неприменение санкций со стороны хозяйственных руководителей надо рассматривать как неисполнение ими своих прямых обязанностей по защите хозяйственных интересов предприятий и предусмотреть по отношению к ним нормы административной и материальной ответственности.

Нельзя, однако, объяснять пассивность по отношению к неисправным контрагентам одной лишь халатностью или юридической неграмотностью руководителей хозяйств. Есть и другие причины, которые снижают не только эффективность договорной ответственности, но и самого договора.

Одна из этих причин — такая ситуация, что во многих хозяйственных договорах стороны не занимают равноправного положения. Например, в договорных отношениях по снабжению химическими средствами и агрохимическому обслуживанию объединений райсельхозхимия в отношении колхозов, совхозов обладает административно-управленческими полномочиями, т. е. покупатель, клиент находятся в реальной власти поставщика, подрядчика. Поэтому колхозы, совхозы не желают обострять отношения с райсельхозхимией. Райсельхозхимия, будучи партнером хозяйств в договорных отношениях по агрохимическому обслуживанию, выступает также в качестве поставщика последним дефицитных химических средств. Практика показывает, что многие сельскохозяйственные предприятия могут наладить агрохимические работы своими силами. Но, хотя услуги сельхозхимии обходятся им намного дороже, они вынуждены заключить с последним договора на агрохимическое обслуживание, чтобы получить некоторые дефицитные химические средства. Отсюда и формальность договоров, и недейственность имущественной ответственности.

Еще одна из основных причин неприменения гражданско-правовой ответственности — отсутствие экономического интереса к их возмещению. Точное определение источника уплаты имущественных санкций и возмещения убытков стимулирует более строгое отношение к этой проблеме. В юридической и экономической литературе высказывались различные мнения по этому поводу⁵. В частности, вносились предложения, чтобы взыскание неустойки обращалось на поощрительные фонды⁶.

² См.: Тихомиров Ю. А. Правовые вопросы управления экономикой развитого социалистического общества // Вестник АН СССР. 1975. № 4. С. 66.

³ Донцов С. Е. Гражданско-правовые договорные способы защиты социалистической собственности. М., 1980. С. 87.

⁴ См.: Раудсалу В. Договорные отношения агропромышленного комплекса // Актуальные проблемы правового обеспечения Продовольственной программы. Таллин, 1986. С. 70.

⁵ См.: Хохлов В. А. Гражданско-правовая ответственность в агропромышленном объединении: Автореф. канд. дис. Саратов, 1985. С. 11—12; Стадник А. Т. Методические вопросы совершенствования экономических взаимоотношений в АПК // Совершенствование экономических взаимоотношений сельскохозяйственных предприятий с обслуживающими и заготовительными организациями. Ч. I. Новосибирск, 1987. С. 43; и др.

⁶ Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 6. М., 1966. С. 50.

Такое предложение в целом обоснованно, однако, как отмечает Н. С. Маленин, при существующих размерах фондов и санкций поощрительный фонд предприятия оказался бы вскоре исчерпанным и оно освободилось бы от ответственности за последующие нарушения. По его мнению, более целесообразно взыскивать лишь часть штрафных санкций из поощрительного фонда, а большую часть этих сумм относить на прибыль предприятия⁷.

В п. 6 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 июня 1986 г. «О повышении ответственности объединений, предприятий, организаций за выполнение договоров поставки продуктов и товаров»⁸ предусмотрено, что «фонд материального поощрения уменьшается на сумму санкций, взысканных с предприятий, объединений за невыполнение обязательств, но не более чем на 20% планового размера этого фонда». Однако этот принцип применяется пока лишь в отношениях по договору поставки.

Некоторые авторы считают более обоснованным закрепление такого порядка, когда непосредственно на фонды стимулирования относились бы не суммы уплаченной предприятием неустойки, а сальдо штрафных санкций⁹. Высказывалось предложение, по которому взыскание средств на возмещение потерь от нарушения договорных обязательств должно производиться виновной стороной за счет собственных средств путем уменьшения отчислений в фонды материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства¹⁰.

Законом СССР о государственном предприятии (объединении) предусмотрено, что возмещение предприятием убытков, причиненных другим организациям и государству, уплата штрафов, неустоек и иных санкций производится за счет хозрасчетного дохода коллектива. Полученные предприятием суммы возмещения ущерба и санкции направляются на увеличение хозрасчетного дохода коллектива¹¹.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 сентября 1987 г. «Об уточнении порядка применения экономических санкций к объединениям, предприятиям и организациям в условиях перестройки управления экономикой»¹², суммы, уплаченные и полученные в виде штрафов и иных санкций, относятся по предприятиям, организациям, переведенным на полный хозрасчет, на прибыль (доход), остающуюся в их распоряжении и направленную в фонды экономического стимулирования, а по предприятиям, не переведенным на полный хозрасчет (до перехода их на условия работы в соответствии с Законом СССР о государственном предприятии (объединении)), — на прибыль (доход), направляемую в фонды экономического стимулирования, и на другие затраты, исходя из плановых пропорций распределения этой прибыли.

При решении данного вопроса следует учесть, что всякое нарушение договорной дисциплины, непредъявление санкций совершаются по вине хозяйственных руководителей, а не коллектива. С другой стороны, «в современных условиях суммы, уплаченные за нарушение договорных обязательств, непосредственно отражаются на финансовом

⁷ Маленин Н. С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1968. С. 134—135.

⁸ СП СССР. 1986. № 25. Ст. 140.

⁹ См.: Михалева Т. И. Об интересе предприятия о возмещении убытков, вызванных уплатой штрафных санкций//Совершенствование законодательства о народном хозяйстве в условиях интенсификации общественного производства. М., 1987. С. 249.

¹⁰ См.: Дюсембоев А. Д. АПК: Совершенствование межотраслевых связей в новых условиях хозяйствования. Алма-Ата, 1987. С. 149.

¹¹ См.: Правда. 1987. 1 июля.

¹² СП СССР. 1987. № 45. Ст. 150.

положении предприятий. Широкое распространение практики отнесения таких сумм и иных потерь на фонды экономического стимулирования может привести к «проеданию» этих фондов...»¹³

Поэтому нам представляется, что надо установить такой порядок, чтобы все виды неустойки компенсировались в определенной части за счет персональных выплат виновников срыва договорных обязательств, а убытки покрывались за счетхозрасчетного дохода коллектива. Следует предоставить органам арбитража право принимать установленные меры воздействия к должностным лицам, по вине которых нарушены договорные обязательства предприятий. (Такое право предоставлено арбитражам по Закону о договорах ГДР и по Правилу об экономическом механизме НРБ)¹⁴.

По действующим правилам, при нарушении договорных обязательств санкции могут быть предъявлены к неисправному предприятию-контрагенту. А потом предприятия, организации могут предъявлять регрессивный иск к конкретным виновным лицам. Однако практика почти не знает случая, когда предприятия или организации на деле предъявляли бы регрессивные иски. Ведь, повторяем, договорные обязательства в основном нарушаются по вине хозяйственных руководителей. Поэтому надо узаконить и конкретизировать персональную материальную ответственность должностных лиц, непосредственно виновных в причинении ущерба в связи с ненадлежащим исполнением договора, в самих нормативных актах, регулирующих договорные отношения.

Претензии и иски о возмещении убытков не предъявляются также из-за сложности доказывания. Доказывание объема причиненных убытков, а тем более объема прибыли, не полученной вследствие правонарушения обязательства, — дело в высшей степени сложное, особенно если учесть, что размер этой прибыли должен быть доказан на основе бухгалтерских данных. Это не способствует активной защите интересов, прежде всего потребителей — колхозов, совхозов.

В юридической и экономической литературе предлагаются различные способы решения этой сложной задачи. Одни авторы отстаивают идею «нормативных убытков», согласно которой стороны могли бы, во избежание необходимости доказывать размер причиненных убытков, определить их заранее, в самом договоре. Для некоторых хозяйственных договоров эта доктрина получила нормативное закрепление. Так, согласно п. 74 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 25 июля 1988 г.¹⁵, договаривающимся сторонам предоставляется право предусмотреть в договоре возможность возмещения убытков в твердой сумме, которая подлежит взысканию в случае ненадлежащего исполнения обязательства по договору.

По мнению других авторов, взыскание убытков необходимо поручить вневедомственной организации¹⁶. Б. Пугинский считает целесообразным создать «на каждом предприятии... специальную структуру,

---

¹³ Заменгоф З. М. Развитие правовых форм экономического стимулирования производства//XXVII съезд КПСС и правовые вопросы перестройки хозяйственного механизма. М., 1987. С. 110.

¹⁴ См.: Суханов Е. А. Совершенствование ответственности за нарушение хозяйственных договоров в законодательстве зарубежных стран социализма//Правовое обеспечение договорной и трудовой дисциплины. Вильнюс, 1984. С. 137.

¹⁵ СП СССР. 1988. № 24—25. Ст. 70.

¹⁶ См.: Совершенствование экономических взаимоотношений сельскохозяйственных предприятий с обслуживающими и заготовительными организациями. Ч. I. С. 47.

предназначенную для выполнения работы по возмещению убытков»¹⁷. Он же предлагает рекомендовать сторонам, когда исчисление убытков неоправданно сложно, договариваться взамен убытков предусматривать повышенную неустойку¹⁸. Высказывалось даже предложение об упразднении данного вида ответственности.

Некоторые авторы считают нужным разработать инструкции или положения, либо методику подсчета убытков¹⁹. Однако, например, в сельском хозяйстве на урожайность влияет множество факторов; доля каждого из них в недоборе урожая точно не известна. Различные нарушения со стороны обслуживающих организаций также могут приводить к не совпадающим по размеру ущерба материальным последствиям. Поэтому трудно разработать для всего многообразия конкретных ситуаций положение или инструкцию о возмещении убытков. На наш взгляд, можно подготовить лишь методику подсчета убытков. Такая методика должна разрабатываться для каждого фактора, который отрицательно влияет на урожайность. При ее разработке должны участвовать ученые-юристы, экономисты, руководители предприятий, организаций.

В обеспечении действенности и эффективности имущественной ответственности большое значение имеет экономическая обоснованность размеров санкций. Имущественная ответственность в договорах не увязана с размерами причиненного ущерба; по ряду договоров она вообще не установлена, в большинстве случаев ее размер не чувствителен, а иногда чересчур велик для нарушителей договорных условий. При недопоставке химической продукции организации сельхозхимии уплачивают хозяйству неустойку в размере 12% стоимости непоставленной в срок продукции. Эта санкция абсолютно не чувствительна для сельхозхимии. А ведь поставляемые сельскому хозяйству химические средства являются не только продукцией, но и необходимым фактором повышения урожайности сельскохозяйственных культур.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 апреля 1986 г. о переводе предприятий легкой промышленности на новые условия хозяйствования вдвое повышена ответственность за недопоставку указанным предприятиям сырья, материалов и другой продукции, необходимой для производства товаров²⁰. Аналогичный порядок целесообразно установить и в рассматриваемых отношениях.

Многие снабженческие, обслуживающие организации, в частности объединения сельхозхимии, приспособились к таким условиям, что потери от суммы, уплаченной в качестве неустойки, они компенсируют за счет взыскания санкций с неисправных контрагентов. Некоторые объединения сельхозхимии имеют даже положительное сальдо уплаченных и взысканных сумм санкций. Этому способствуют также положения нормативных актов о порядке начислений и возмещения сумм неустоек. Например, при недопоставке химических средств 12% неустойки начисляется для объединений сельхозхимии по стоимости продукции в оптовых ценах для промышленности, а для хозяйств — в ценах для сельского хозяйства. Это приводит к тому, что сельхозхимия только из-за разницы в ценах на 10—20% получает дополнительные суммы

¹⁷ Пугинский Б. И. Структурные факторы совершенствования механизма ответственности//XXVII съезд КПСС и правовые вопросы перестройки хозяйственного механизма. С. 131.

¹⁸ См.: Пугинский Б. И. Ответственность за нарушение хозяйственных договоров//Гражданское право и экономика. М., 1985. С. 73.

¹⁹ См.: Попов В. К. Договоры аграрных предприятий в реализации Продовольственной программы СССР//Проблемы социалистической законности. Вып. 13. Харьков, 1984. С. 77.

²⁰ СП СССР. 1986. № 20. Ст. 108.

неустоек, которые обращает в свои прибыли. Другими словами, посредническая организация получает выгоду при нарушении договорных обязательств и заинтересована в этом. Поэтому целесообразно установить такой порядок, чтобы посреднические организации, получившие штрафные санкции, не направляли их на увеличение своей прибыли, а выплачивали сумму штрафов и неустоек хозяйствам, недополучившим материально-технические средства в установленные сроки.

В последнее время ужесточается имущественная ответственность за нарушение договорных обязательств. Сложилось ошибочное представление, будто повышение размеров ответственности равнозначно ее усилению. Практика доказывает, однако, что за большинство нарушений существующая ответственность вполне достаточна, а порой и неоправданно велика. Например, согласно п. 29 Положения о порядке заключения и исполнения договоров на агрохимическое обслуживание, при недоброкачественном выполнении или просрочке выполнения агрохимических работ, переделка или выполнение которых невозможны по агрохимическим требованиям, сельхозхимия уплачивает хозяйству неустойку в объеме 100% стоимости этих работ.

Необоснованное увеличение размеров санкций не может давать ожидаемого эффекта. Хотя за последние 20 лет четырежды повышались размеры неустоек за нарушение сроков поставки химических средств, в 1987 г. объединения сельхозхимии по-прежнему допускали подобные нарушения. Нельзя не отметить, что ни в одной из зарубежных стран социализма законодательство не пошло по пути механического наращивания размера санкций за нарушение договорных обязательств.

Законодательство наделяет субъектов правом самим предусматривать договорную ответственность. В большинстве договорных отношений стороны предусматривают значительное число дополнительных неустоек и штрафов. Но изучение практики показывает, что в договорных отношениях по химизации по инициативе сторон почти не предусматриваются дополнительные или повышенные санкции. На наш взгляд, целесообразно было бы в текст договоров по химизации сельского хозяйства включать ответственность за нарушение правил пользования и хранения химической продукции. Как работники сельхозхимии, так и руководители колхозов, совхозов часто небрежно обращаются с минеральными удобрениями и пестицидами, что приводит иногда к тяжелейшим последствиям. Например, в 1986 г. в сел. Дамарык Бувайдинского района в результате неправильного применения высокотоксичного пестицида 6 человек умерли, а несколько были отравлены.

Следует отметить, что в нормативных актах, регулирующих хозяйственные договоры, еще встречаются неэффективные, изжившие, не оправдавшие себя формы ответственности. Так, не дали ожидаемого эффекта «экономические» санкции в виде взыскания в бюджет сумм, не полученных предприятиями за поставку недоброкачественной продукции, или за непредъявленные требования о санкциях (ст. 19 Закон о Государственном арбитраже СССР). И многие другие «взыскания в бюджет» в условиях хозяйственного расчета лишь ущемляют хозяйственные интересы предприятий и организаций.

Совершенствование законодательства об ответственности и неуклонное, правильное применение его на практике способствуют успешному переводу хозяйств на самоокупаемость и самофинансирование, укреплению хозрасчета.

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В МНОГОДЕТНОЙ СЕМЬЕ

(На материалах этнографических экспедиций по Узбекистану)

Изучение семей различных национальностей показывает, что историческое прошлое каждой нации, ее традиции и ныне оказывают определенное влияние на формы семьи, ее численность.

Так, традиционно высокая рождаемость в республиках Среднеазиатского региона влияет на размер семьи. Среднее число детей в семье у коренных национальностей Узбекистана — 6,08¹.

Данные полевых этнографических исследований, собранные в сельской местности и городах Бухарской, Ташкентской, Джизакской областей, Каракалпакской АССР, материалы специальной литературы и периодической печати свидетельствуют о том, что проблема многодетности занимает серьезное место в социально-экономической жизни Узбекистана.

Многодетность — исторически сложившаяся традиция, которую ошибочно было бы объяснять одной лишь привязанностью к детям у того или иного народа. Истоки этой традиции уходят в первобытное общество, где как закономерная реакция на высокую смертность должны были возникнуть общественные установки на поддержание плодovitости. Идеология патриархально-родового общества базировалась на том, что многочисленное потомство и широта родственных связей обуславливали престиж и авторитет семьи, а от численности родоплеменных групп зависели их положение в обществе, сила, влияние и безопасность².

Распространенность больших патриархальных семей в минувшие времена, высокая социальная ценность семьи и брака, традиции раннего замужества, бывшее зависимое положение женщины, ограниченность в прошлом ее деятельности сферой семейной жизни, традиции многодетности и религиозные традиции — все это факторы, определяющие высокую рождаемость у коренного населения Средней Азии. Устойчивость всех этих традиций, сохранение ориентации на многодетную семью объясняется тем, что народы Средней Азии и Казахстана пришли к социализму, минуя капитализм. Урбанизация, развитие средств массовой коммуникации и другие процессы, способствующие изменению традиционных социальных норм и установок в сфере демографического поведения, коснулись их в меньшей степени, чем народов Европейской части СССР³, где важные общественно-политические события протекали интенсивнее.

Тем не менее и у коренных национальностей Среднеазиатского региона демографы отмечают тенденцию к снижению рождаемости, что объясняется ослаблением роли традиций в быту семьи, глубокими преобразованиями образа жизни.

При сборе полевого материала среди узбеков и каракалпаков нас интересовало отношение к многодетности разных поколений мужчин и женщин. Чаще всего мнения информаторов резко разделялись (в зависимости от возраста, образования, социального положения).

¹ Дарский Л. Е. Социально-демографические исследования проблем рождаемости // Социологические исследования. 1979. № 3. С. 12.

² Жадиқо Т. А. Структура сельской семьи у народов Средней Азии и Казахстана (Типы и состав семей, внутрисемейные отношения) // Рукопись коллективного труда «Новое и традиционное в быту сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана». С. 17.

³ Социально-культурный облик советских наций (По материалам этносоциологического исследования). М., 1986. С. 121.

Когда брачная пара живет с родителями, на ее репродуктивное поведение оказывают влияние суждения и взгляды старшего поколения и особенно помощь старших в воспитании детей, т. е. предполагается зависимость рождаемости от степени связи брачных пар с более широким кругом родственников, на что указывают и другие исследователи⁴.

Старшее поколение в сложных по форме семьях зачастую стоит «на страже» внутрисемейного регулирования рождаемости в пользу ее увеличения. Для ответов информаторов пожилого возраста, особенно мужчин, характерны желание иметь как можно больше детей и внуков, утверждение, что многодетные женщины пользуются почетом и уважением в обществе. В малодетной семье, по их мнению, дети растут избалованными, горделивыми, а там, где их много, там можно говорить о дружбе, уважении, взаимопомощи, внимании к старшим, т. е. идеалы нравственности неразрывно связываются с традицией многодетности. Из ответов лиц старшего поколения следует, что нельзя упускать из виду и значение религиозного фактора, действие которого, по словам демографа В. И. Козлова, иногда обретает этнический аспект: «...Многие религиозные установки в результате многовекового их исполнения входят в культуру и быт народов, становятся по существу народными традициями и как таковые продолжают существовать даже после того, как религия уходит в прошлое»⁵.

Однако традиционные взгляды старшего поколения на число детей в семье постепенно отступают под действием требований современности, в частности ответственности семьи за качество воспитания подрастающего поколения.

Молодые сегодня считают, что следует разумно подходить к планированию количества детей в семье. Горожане, как видно из проведенных бесед, принимают во внимание благосостояние семьи, занятость женщины в общественном производстве, учебе, обеспеченность жильем. Уровень образования, а также социальное положение супругов тоже относятся к значимым факторам, определяющим рождаемость. Инициаторами в процессе снижения рождаемости выступают наиболее образованные брачные пары. Известно также, что рождаемость сельского населения выше, чем городского, т. е. на факторы ее влияет и место проживания семьи.

Остановимся на некоторых вопросах, связанных с воспитанием детей в многодетных семьях.

Много положительного и с научной точки зрения интересного содержится в особенностях народного воспитания в многодетных семьях коренных национальностей Узбекистана.

Для современной многодетной семьи (узбекской, каракалпакской) характерно сочетание традиционных и новых форм воспитания.

Хорошо известно, что в многодетных семьях у детей развиты такие положительные качества, как дисциплина, чувство долга, ответственности, взаимопомощь; дети быстрее привыкают к самостоятельному труду, самообслуживанию, быстрее обретают необходимые навыки и привычки. Именно трудовые навыки, активное участие в домашних делах, а также уважительное отношение к старшим по возрасту больше развиты у детей в многодетных семьях.

К числу этнических особенностей воспитания детей в многодетных семьях коренных национальностей относится серьезный вклад старших детей (главным образом девочек) в уход за младшими.

⁴ Коротеева В. В. Этносоциальные аспекты рождаемости у населения многонационального города (на примере Ташкента)//Советская этнография. 1986. № 6. С. 21—23; Козлов В. И. Динамика численности народов//Методология исследования и основные факторы. М., 1969. С. 146.

⁵ Козлов В. И. Указ соч. С. 162.

Положительное значение «народной педагогики» в наши дни — в трудовом воспитании подрастающего поколения. Эти традиции следует сохранять и развивать на новой основе.

Нельзя не учитывать, что сельская местность предоставляет больше возможности для включения детей в разнообразную трудовую деятельность. Трудовые обязанности сельских детей в семье, усвоенные в процессе непринужденных наблюдений, а затем и выполнения отдельных поручений, в результате полученных знаний от взрослых, дают возможность ребенку понять и уяснить себе закономерности развития, увидеть постоянные изменения, происходящие в живой природе, даже при выполнении таких обыденных, на первый взгляд, обязанностей, как уход за домашней живностью, в процессе которого обычно мальчики добывают корм, убирают навоз, девочки — доят коров и проч. Знакомство детей с окружающей природой в сельской местности в процессе труда, быта и отдыха происходит в непосредственном общении с нею, в связи с чем у ребенка складываются более богатые представления о растительном и животном мире родного края.

Некоторые виды труда, которыми народ занимался в прошлом (традиции земледелия, виноградарства, садоводства, ковроткачества, вышивания, кузнечного дела и мн. др.), определяют этническое своеобразие той или иной области Узбекистана и по сей день.

К примеру, элементы трудового воспитания и одновременно процесс «трансмиссии» этнокультурных традиций мы имели возможность наблюдать повсеместно в Галляаральском районе Джизакской области, а также во многих районах Бухарской области, в передаче старшим поколением младшему (девочкам) народных знаний и опыта рукоделия, традиций ковроткачества, изготовления паласов (олача), национальных узорных кошм, различных видов художественных изделий. Молодое поколение имеет должное представление о правилах, приемах и технологии их изготовления, хорошо знают излюбленные национальные расцветки и т. д.

Традиции трудового воспитания в многодетных семьях, трудовую преемственность мы наблюдали в бытующих традиционных видах ремесел в Бухарской области: в чеканной мастерской при Бухарской швейно-галантерейной фабрике им. Уста Салима Хамидова, у кузнецов мастерской Техсложбытприбора г. Бухары, в надомном труде изготовителей камышовых циновок (буйра) в г. Бухаре, в цехе юртовых изделий местной промышленности ККАССР в г. Чимбае (выделка деревянных каркасов юрт) и др.

Хотелось бы отметить такую характерную особенность народной системы воспитания, как постоянная связь получаемых сведений о различных сферах жизни с практикой, с трудовой деятельностью. Подготовка подрастающего поколения к трудовой деятельности — основная задача народной системы воспитания. Все остальные проблемы исходят из нее, дополняют и конкретизируют ее⁶.

Трудовое воспитание в семье, приобщение ребенка к труду органически сочетается с понятиями о нравственности. Трудолюбие, по народным представлениям, — один из основных критериев нравственности.

Другой первостепенный критерий нравственности — уважительное отношение к старшим по возрасту, которое прививается детям с малолетства. У народов Средней Азии традиция эта выступает в качестве этнического идеала, играющего важную роль в формировании социального поведения⁷. По народным представлениям, молодому поколению

⁶ Волков Г. И. Чувашская народная педагогика. Чебоксары, 1958. С. 144, 257.

⁷ Рахимов Р. Р. Семья: дети и взрослые (О воспитании детей у таджиков) // Руконись коллективного труда «Новое и традиционное в быту сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана». С. 34.

следует прислушиваться к советам и знаниям старших по возрасту, будь то старики или родители, старшие братья, сестры или другие родственники и соседи. Их слова, советы, поучения воспринимаются как должное, как руководство к действиям.

Проявлением воспитанности и уважительного отношения к старшим является и этическая форма обращения к ним. С ранних лет детей учат этикету приветствия. Манера приветствия у различных групп узбеков, а также каракалпаков при этом имеет свои местные особенности.

Разумеется, старших по возрасту, умудренных жизнью пожилых людей следует уважать и прислушиваться к их мнению, когда они дают или поддерживают положительные советы и обычаи, а не идти у них на поводу, когда они обращаются к старым, вредным обычаям, изжившим себя традициям и привычкам.

В педагогике народного воспитания среднеазиатских народов, в том числе узбеков, каракалпаков, высоко ценится гостеприимство, правилам и приемам которого дети обучаются с детства.

Вместе с тем надо сказать, что многодетность еще не обеспечивает все необходимые положительные результаты, что в семейном воспитании пока не полностью изжиты недостатки, имеют место отрицательные явления, которые проистекают зачастую, как показывает практика, из-за недостаточного освобождения их от пережитков прошлого. Отрицательно отражается на воспитании детей бытующий в семьях коренного населения беспрекословный авторитет главы семьи, граничащий порой с деспотизмом в отношении членов семьи. До сих пор в некоторых многодетных городских и сельских семьях продолжает сохраняться неверно дифференцированное воспитание детей по признаку пола. Девочек при этом ориентируют на активную, порой чрезмерную помощь в домашнем хозяйстве, будущую семейную жизнь, беспрекословное подчинение воле старших, будущего мужа. В связи с этим девочкам на селе в большинстве семей не дозволяют появляться в общественных местах культурного досуга — кинотеатрах и др.

Известное отношение к женщине в традиционном обществе отражается и в наши дни, когда девочки в некоторых семьях осознают себя стоящими на ступень ниже, чем мальчики. И нельзя не согласиться, что подобные традиции формируют у мужчин высокомерие, ничем не обоснованное представление о своем превосходстве, исключительности своего положения в семье⁸.

Совмещая учебу и излишне насыщенные домашние трудовые обязанности, а также широкую помощь родителям в колхозе, совхозе (особенно во время страды), дети не имеют надлежащей возможности для духовного развития. Педагоги и широкая общественность выражают свою озабоченность по поводу чрезмерного использования помощи детей в семейных подрядах, что влияет и на качество учебы. Делая акцент на трудовом воспитании, родители в сельской местности нередко не считают нужным даже приобрести для детей хотя бы письменный стол, за которым они могли бы готовить уроки, а не сидеть, скорчившись на полу или за низеньким столиком «хон-тахта», а также приобрести книжный шкаф, куда можно было бы перенести учебники с подоконников, из-под сундуков. Это отрицательно сказывается на физическом, умственном и эстетическом развитии ребенка.

Можно ли вообще говорить о хорошем качестве ухода и воспитания, когда в многодетных семьях села и города практикуется почти полное возложение на старших детей обязанностей ухода за младшими?

⁸ Минаваров А. К. Трудовое воспитание подростков в современной многодетной узбекской семье: Автореф. канд. дис. М., 1973. С. 21.

Добавим сюда и недостаточный уровень потребления основных продуктов питания в Узбекистане (например, потребление мяса и рыбы составляет менее половины нормы, молока и яиц — две трети нормы от общесоюзного уровня)⁹, отрицательное влияние результатов дисбаланса в экологической ситуации региона, фактическое отсутствие сферы услуг на селе, острую нехватку сети дошкольных учреждений в республике, крайне медленное проникновение на село современной культуры быта.

Не вполне удовлетворяется в многодетной республике спрос населения на необходимые товары для детей.

Известно, что вся тяжесть домашних забот в основном ложится на женщину-мать. Из-за недостаточного благоустройства сельского быта, объективной необходимости трудиться не только в общественном, но и в личном подсобном хозяйстве сельская женщина имеет гораздо меньше свободного времени по сравнению с городской. Свободное время работающих женщин, имеющих детей, как свидетельствует статистика, составляет не более 2,5 часа в день, что приводит к уменьшению бюджета времени на все виды досуговой деятельности, обедняет культурную, духовную жизнь, приводит к нервным, физическим перегрузкам, отражающимся на самочувствии, здоровье женщины¹⁰.

Все это, в свою очередь, отрицательно сказывается и на качестве воспитания детей. А в многодетных семьях указанные проблемы обостряются особенно, так как женщина-мать из-за их нерешенности вынуждена не заниматься общественно полезным трудом, замыкаться в узкой сфере домашних забот.

В добавок ко всему в республике, как уже отмечалось, испытывается острая нехватка детских дошкольных учреждений не только в сельской местности, но и в городах.

Общезвестны серьезные недостатки в системе здравоохранения в нашей стране, наносящие огромный ущерб социальной политике, обществу в целом. На состоявшейся в Ташкенте в 1987 г. выездной коллегии Министерства здравоохранения СССР с участием министра Е. И. Чазова и других специалистов единственной темой повестки дня был вопрос «О серьезных недостатках в организации лечебной и профилактической помощи матерям и детям раннего возраста в Узбекской ССР и мерах преодоления этой ситуации»¹¹.

Результаты бесед с нашими информаторами-женщинами во время этнографических экспедиций полностью совпадают с выводом участников выездной коллегии о том, что одна из причин высокой детской смертности в республике — слишком позднее обращение матери с больным ребенком к врачам, ибо она стоит перед выбором: либо лечь в больницу с этим ребенком, оставляя дома 6—7 несовершеннолетних детей, либо надеяться, что болезнь как-нибудь пройдет сама по себе. Проявляется и нежелание старшего поколения семьи (свекрови) дать согласие снохе лечь с больным ребенком в больницу, ибо на ней лежит вся тяжесть домашнего хозяйства.

Отметим, что больше половины гинекологов и педиатров, например в столице ККАССР Нукусе, — женщины, находящиеся сами либо на больничном, либо в декретных отпусках, в связи с чем и ощущается острая нехватка данных специалистов¹².

⁹ Чеботарева В. Г. Актуальные проблемы повышения социальной активности женщин в современных условиях // Общественные науки в Узбекистане (ОНУ). 1987. № 5. С. 18.

¹⁰ Социально-культурный облик советских наций... С. 149.

¹¹ A Hot Summer for Hippocrates. 240 teams of doctors help children Moscow news. 1987. 30 Aug.

¹² Там же.

Из проведенных с медиками республики полевых бесед о социальных и медицинских аспектах многодетности следует, что несмотря на проводимую среди женщин коренных национальностей санитарно-просветительную работу, санитарная грамотность их низка, что проявляется в ежегодной беременности, серьезно влияет на детскую и материнскую заболеваемость и смертность.

Проблему многодетности, как видим, следует рассматривать дифференцированно. Именно та многодетность, которая является следствием ежегодной беременности женщин, имеет негативные последствия. Это ведет к недостаточному уходу за малолетними детьми, что усугубляется в ряде случаев недостатками жилищно-бытовых условий семьи (особенно на селе), отрицательно влияет на участие женщин в общественно полезном труде и т. д.

Сложности в медицинском обслуживании населения отдаленных от центра районов, как показали наши полевые наблюдения, приводят к тому, что женщины зачастую продолжают рожать в домашних условиях, в силу чего сохраняются «профессия» бабки-повитухи, традиционные способы ухода за новорожденными и «лечения» детей раннего возраста.

Губительные последствия на весь регион, на здоровье его жителей, в том числе детей, оказывает и проблема Арала, ставшая в последнее время объектом широкого внимания, но продолжающая обостряться.

В заключение хотелось бы обратить внимание на важнейшую задачу профилактической деятельности в современных условиях — активную пропаганду санитарно-гигиенических знаний. Органам здравоохранения со всей ответственностью и серьезностью следует вести разностороннюю пропаганду санитарно-гигиенических знаний через средства массовой информации, с широким внедрением ее в программу общеобразовательных школ. Необходимы и широкое развитие сети детских дошкольных учреждений, качественное улучшение их деятельности.

Для обеспечения профилактики заболеваемости и повышения уровня здоровья подрастающего поколения, искоренения антисанитарных «традиций» ухода за детьми участковым врачам-педиатрам, терапевтам следует вести постоянную индивидуальную работу на местах не только с женщинами-матерями, но и мужьями, другими членами семьи. Надо обращать особое внимание на санитарно-гигиенические условия быта семей, строжайшим образом выявлять недостатки и контролировать их ликвидацию со стороны спецслужб здравоохранения. Первоочередного внимания требует постановление правильного ухода за детьми раннего возраста, особенно в сельской местности.

В борьбе против всего отжившего, косного в семейно-бытовой сфере необходимо вести работу на местах не только с женщинами, но обязательно и с мужчинами, а также с пожилыми членами семей, обеспечить формирование правильного общественного мнения, для чего следует глубже поставить его конкретно-социологическое изучение¹³.

Огромное значение имеют всемерное повышение культуры быта, интенсивное развитие сферы бытовых услуг, прежде всего на селе.

На борьбу за практическую реализацию всех этих актуальнейших задач и должны быть нацелены совместные усилия партийных, советских, хозяйственных органов, медиков, ученых, педагогов, депутатов Советов средств массовой информации, всех общественных организаций.

---

¹³ См.: Умурзакова О. П. «Худжум» и становление новых семейно-бытовых традиций//ОНУ. 1987. № 5. С. 30.

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Выступая на январском (1987) Пленуме ЦК КПСС, М. С. Горбачев отметил, что «перестройка... — это постоянная забота о духовном богатстве, культуре каждого человека в обществе». На февральском (1988) Пленуме ЦК КПСС, разработавшем важнейшие идеологические вопросы перестройки, говорилось о том, что «мы должны смело, энергично наращивать и расширять культурный пласт перестройки»². В решении этой задачи велика и ответственна роль памятников истории и культуры как факторов эстетического, нравственного и патриотического воспитания трудящихся.

Ведущей составной частью механизма охраны духовных ценностей является законодательство об их охране, и от того, насколько оно своевременно и полно отражает общественные потребности, зависит состояние охраны памятников в целом. Как известно, действующий Закон об охране и использовании памятников истории и культуры был принят в республике в декабре 1977 г.³ В нем нашли отражение ленинские принципы охраны культурного наследия, кодифицированы положения ранее действовавших нормативных актов и обобщена многолетняя практика по сохранению памятников. Республиканский Закон, как и общесоюзный, сыграл значительную роль в активизации деятельности государственных органов и общественных организаций, поднятии правосознания советских людей в данной сфере.

Однако, охватывая наиболее существенные моменты, Закон не исчерпывает всех аспектов охраны и использования памятников. Значительная область отношений не отражена в законодательстве и остается вне правового регулирования. Так, во введении Закона об охране и использовании памятников истории и культуры говорится, что Советское государство создает все необходимые условия для сохранения и эффективного использования памятников в интересах коммунистического строительства. Этим положением охватывается многообразная деятельность Советского государства в двух направлениях: по охране памятников и их рациональному использованию. Между тем, следуя известным словам В. И. Ленина, «хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством»⁴, государство с первых дней своего существования ведет интенсивную работу по приумножению исторических и культурных ценностей. Причем деятельность эта осуществляется как путем выявления и учета ранее существовавших, так и путем создания новых памятников. Следовательно, практическая деятельность государства в данной области значительно шире, чем это зафиксировано в Законе, и есть необходимость полнее отразить ее в законодательстве. Это тем более необходимо с точки зрения реализации идей Конституции СССР (и конституций союзных республик), где в ст. 27 говорится, что государство заботится не только о сохранении культурного наследия, но и активном его приумножении.

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 27—28 января 1987 г. М., 1987. С. 16.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 17—18 февраля 1988 г. М., 1988. С. 18—19.

³ Правда Востока. 1977. 23 дек.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 542.

Анализ статей Закона показывает, что в нем достаточно разработаны вопросы, связанные с материальным правом, но многие вопросы, связанные с его осуществлением, не нашли должного отражения в законодательстве. Поэтому отдельные статьи носят декларативный характер, т. е. не выдерживают соприкосновения с жизнью. Примером может служить ст. 22 Закона о согласовании с органами охраны памятников проектов планировки, застройки и реконструкции городов и населенных пунктов, имеющих памятники истории и культуры. Здесь надо отметить два факта. Во-первых, в статье недостаточно четко подчеркнута общеобязательность нормы. Во-вторых, неясно, какой именно государственный орган или учреждение (архитектурно-планировочное управление или проектный институт) согласовывают проекты планировки и застройки городов с органами охраны и с кем именно. Неясно также, кому должна принадлежать инициатива согласования проектов. Эта неопределенность статьи порождает халатное отношение государственных органов в лице должностных лиц к своим обязанностям, часто приводит к несогласованию проектов застройки, чем объясняются, в частности, случаи необоснованного сноса архитектурных памятников.

Значительную область отношений, не урегулированных нормами права, составляют отношения, связанные с ответственностью за нарушение установленных Законом правил охраны памятников. Практика показывает, что подавляющее большинство граждан с пониманием и уважением относятся к памятникам культуры, потому в республике, как и по стране в целом, факты умышленного посягательства на сохранность исторических и культурных объектов являются единичными. Большинство нарушений в области охраны памятников, к сожалению, происходят по вине государственных органов и должностных лиц, часто принимающих волевые решения в отношении этих объектов. Дело в том, что вопросы охраны памятников — сфера совместной компетенции Министерства культуры и исполкомов Советов народных депутатов. Многие вопросы, как, например, взятие на учет памятников, решаются аппаратом профессиональных управленцев, которые не обладают специальными знаниями в данной области. Думается, что в сфере охраны памятников управление должно быть сконцентрировано в одном органе, который, естественно, состоял бы из профессиональных архитекторов, искусствоведов и художников.

Существующее ныне положение в сфере охраны памятников порождает тот факт, что почти не действуют нормы Закона об ответственности за нарушение законодательства. Но главная причина безответственности за сохранность культурного достояния — «процессуальная» неразработанность вопросов защиты духовных ценностей. По Закону, нарушение установленных норм охраны влечет уголовную или административную ответственность. Кстати, этому вопросу в Законе посвящена лишь одна статья, носящая слишком общий характер. Практика, однако, показывает, что в данной сфере совершается бесчисленное множество правонарушений. Наиболее распространенные из них, как мы уже отмечали, — несвоевременное согласование проектов застройки и реконструкции городов и, как следствие, снос памятников архитектуры и градостроительства, искажение художественного облика памятника различными пристройками, несоблюдение правил охранной зоны, строительство зданий высокой этажности вокруг памятника, несоблюдение арендных обязательств и т. д.⁵ Введение в Закон норм, конкретизирующих составы правонарушений и ответственность за них,

---

⁵ Известия. 1988. 26 февр.

несомненно, явилось бы фактором укрепления социальной законности в данной сфере.

Одной из серьезнейших проблем представляется вопрос о применении Закона. Дело в том, что с точки зрения правовой техники Закон нуждается в логическом завершении. Из 33 статей общесоюзного Закона 17 носят отсылочный характер, и в республиканском они составляют около половины из 51 статьи. Между тем важно, чтобы в Законе устанавливались не только общие принципы и положения, но и конкретно закреплялись нормы, позволяющие данному акту быть в полной мере «работающим». С этой точки зрения важно также определение понятия «охрана памятников», ибо в Законе, да и в научной литературе этому вопросу не придается особого значения. На практике же можно встретить различное толкование понятия охраны, его содержания. Нам представляется, что охрана памятников имеет двойную смысловую нагрузку: охрана — как выявление, собирание, умножение культурных и исторических ценностей и охрана — как защита этих ценностей в случаях нарушения установленных Законом правил сохранения. Четкое отражение этих двух сторон понятия охраны в Законе имело бы большое практическое значение.

Известно, что охрана памятников с самого начала опиралась на твердые научные основы. В республике изучением культурных и исторических ценностей занимается ряд академических и отраслевых институтов. Они ведут большую работу по выявлению, приобретению, изучению памятников культуры, а также по научному обобщению и публикации, например, письменных памятников. Новой формой изучения — составлением Свода памятников истории и культуры — решаются задачи четкого представления о памятниках культуры, их структуре и ценности. Однако в Законе недостаточно глубоко раскрыта роль научных учреждений. В ст. 17 лишь отмечается, что научные учреждения, наряду с другими, принимают участие в пропаганде и популяризации памятников. Целесообразно, на наш взгляд, особо выделить в Законе статью о научных учреждениях и отметить важность проводимой ими работы по охране памятников.

Узбекский народ сосредоточил свою художественную индивидуальность в значительной мере в памятниках зодчества. Их мировое значение признавалось еще в первые годы Советской власти в Туркестане⁶. Некоторые памятники архитектуры Узбекистана ныне состоят на учете ЮНЕСКО как представляющие исключительный интерес и имеющие выдающуюся художественную и историческую ценность. Следовательно, мировое значение их — очевидный факт. Между тем, по законодательству, все недвижимые памятники истории и культуры подразделяются только на три категории: общесоюзного, республиканского и местного значения. Введение в Закон категории памятников мирового значения необходимо не только для поднятия их общественной значимости, но и для повышения ответственности за их сохранность.

Успешное осуществление охраны духовных ценностей в значительной мере зависит от эффективности государственного руководства данной отраслью. Действенность этого руководства, в свою очередь, определяется рядом взаимосвязанных факторов: наличием стройной системы государственных органов, четкой постановкой перед ними задач, закреплением за этими органами необходимых полномочий. Но пока Закон не дает нам достаточно четкого представления о правах и обязанностях государственных органов по охране памятников, что, не-

⁶ Известия Среднеазиатского Комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис). Вып. I. Ташкент, 1926. С. 4, 50.

сомненно, отражается на эффективности самих правовых актов. Определение компетенции этих органов лишь в общих чертах приводит, с одной стороны, к дублированию функций, а с другой, — к ведомственной разобщенности. Кроме того, сложившаяся система органов такова, что вопросами охраны занимается целый ряд государственных органов, причем разного уровня: Совет Министров, Министерство культуры, Главное архивное управление при Совете Министров, исполкомы Советов народных депутатов. Следствием этой множественности является определенная слабость механизма контроля за охраной памятников. И с этой точки зрения необходимо создание единого центра по руководству данной отраслью культуры.

Процессы широкой демократизации общественной жизни по-новому ставят ряд аспектов охраны духовных ценностей, в частности взаимоотношения государственных органов и общественных организаций. Характер этих отношений ныне выходит за рамки содействия государственным органам и приобретает черты взаимодействия. Адекватное отражение в Законе фактических отношений между ними необходимо не только с целью поднятия авторитета и ответственности общественных организаций, но и дальнейшего повышения их вклада в общенародное дело. Законодательство же, отводя, к примеру, Обществу охраны и использования памятников культуры лишь совещательную роль, скрывает этим его инициативу. В изменившихся условиях общественной жизни Общество должно выполнять роль паритетного партнера в решении вопросов охраны, а в некоторых из них, как формирование общественного мнения по проблемам охраны духовного наследия, ему должна принадлежать решающая роль.

В заключение отметим и столь важный факт, что многие статьи Закона носят пассивный, запрещающий характер, в нем нет статей, стимулирующих деятельность по охране духовного наследия.

Дальнейшее совершенствование Закона об охране памятников будет, безусловно, способствовать значительной активизации деятельности государственных органов и общественных организаций в этой важной сфере культурной жизни советского общества.

К 70-летию установления дипломатических отношений между СССР и Афганистаном

Р. РАДЖАБОВ

ИЗ ИСТОРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКО-АФГАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

(По материалам местной периодической печати)

Классовая борьба российского пролетариата под руководством партии великого Ленина обеспечила победу Великой Октябрьской социалистической революции и создание первого в мире социалистического государства.

«Октябрь, — подчеркивает М. С. Горбачев, — поистине «звездный час» человечества, его рассветная заря»¹. «Мир не был бы таким, каким мы его видим теперь, если бы не Великая революция в России. До этого переворота в мировой истории «право» сильного и богатого, как и захватнические войны, было привычной нормой международных отношений»². Это, как указывал В. И. Ленин, была варварская политика «буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплуататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах»³.

В. И. Ленин, предвидевший, что, начав борьбу за национальную свободу, народы колоний и зависимых стран придут к борьбе против самих основ эксплуататорского строя, подчеркивал, что героическая борьба рабочих и крестьян нашей страны позволила всем угнетенным борющимся народам увидеть и свою грядущую победу⁴.

Победа Великого Октября всколыхнула угнетенные народы Востока, которые в своей освободительной борьбе получили возможность опереться на поддержку первого в мире пролетарского государства. Известия о социалистической революции в России, исторических актах Советской власти дошли и до Афганистана. Афганский посол в Турции Мухаммад Валихан так оценил значение идей Октябрьской революции для Афганистана: «После русской революции, когда народ России, освободившись, взял власть в свои руки и написал на своих знаменах независимость, равноправие и самоопределение народов — эти лозунги докатились и до Афганистана. Тогда Афганистан начал войну за свою независимость»⁵.

Пришедший к власти в феврале 1919 г. эмир Аманулла-хан сразу же решительно провозгласил суверенность Афганистана как во внутренних, так и во внешних делах. Таким образом, афганский народ одним из первых в Азии полностью восстановил свою независимость⁶,

¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 3.

² Там же. С. 42.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 222.

⁴ Там же. Т. 45. С. 45.

⁵ Известия ТуркЦИКа. 1922. 27 авг.

⁶ Голос трудящихся. 1919. 26 апр.; Красное знамя. 1921. 7 нояб.; Красный Узбекистан. 1928. 18 мая. (Эти и другие местные органы печати издавались на узбекском языке с использованием арабской графики).

а затем, в ходе третьей англо-афганской войны⁷, отстоял ее с оружием в руках.

Возглавляемое В. И. Лениным Советское правительство первым признало независимость Афганистана⁸. В свою очередь, Афганистан был первым государством, признавшим Советскую Россию и установившим с нею с самого начала дружественные отношения.

Признание Советским государством независимости Афганистана создавало реальные возможности для установления между обеими странами непосредственных дипломатических отношений.

В обстановке гражданской войны и иностранной интервенции, когда Советский Туркестан был отрезан кольцом фронтов от Центра и Наркомату иностранных дел РСФСР не удалось направить в Афганистан дружественную миссию, коммунисты Советского Туркестана проделали большую работу по установлению добрососедских отношений с Афганистаном. В письме афганскому правительству, направленном в Кабул 27 марта 1919 г. народным комиссаром иностранных дел Туркестанской Советской Республики Е. Е. Богоявленским, говорилось, что правительство РСФСР аннулировало все царские договоры и соглашения, ущемлявшие афганский суверенитет, включая англо-русское соглашение 1907 г. РСФСР, сообщалось далее в письме, «обнародовала декреты о неведении политики захвата земель других народов, о признании независимости соседних с Россией малых государств и установлении с ними добрососедских и торговых сношений. Для проведения в жизнь этих начал Российская республика командировала из Москвы в Ташкент своего посланника в Афганистане и Персии господина Бравина, имеющего дипломатический опыт, знающего Восток, друга восточных народов, сторонника независимости мусульманских народов и знатока персидского языка, уполномочив его на установление дружественных и торговых сношений»⁹.

4 апреля 1919 г. правительство РСФСР выделило в распоряжение ТуркЦИКа необходимые средства для финансирования поездки дипломатической миссии из Ташкента в Кабул.

Как сообщает газета «Голос трудящихся», в апреле 1919 г. правительство Туркестанской Советской Республики назначило своим представителем в Кабуле Николая Захарьевича Бравина и Абдуллу Авлони¹⁰. Правительство РСФСР временно возложило на Н. З. Бравина исполнение обязанностей уполномоченного НКВД РСФСР в Афганистане. Ему поручалось сообщить о готовности Советского правительства оказать Афганистану «материальную вооруженную помощь».

Итак, первая официальная миссия Советской России выехала в Афганистан из Ташкента в мае 1919 г. Однако добраться до Кабула ей оказалось весьма непросто¹¹. Английская разведка пыталась захватить советского дипломата и с этой целью внедрила в сопровождавший Н. З. Бравина отряд своего агента, наладившего связь с басмачами. В результате у г. Керки миссия Н. З. Бравина подверглась нападению басмачей, действовавших по указке англичан. В схватке двое товари-

⁷ Голос трудящихся. 1919. 20 мая; Новый Восток. 1919. 16 июля; Коммунист. 1919. 24 июля.

⁸ Весь мир. 1927. 7 нояб. С. 11—13; Бабаходжаев М. А. Борьба Афганистана за независимость. М., 1960.

⁹ См.: Советско-афганские отношения. 1919—1969 гг.: Документы и материалы. М., 1971. С. 9. Н. З. Бравин был российским дипломатом в Иране. После победы Октября перешел на сторону большевиков.

¹⁰ Голос трудящихся. 1919. 6 июля. С. 2.

¹¹ Голос трудящихся. 1919. 11 июля. С. 2; Коммунист. 1919. 26 июля. С. 4. См. подробнее: Советско-афганские отношения... С. 17; Правда об Афганистане: Документы, факты, свидетельства. М., 1980. С. 22.

щей, сопровождавших Бравина, были убиты, 18 ранены. Нападение все же было отбито, и миссия переправилась через Амударью.

5 июля 1919 г. миссия достигла Герата¹². До Кабула ей пришлось добираться окольным путем, и лишь 21 августа 1919 г. она прибыла в столицу¹³. Н. З. Бравин сообщил эмиру Аманулле-хану о готовности Советского правительства оказать Афганистану всевозможную помощь.

Надо сказать, что еще до провозглашения независимости Афганистана, при Хабибулле-хане, советскими властями были предприняты две попытки установления дипломатических отношений с этой страной, однако Хабибулла-хан не принял их во внимание¹⁴.

Аманулла-хан и его единомышленники заняли принципиально иную позицию. 7 апреля 1919 г. они направили Советскому правительству два дружественных послания¹⁵, для передачи которых в советский город Термез была направлена группа афганских представителей. Они попросили встречи с официальными лицами и вручили им два запечатанных пакета с просьбой как можно быстрее передать их в Москву. Пакеты были доставлены в Ташкент и там вскрыты. Письма были переведены на русский язык и текст их передан в Москву по радиотелеграфу¹⁶.

В своем послании Аманулла-хан сообщал В. И. Ленину о своем вступлении на престол, а также о том, что считает «неотложно необходимым» сделать заявление «о единении и дружбе» «во имя объединения, мира и блага человечества». «Так как Вы, Ваше Величество, мой великий и любезный друг — Президент Великого Российского государства, — говорилось в письме, — вместе с другими своими товарищами — друзьями человечества взяли на себя почетную и благородную задачу заботиться о мире и благе людей и провозгласили принципы свободы и равноправия стран и народов всего мира, то я счастлив впервые от имени стремящегося к прогрессу афганского народа направить Вам свое настоящее дружественное послание независимого и свободного Афганистана»¹⁷.

21 апреля 1919 г. Аманулла-хан вновь обратился к В. И. Ленину с посланием, в котором говорилось, что в Советскую Россию направляется чрезвычайный посол, генерал Мухаммад Валихан для установления «искренних отношений между обеими великими государствами» и подготовки почвы для «обеспечения обоюдных интересов». По словам Амануллы-хана, такие взаимоотношения «должны быть достигнуты сперва между двумя соседними, а затем и другими народами»¹⁸.

Провозглашение государственной независимости Афганистана и обращение Амануллы-хана к правительству РСФСР с предложением установить дружественные отношения наносили серьезный удар по замыслам британского империализма на Востоке, и английские правящие круги решили использовать все средства, вплоть до вооруженного вторжения, лишь бы сохранить свое влияние в Центральной Азии. Поэтому 6 мая 1919 г. Англия объявила Афганистану войну¹⁹.

В эти трудные для афганского народа дни Советская Россия протянула ему руку дружбы. Предпринятое весной 1919 г. наступление Красной Армии в Туркестане сорвало замыслы английских империали-

¹² Коммунист. 1919. 26 июля.

¹³ Теплинский Л. Б. История советско-афганских отношений. М., 1988. С. 42.

¹⁴ См. подробнее там же. С. 29—30.

¹⁵ Губар М. Г. Афганистан на пути истории. М., 1987. С. 89.

¹⁶ См.: Теплинский Л. Б. СССР и Афганистан. 1919—1981. М., 1982. С. 276.

¹⁷ Народная газета. 1919. 3 июня; Коммунист. 1919. 15 июня.

¹⁸ Теплинский Л. Б. История советско-афганских отношений. С. 36.

¹⁹ Голос трудящихся. 1919. 20 май; Новый Восток. 1919. 16 июля; Коммунист. 1919. 24 июля.

стов. 21 мая после ожесточенных боев войска Советского Туркестана освободили Байрам-Али, а через три дня — Мерв. В крепости Кушка вновь утвердился советский гарнизон. Разгром английских интервентов в Закаспии значительно облегчил освободительную борьбу афганского народа.

Тем временем подлинники писем эмира были доставлены в Москву (21 мая 1919 г.) и уже 27 мая 1919 г. В. И. Ленин и М. И. Калинин направили Аманулле-хану ответное письмо, в котором приветствовали намерение афганского правительства установить дружественные отношения с русским народом и предлагали произвести обмен дипломатическими представительствами²⁰.

Этот обмен посланиями означал взаимное признание Советской России и Афганистана и соглашение об установлении между ними дипломатических отношений. Таким образом, 27 мая 1919 г. стало днем установления дипломатических отношений между нашей страной и независимым Афганистаном.

Признание Советской Россией независимости Афганистана и ее готовность оказать помощь афганскому народу, провал английской интервенции в Средней Азии, рост национально-освободительного движения в Индии и активные действия афганских войск — все это затрудняло британскую экспансию в Афганистане. В этой обстановке Англия вынуждена была принять предложение Амануллы-хана начать мирные переговоры при условии, что английское правительство признает полную независимость Афганистана. 3 июня 1919 г. было заключено перемирие. С 26 июля до 8 августа 1919 г. в Равалпинди (Индия) проходили англо-афганские переговоры, которые завершились подписанием прелиминарного мирного договора²¹. Англия официально признала Афганистан государством, свободным и самостоятельным как во внутренних делах, так и во внешних сношениях. Это была историческая победа афганского народа.

Тем временем выехавшая в конце апреля 1919 г. из Кабула в Москву чрезвычайная афганская дипломатическая миссия во главе с генералом Мухаммадом Валиханом прибыла 3 июня 1919 г. в Самарканд, где ее торжественно приветствовали жители города. В ответном слове Мухаммад Валихан поблагодарил Советскую державу за ее деятельность в интересах народов Востока. В тот же день афганская миссия выехала в Ташкент²².

4 июня 1919 г. миссия прибыла в Ташкент, где ей была оказана очень теплая встреча. На состоявшейся здесь пресс-конференции Мухаммаду Валихану был задан ряд вопросов, связанных с внутренней и внешней политикой Афганистана²³. Афганская миссия была вынуждена задержаться в Ташкенте, поскольку железнодорожная связь с Москвой была еще прерванной²⁴. Во время пребывания в центре Советского Туркестана миссия осуществила ряд организационных работ, порученных ей Амануллоу-ханом. В частности, в начале июня 1919 г. в Ташкенте было открыто афганское генеральное консульство во главе с Мухаммадом Асланханом²⁵.

Афганская миссия с интересом ознакомилась со столицей Туркестанской республики, побывала во многих местах, где ей были оказаны большое уважение и гостеприимство. Так, по приглашению заводской школы «Ватан» («Родина») Мухаммада Саида 14 июля 1919 г. пред-

²⁰ Коммунист. 1919. 15 июня; Голос трудящихся. 1919. 20 июня.

²¹ Голос трудящихся. 1919. 21 окт. С. 1.

²² Там же. 6 июня. С. 2.

²³ Там же. 10 июня. С. 2.

²⁴ Там же. 11 июля. С. 2.

²⁵ Голос трудящихся. 1919. 6 июля. С. 2; Коммунист, 1919. 22 июля. С. 1.

ставители миссии Афганистана посетили эту школу, где им был оказан очень теплый прием. Представители миссии ознакомились с учебными программами, учебниками, учебными кабинетами, приняли участие в экзаменах; короче говоря, они были ознакомлены с системой советского просвещения. Затем в клубе школы состоялось массовое собрание, посвященное визиту представителей афганской миссии.

На собрании выступили: Мухаммад Файзихан — руководитель представителей афганской миссии, Мухаммад Асланхан — генеральный консул Афганистана в Ташкенте, Мухаммад Саид — заведующий школой «Ватан» и др.

В своих речах они говорили о советско-афганской дружбе и ее роли в борьбе афганского народа против империалистической Англии и месте в этом деле народов Советского Туркестана.

В заключение генеральный консул Афганистана в Ташкенте Мухаммад Асланхан и руководитель представителей афганской миссии Фаиз Мухаммад поблагодарили Советское правительство за дружественное отношение и поддержку народов Афганистана в их освободительной борьбе против колонизаторов. Они призывали народы Туркестана к единению и оказанию помощи афганскому народу в его тяжелой борьбе против английских поработителей²⁶.

Заместитель генерального консула Афганистана в Ташкенте Мухаммад Адиб, выступая со статьей «Дорогим братьям туркестанцам» на страницах центральной газеты Советского Туркестана «Коммунист», также отмечал дружественную политику Советского государства в отношении всех поработанных народов Земли и, в частности, бескорыстную помощь Советской России афганскому народу. В конце статьи он также призвал народы Туркестана оказать помощь афганскому народу в борьбе против Англии²⁷.

Чувства солидарности советских людей с борющимся за свою независимость афганским народом проявлялись весьма широко и многообразно. Это — приветственные послания от имени отдельных учреждений и городов, публикации материалов об Афганистане в печати²⁸, сбор и направление денежных средств и т. д.

Массовые митинги и собрания в поддержку афганского народа состоялись в Ташкенте, Коканде, Самарканде и других городах²⁹.

Газета «Голос трудящихся» сообщала, что 27 августа 1919 г. в «старом городе» Самарканда, в «доме Свободы» были открыты 15-дневные курсы «медицинской миссии» для направления в Афганистан. Курсы работали в две смены: с 8 утра до 10 часов и с 2 до 4 часов дня. Так было образовано общество «Красный Полумесяц» в целях оказания медицинской помощи Афганистану, где было много пострадавших в ходе третьей англо-афганской войны. Общество решило направить в Афганистан «медицинскую миссию» в составе 50 человек, лекарства, костыли и деньги. Было собрано более 1 млн. руб., из них 880 тыс. руб. передано афганскому консулу в Ташкенте³⁰. Важно отметить, что лично эмир Аманулла-хан послал благодарное письмо членам общества «Красный Полумесяц» и трудящимся Самарканда, где было высказано много благопожеланий в адрес всех народов Советского Туркестана³¹.

После разгрома войск Колчака Красной Армией и ликвидации белогвардейского барьера между Туркестаном и центром Советской Рос-

²⁶ Коммунист. 1919. 22 июля. С. 4.

²⁷ Там же. 27 июля. С. 1.

²⁸ Голос трудящихся. 1919. 4 апр.; Народная газета. 1919. 4 июня; и др.

²⁹ Голос трудящихся. 1919. 7 мая. С. 1.

³⁰ Коммунист. 1919. 6 авг.; Голос трудящихся. 1919. 27 авг. С. 1.

³¹ Голос трудящихся. 1919. 26 нояб. С. 1—2.

сии афганская миссия 26 сентября 1919 г. выехала из Ташкента в Москву³².

В столицу РСФСР она прибыла 10 октября. Миссии была оказана торжественная встреча. На Казанском вокзале состоялся обмен приветственными речами. «От имени Советской власти и Народного Комиссариата иностранных дел, — заявил видный деятель Коммунистической партии и Советского государства Н. Н. Нариманов, — я приветствую в вашем лице дружественный нам Афганистан и его первого посла в столице русского рабоче-крестьянского правительства. Этот исторический факт показывает, что в России империализм, стремившийся к порабощению и к обезличиванию больших и малых народностей, умер безвозвратно». В знак особого уважения к представителям независимого Афганистана эта речь была произнесена на турецком языке, понятном афганским дипломатам³³.

В ответной речи Мухаммад Валихан, в частности, подчеркнул: «Мы знаем, что мусульманские народы России сейчас свободны, и твердо надеемся, что при содействии Советской России удастся стать свободным нашему Афганистану и всему остальному угнетенному Востоку»³⁴.

Со стороны Советской России афганский народ встретил полное понимание его нужд, подлинно интернациональное отношение.

Через день после прибытия в Москву, 12 октября 1919 г. афганская чрезвычайная дипломатическая миссия была принята в Наркоминделе РСФСР³⁵. Руководитель миссии генерал Мухаммад Валихан встретился там с В. И. Лениным и, энергично пожимая его руки, выразил надежду, что дружба двух народов освободит Восток. В. И. Ленин поддержал его мысль³⁶.

Придавая большое значение успешному развитию советско-афганских отношений, В. И. Ленин 14 октября 1919 г. принял афганскую миссию³⁷. Между главой Советского правительства и представителями афганского правительства состоялась теплая, откровенная беседа. «Я очень рад видеть в красной столице рабоче-крестьянского правительства, — сказал В. И. Ленин, — представителя дружественного нам афганского народа, который страдает и борется против империалистического ига»³⁸.

Мухаммад Валихан ответил: «Я протягиваю Вам дружескую руку и надеюсь, что Вы поможете освободиться от гнета европейского империализма всему Востоку»³⁹.

В ходе беседы В. И. Ленин указал, что Советская власть, власть трудящихся и угнетенных, стремится именно к тому, о чем говорил глава афганской миссии, но необходимо, чтобы мусульманский Восток это понял и помогал Советской России в великой освободительной войне. После беседы глава афганской миссии вручил В. И. Ленину письмо от Амануллы-хана от 21 апреля 1919 г., в котором эмир писал, что на миссию возложена задача «подготовить почву для установления необходимой дружбы между обоими государствами и обеспечения обоюдных интересов»⁴⁰.

7 ноября 1919 г. чрезвычайному послу Афганистана, генералу Мухаммаду Валихану была предоставлена возможность выступить в Большом театре по случаю второй годовщины Великого Октября.

³² Там же. 11 окт. С. 2.

³³ Известия (Москва). 1919. 14 нояб.

³⁴ Там же.

³⁵ Голос трудящихся. 1919. 25 окт. С. 2.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 227.

⁴⁰ Советско-афганские отношения... С. 10.

«Хотя мы и не коммунисты, — заявил Мухаммад Валихан, — но в равной степени, как и все народы, если не больше, страдали от империализма, и поэтому мы всегда будем готовы пролить кровь в борьбе против надвигающихся империалистов...»⁴¹

В конце ноября 1919 г. В. И. Ленин вторично принял Мухаммада Валихана и заверил его в том, что Советская Россия окажет Афганистану помощь и поддержку. Одновременно В. И. Ленин передал ответное письмо афганскому эмиру. В нем говорилось: «В настоящее время цветущий Афганистан является единственным в мире независимым мусульманским государством, и судьба посылает афганскому народу великую историческую задачу объединить вокруг себя все поработанные мусульманские народы и вести их на путь свободы и независимости»⁴².

Встречи с В. И. Лениным произвели огромное впечатление на афганских дипломатов.

18 декабря 1919 г., возвращаясь из Москвы на родину, чрезвычайная миссия Афганистана вновь остановилась в Ташкенте. В честь ее возвращения в Ташкенте в этот день было проведено собрание, на котором Мухаммад Валихан поделился своими впечатлениями о пребывании в Москве, встречах с В. И. Лениным и другими деятелями Советского государства. Он отметил справедливость политики Советского государства на пути освобождения поработанных народов Востока и заверил, что в этом важнейшем деле афганский народ идет вместе с Советским государством⁴³.

Правительство Амануллы-хана испытывало большое доверие к Советской России. В феврале 1920 г. оно передало Советскому правительству ноту, в которой выражало благодарность за его благородную политику по отношению к народам Востока и за то, что оно протянуло руку дружбы независимому Афганистану. В ноте отмечалось, что в то время, как Англия вела войну против афганского народа, «Афганистан увидел на севере от себя вместо самодержавной тиранствующей России свободную и справедливую Россию, услышал голос любви и союза»⁴⁴.

Жизнь убедительно подтверждала слова В. И. Ленина: «Старая империалистическая Россия исчезла навсегда, и северным соседом Высокого Афганского государства является новая Советская Россия, которая протянула руку дружбы и братства всем народам Востока и афганскому народу в первую очередь»⁴⁵.

Так в те суровые для обоих народов дни были установлены официальные дипломатические отношения, которые в последующем дали возможность афганскому народу укреплять свою национальную независимость и государственный суверенитет.

---

⁴¹ Теплинский Л. Б. История советско-афганских отношений. С. 45.

⁴² Там же.

⁴³ Голос трудящихся. 1919. 27 дек.

⁴⁴ Цит. по: Хейфец А. Н. Великий Октябрь и угнетенные народы Востока. М., 1959. С. 28—29.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 318—319.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СТАДИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ КАК ОБОБЩЕНИЕ И ОТРАЖЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ ФАКТОВ В ФОРМЕ ЛОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

Современная эпоха характеризуется ускоренным развитием основных отраслей науки, превращением теории в одну из ведущих форм систематизации научных знаний. Значительно повысилась роль научных теорий в общественном прогрессе, в частности в практической деятельности, что особо подчеркнуто в материалах XXVII съезда КПСС.

Это объясняется тем, что теория служит основной формой развития научного знания. В условиях коммунистического строительства ни один фундаментальный вопрос не разрешим без должного теоретического обоснования с учетом современных достижений научно-технического прогресса¹.

В свете сказанного немаловажное значение имеет анализ сущности взаимосвязи эмпирического и теоретического на уровне теоретической стадии развития науки.

Раскрытие отношений теоретического и эмпирического уровней научного знания через анализ генезиса теоретического знания, объективной структуры этого процесса — одна из важнейших задач логики научного познания. Решать эту задачу и призвана диалектическая логика, представляющая собой, по словам В. И. Ленина, итог, сумму, вывод истории познания мира².

На всех стадиях построения теоретического знания существенные данные, эмпирические факты тесно переплетаются с понятиями и предпосылками. Граница между теоретическим и эмпирическим уровнями познания условна, они различаются как два аспекта в развитии научного знания. В то же время теоретический уровень познания представляет собой не простое накопление и систематизацию эмпирических фактов, а качественно новую ступень научного знания³.

На теоретической стадии развития науки исследование обладает относительной самостоятельностью от эмпирии. Собственно теоретическая стадия науки возникает там и тогда, когда появляются теоретические конструкции, позволяющие работать с ними как с идеализированными объектами, когда появляются условия для относительно самостоятельного от эмпирии движения мысли в теоретическом слое понятий, которая дает возможность разворачивать теоретическое содержание, воспроизводить его на собственной теоретической основе. Так, К. Маркс в «Капитале» выработал «идеализированный объект» товарного производства, выступавший теоретической основой всего капиталистического способа производства.

Именно в связи с появлением относительно независимого от опытного знания уровня теоретического исследования в полной мере проявляется и раскрывается сложная диалектика взаимодействия теоретического и эмпирического исследования. На стадии теоретической науки нарушается та слитность и непосредственность связи понятийного содержания науки и опытных данных, которая характерна для эмпирической стадии науки. Процесс установления этой связи превращается в творческую деятельность, которая включает момент гипотетичности, познавательного риска.

Теоретический уровень познания в науке обладает относительной самостоятельностью. Это выражается, в частности, в том, что новые теоретические построения могут возникать и в результате решения чисто теоретических проблем, не связанных непосредственно с данными опыта. В этом случае новое научное обобщение представляет собой способ разрешения противоречия между реальной практикой освоения действительности и прежними теоретическими формами ее осмысления. В условиях формирования теоретического знания достаточно иметь «чистое» знание, отдельное от объективной реальности; поэтому связь теоретического знания с объ-

¹ См.: Туленов Ж. Т. Диалектика и современность. Ташкент, 1988.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 84.

³ См.: Лекторский В. А., Мелюхин С. Т. О некоторых тенденциях развития материалистической диалектики // Коммунист. 1976. № 1. С. 53—62.

ективной реальностью неоднозначна. Она обусловлена рядом переходов с верхних «этажей» знания к нижним, непосредственно соотносимым с чувственно воспринимаемой действительностью.

На теоретической стадии науки по сравнению с эмпирической структура соотношения эмпирического и теоретического усложняется. Теория не просто подтверждается или опровергается опытом. Эмпирия выступает стимулом, условием совершенствования теории, ее конкретизации, развития. Опытные данные становятся фактом науки, способным подтвердить или опровергнуть теорию лишь постольку, поскольку осуществляется их теоретическое истолкование. Теоретическая система становится знанием о реальности тогда, когда она получает эмпирическую интерпретацию. Эмпирическое исследование на теоретической стадии науки представляет собой ту же теоретическую науку, только взятую в функции ее применения. При таком подходе теоретическая наука не тождественна теоретическому исследованию, а выражает связь теоретического и эмпирического исследования.

На теоретической стадии науки последняя не исключает возможность производящего понятия в относительной независимости от эмпирии, в обособленной сфере теоретического исследования. Однако знанием о реальности теоретическая система в полной мере становится лишь тогда, когда она получает эмпирическую интерпретацию.

Тесная взаимосвязь эмпирического и теоретического на теоретической стадии науки прослеживается и в начале формирования теории. Она начинается с синтеза ранее полученных эмпирических данных, но эмпирический материал синтезируется на основе определенных теоретических положений, концентрируется вокруг определенных идей. На втором же этапе формирования научной теории создается логико-математический аппарат, осуществляется развертывание идей, выводятся следствия из основных принципов.

Единство эмпирических и теоретических знаний и связей в теории определяется тем, что уже на первой стадии в ходе синтеза эмпирического материала исследователь неизбежно пользуется определенным логико-математическим аппаратом для выражения эмпирических зависимостей. С другой стороны, теоретическое, логико-математическое оформление теории осуществляется на основе эмпирического материала, синтезированного на первом этапе формирования теории. Таким образом, деление знаний внутри теории, а также между ее элементами на эмпирические (раскрываемые на начальных этапах формирования научной теории) и теоретические (которые появляются на более поздних этапах формирования научной теории) условно и осуществляется лишь в абстракции.

Исследование любого предмета или элемента знания предполагает выделение его из окружающей среды и проведение с ним каких-либо операций. В теоретическом исследовании это — выделение предмета из обстановки, в которую он погружен, и эти операции совершаются мысленно, в голове ученого. К. Маркс писал, что «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должно заменить сила абстракции»¹.

Теоретическое знание представляет собой целостное представление о предметах внешнего мира. Ценность фактического знания имеет свои границы: дальнейшее его увеличение не всегда приносит новое знание. Избежать такого механического накопления фактов возможно только с помощью их систематизации, установления связи и зависимости между ними, что совершается на базе теоретических положений.

Цель теоретического аппарата — не установление связей между имеющимися опытными данными, а более глубокое понимание объективного мира, его внутренней структуры и закономерностей, позволяющее в конечном счете расширять и обогащать нашу эмпирическую информацию, предвидеть ранее неизвестные эмпирические зависимости, к чему в конечном счете приводит и теоретическое объяснение известных из опыта связей и отношений, поскольку оно в принципе должно открывать новые перспективы в научном познании.

Отличие эмпирического и теоретического знания вытекает из методов, применяемых в научном познании. В данном случае объект остается одним и тем же (например, общество), но изучение и форма изложения материала существенно отличаются друг от друга. Уровни теоретического познания объекта изучаются не с помощью простого описания отдельных свойств, а средствами более высокого уровня — отвлечением, обобщением, схематизацией, идеализацией и абстрагированием.

В современном естествознании большое значение приобрел мысленный эксперимент, значение которого как методологического приема в теоретическом познании неоспоримо.

В предисловии к первому изданию «Капитала» К. Маркс говорил, что в науках об обществе эксперимент призвана заменить сила абстракции. Заметим, что на современном этапе развития естествознания (в некоторых его теоретических областях) собственно эксперимент (как эмпирический способ познания) также стал невозможным. Он заменяется той «силой абстракции», разновидность которой сегодня и при-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 6.

нито называть мысленным экспериментом⁵. Последний целиком совершается в сфере теоретического мышления, является «теоретическим анализом, при котором «образ» создается для того, чтобы поставить в определенное отношение друг к другу абстрактно взятые параметры изучаемого объекта, подобно тому, как К. Маркс в «Капитале» заставляет обмениваться друг на друга сюртук и холст, хотя в действительности они, возможно, никогда и не обменивались друг на друга»⁶.

Посредством теоретического знания происходит объяснение объекта с помощью абстрактных понятий. Заключительный этап построения научного знания — построение научной теории при помощи обобщения фактов средствами логики. Но теоретическое знание в то же время не есть простое обобщение результатов опыта, это способ получения нового знания. По своему содержанию теория не вмещается в рамки фактического знания: она выходит за границы обобщения опытных данных. Система теоретического знания держится на научных законах, область применения которых значительно шире, чем тот эмпирический базис, на котором они сформированы.

Одна из характерных особенностей теоретического познания — его абстрактность. На уровне теоретического познания изучение социального объекта начинается с анализа его развитых форм. В данном случае также воспроизводится процесс развития объекта, но только иными, логическими средствами. Логическое — это способ воссоздания объекта на теоретическом уровне. Логический метод, по словам К. Маркса, «в сущности является не чем иным, как ... историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей»⁷.

Способом воспроизведения объекта на теоретическом уровне служит метод восхождения от абстрактного к конкретному. Получение конкретного знания — заключительный этап процесса познания. Ему предшествуют сложные логико-гносеологические действия, преодолевающие ту абстрактность и односторонность, которые свойственны теоретическому мышлению.

Для К. Маркса категории абстрактного и конкретного выступали как конструктивные средства его реального научного мышления. Он использовал их для характеристики направленности научного исследования — от выделения исходной сетки абстракций к построению теоретических систем.

Процесс восхождения от абстрактного к конкретному возможен лишь на теоретической стадии науки, которой предшествует длительный этап формирования исходных абстракций, первичных концептуальных моделей действительности, типологий и т. д.

Теория не может возникнуть при анализе конкретного; он должна начинаться с абстрактного с тем, чтобы от него идти к конкретному. «Конкретное в созерцании (множество эмпирических данных ситуаций) образует не исходный пункт построения теории, а постановку задач. Опираясь на многообразие эмпирического материала, надо уметь вычленишь такие исходные абстракции, которые дадут возможность воспроизвести это многообразие в расчлененном, систематизированном, упорядоченном виде. Логического пути, который вел бы от опытного материала к построению теории, просто не существует»⁸. В процессе построения научной теории находят такие исходные данные абстракции, двигаясь от которых, получают совокупность высказываний, необходимых для объяснения эмпирически конкретного.

Важное место в исследовании взаимосвязи эмпирического и теоретического уровней научного познания занимает этап объяснения научных фактов на основе теории. Его особенность заключается в том, что зависимость от логических моделей объяснения движения познания может иметь направленность как от эмпирии к теории, так и от теории к эмпирии.

Связь между теорией и эмпирией не следует понимать как некое статичное отношение готовой теоретической системы к эмпирическому базису. Она носит динамический характер, предполагает взаимодействие творческих импульсов как со стороны теории, так и со стороны эмпирического исследования; «равновесие» того и другого постоянно нарушается, и это служит стимулом развития научного познания. Процесс построения теоретической системы предполагает постоянное обращение к опытным данным, ассимиляцию их и, естественно, обогащение, конкретизацию самой теоретической системы.

Сказанное свидетельствует о том, какой сложный и длительный путь проходит знание, пока становится в конечном счете научной теорией.

Теория выступает как форма научного познания, которая обеспечивает достижение и внедрение объективной истины в ее наиболее развитом и совершенном виде. В философской литературе распространено понимание теории как высшей формы мышления, поскольку в ней получают оптимальную концентрацию все наиболее важные признаки знаний. Она признается не только «обширной», «универсальной» об-

⁵ Оруджев З. М. Диалектика как система. М., 1973. С. 278.

⁶ Там же.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 497.

⁸ Баженов А. Б. Строение и функции естественнонаучной теории // Синтез современного научного знания. М., 1973. С. 403.

ластью научного знания, но и основной единицей его анализа. Например, А. И. Ракитов определенно называет ее важнейшей функциональной подсистемой «наука», имея в виду не только естественные науки, но и общественные. С его точки зрения, теория выполняет роль механизма, особой когнитивной структуры, обеспечивающей передачу и хранение научного знания, его функционирование и развитие, методы познавательной деятельности⁹.

По мнению Г. И. Рузавина, теория представляет собой концептуальную систему, с помощью которой отображаются определенные закономерности функционирования и развития соответствующих реальных систем. Если главное внимание уделять структуре, то теорию можно рассматривать как некоторый результат познания. Если же исследуется формирование, развитие теории, то ее можно рассматривать как процесс¹⁰.

П. В. Копнин предлагал определять теорию как обширную область знания, описывающую и объясняющую совокупность явлений, дающую знание реальных оснований всех выдвинутых положений и сводящую открытые в данной области науки законы к единому объединяющему началу. К существенным признакам теории он относил системность, доказательность, способность выполнять объяснительную функцию по отношению к изучаемым явлениям¹¹.

П. В. Копнин определял теорию слишком широко, впрочем, как и другие исследователи, которые придают ей статус основной единицы в анализе строения знания, утверждая, что теория представляет собой совокупность основных знаний о данной группе явлений, «систему общих законов», «сведение воедино множества частных законов о предмете, обобщение их».

Указанные различные подходы к определению сущности научной теории объединены методологией диалектического материализма. Все они основываются на марксистском принципе отражения. Однако, как видим, конкретные интерпретации основной структурной единицы знания у разных авторов существенно различаются.

Научная теория представляет собой систему обобщенного достоверного знания, с помощью которой постигающее мышление описывает, объясняет и предсказывает те или иные события предметной действительности¹². Данное определение научной теории предполагает, что она является систематизированным и упорядоченным знанием, характеризующимся внутренней завершенностью¹³. На наш взгляд, именно это определение научной теории наиболее удачно.

Теория, будучи сложной формой научного знания, возникает лишь на достаточно высокой ступени развития познания определенной совокупности явлений и включает в себя целый ряд элементов, представляющих собой более простые формы выражения знания.

Исходя из данного определения, теория противопоставляется эмпирии и отличается от последней, во-первых, достоверностью содержащегося в ней научного знания, обеспечиваемой его получением в соответствии с существующими научными стандартами и выражающейся в его внутренней непротиворечивости, реализации его проверки на истинность и т. д.; во-вторых, тем, что дает обобщенное описание исследуемых в ней явлений, формулирует общие законы, которые не только описывают определенный круг явлений, но и объясняют их, содержат возможность предсказания новых, еще не изученных фактов; в-третьих, выделением в своем составе множества исходных утверждений и множества утверждений, получаемых из них путем вывода, доказательства, причем сам процесс доказательства подчиняется особым логическим закономерностям, которые формулируются для данной теории или определенного класса теорий.

В. И. Ленин отмечал, что К. Маркс «единственным критерием теории признавал верность ее с действительностью»¹⁴. В практике происходит изменение окружающей действительности, причем процесс преобразования осуществляется в соответствии с природой самих материальных объектов. Выявленные на основе человеческой деятельности закономерные связи между явлениями природной и социальной жизни воспроизводятся затем в формах теоретического знания.

Диалектический материализм усматривает критерий истинности любого научного знания в возможности успешного практического преобразования действительности с помощью данного научного знания. Иными словами, критерий истинности теории для диалектического материализма в отличие от различных идеологических вариантов «философии науки» заключен не внутри теории, не в согласованности

⁹ Ракитов А. И. Философские проблемы науки: системный подход. М., 1977.

¹⁰ Рузавин Г. И. Логическая структура научных теорий // Методы логического анализа. М., 1977.

¹¹ См.: Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания: опыт логико-методологического исследования. М., 1973.

¹² См.: Философский словарь. М., 1980. С. 366.

¹³ Туленов Ж. Т. Диалектика и современность. Ташкент, 1988. С. 35.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 163.

внутренних элементов научного знания, а в определенном отношении теории к практике, посредством которой проверяется соответствие теории объективной реальности. Это положение теории познания диалектического материализма особенно актуально в наше время, когда наука, становясь непосредственной производительной силой, оказывает все более активное воздействие на развитие производства и общества в целом.

С. С. Камилова, Б. Д. Бабаев

ИЗ ИСТОРИИ ЛИКВИДАЦИИ БЕЗРАБОТИЦЫ В УЗБЕКИСТАНЕ 20-х ГОДОВ

Сегодня мало кто знает, с каким большим трудом в нашей стране было завоевано право каждого гражданина на труд. Без лишних размышлений переворачиваем мы эту страницу нашей истории так, как будто никогда и не было безработицы в Советской стране. Однако, как подчеркнул М. С. Горбачев в докладе, посвященном 70-летию Великого Октября, «история у нас одна, она необратима, и какие бы эмоции она ни вызывала, это наша история, она дорога нам»¹.

История ликвидации безработицы в СССР также требует своего глубокого изучения, хотя бы для того, чтобы нынешние поколения по-настоящему оценили гарантированное право на труд как великое завоевание социализма.

Возрос этот обретает еще большее значение в связи с происходящей в стране глубокой перестройкой. Не случайно наши идейные противники ждут от социально-экономических изменений, развертывающихся в СССР, и появления безработицы. В ответ на это в своем интервью американской национальной телекомпании Эн-би-си М. С. Горбачев указал, что социалистическая плановая экономика позволит нам избежать безработицы².

До 1930 г. безработица имела место и в Узбекистане. Здесь, как и в других ранее отсталых национальных районах страны, где тогда отсутствовали крупные промышленные предприятия, сохранялись разного рода предрассудки и пережитки прошлого, которые затрудняли активное вовлечение представителей местных национальностей, особенно женщин, в промышленное производство. Безработица оказывала излагающее воздействие на неокрепшие ряды рабочих, тяжело отражалась на малочисленных кадрах специалистов и др. Поэтому партия и Советское государство придавали огромное значение ликвидации безработицы в национальных республиках. «В стране, которая разорена, — говорил В. И. Ленин, — первая задача — спасти трудящегося. Если он выживет, мы все спасем и восстановим»³.

Об остроте этой проблемы в те годы наглядно свидетельствуют следующие данные. На территории Узбекистана число безработных на 1 апреля 1925 г. превышало 18 тыс. человек, в конце года оно достигло 20 044 человек⁴, а в 1926 г. превысило 30 тыс. человек.

Характерно, что рост безработицы шел вместе с увеличением числа занятых рабочих, на фоне общего хозяйственного роста страны. «Увеличение рядов безработных в СССР растет вместе с повышением зарплаты, с общим укреплением материального положения трудящихся. У нас происходит парадокс, некоторое увеличение безработицы происходит с ростом количества занятых рабочих», — писал журнал «Большевик»⁵.

Такое же положение применительно к УзССР отмечалось в статье наркома труда УзССР Саида Али-Ходжаева. Он писал: «Безработица растет, растет и количество занятых рабочих»⁶. И действительно, число занятых рабочих в ценовой промышленности УзССР с 24 809 в 1926 г. увеличилось до 27 621 человек в 1927 г. Если же считать и сезонных рабочих, то лишь в хлопковой промышленности в начале 1927 г. по сравнению с концом 1925 г. количество рабочих выросло вдвое и достигло 10 245 человек⁷.

Но и безработица в республике также имела тенденцию к росту. В 1927 г. она возросла по сравнению с 1926 г. на 123,6%, а в январе 1928 г. охватила 36 930 человек⁸. В мае 1929 г. безработица в республике достигла своей кульминации: работы не имели тогда 60 тыс. человек⁹. Значительную часть их составляли сельско-

¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается: Доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР 2—3 ноября 1987 г. // Правда. 1987. 3 нояб.

² См.: Правда. 1987. 2 дек.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 359.

⁴ Труд: бюллетень НКТ. 1927. № 5—6. С. 6.

⁵ Большевик. 1927. № 14. С. 73.

⁶ Труд: бюллетень НКТ. 1927. № 5—6. С. 6.

⁷ ПА УзФИМЛ. ф. 58, оп. 2, д. 720, л. 21.

⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-328, оп. 1, д. 31, л. 537.

⁹ Там же, д. 91, л. 147.

хозяйственные рабочие. Недостаточно еще развитая промышленность не могла обеспечить им рабочие места.

На IV пленуме ЦК КП(б)Уз (3—8 октября 1926 г.) в докладе секретаря ЦК В. И. Иванова говорилось, что «безработные узбеки не регистрируются в биржах труда. Биржи труда надо учить быть ближе к основным национальностям, чтобы узбеки, нуждающиеся в работе, знали, куда нужно идти записываться, где бы они через определенный промежуток времени могли получить работу... Нам необходима пропаганда учета, решение этого вопроса дает сотни кадров действительно нуждающихся рабочих из основных национальностей»¹⁰.

Наркомат труда республики, выполняя указания партийных органов, заметно активизировал свою работу, расширив зону ее действия и на деревню через корреспондентские пункты. Уже в 1922 г. в республике действовало 10 корпунктов. Это позволило выявить значительное количество безработных местных национальностей. И если в 1925 г. их доля в общем количестве безработных составляла 15%, то в 1926 г. — 21% (4137 человек), на 1 января 1927 г. — 23,2% (6 тыс. человек), на 1 октября 1927 г. — 30,7% (8573 человека)¹¹; на 1 января 1929 г. безработных из лиц местных национальностей было зарегистрировано 11601, а на 1 октября 1929 г. — 14 983 человека¹².

Только за 1925—1926 гг. количество женщин-узбечек, обратившихся на биржу труда, возросло в шесть раз.

Не менее острой была безработица среди молодежи, достигавшая 10%. При этом доля подростков местных национальностей поднялась с 15 до 59%.

Другая важная особенность безработицы заключалась в том, что основную массу безработных составляли не промышленные кадры. Так, по данным биржи труда, на 1 июля 1926 г. из учтенных 16 тыс. безработных больше половины (8522 человека) не имели квалификации, из них 5674 — чернорабочие, и лишь 3713 безработных имели квалификацию¹³. К октябрю 1928 г., по данным биржи труда, неквалифицированные безработные составляли 63,3%, а к 1 января 1929 г. их доля возросла на 1,2%¹⁴.

Коммунистическая партия и Советское государство делали все для облегчения положения безработных. Им выдавали денежные пособия, оказывалась помощь по линии соцстраха и т. д.

По указанию партийных органов республики, рабочие местных национальностей направлялись на работу вне очереди; им предоставлялись льготы для получения пособия по безработице, был сведен до минимума требуемый стаж наемной работы.

Основной формой борьбы с безработицей были строительство новых и реконструкция действующих промышленных предприятий.

Была налажена подготовка рабочих кадров из безработных, создавались артели безработных и т. п.

Огромное значение в ликвидации безработицы имело претворение в жизнь решений съездов партии, прежде всего взятый XIV съездом партии курс на социалистическую индустриализацию страны, решения XV съезда ВКП(б) о борьбе с безработицей путем развития трудоемких культур в деревне и индустриализации сельского хозяйства. Развитие трудоемких культур в деревне, интенсификация и индустриализация сельского хозяйства, говорилось в решениях XV съезда партии, неизбежно будут поглощать растущее количество рабочих рук, тогда как расширялась индустрия, особенно на основе уменьшения рабочего дня и введения большего количества смен, будет более быстро рассасывать безработицу в городах¹⁵.

Вопросы развития промышленности в Узбекистане неоднократно обсуждались в ЦК ВКП(б). Так, на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) были одобрены предложения об ассигновании 400 тыс. руб. на строительство азотно-тукового завода и 3 млн. руб. — на строительство завода хлопкового инвентаря в Ташкенте¹⁶. Большого количества рабочих рук потребовало строительство Турксиба. Железная дорога Термез — Душанбе была доведена до Денау для чего в 1927 г. было ассигновано 3 млн. руб.¹⁷ В Ташкенте развернулось строительство завода сельскохозяйственного машиностроения, бумажного и кожевенного заводов, кондитерской и обувной фабрик. Шло строительство промышленных предприятий в Термезе, Самарканде, Фергане, Бухаре и других городах.

Создание новых и реконструкция старых промышленных объектов позволили поднять удельный вес промышленности в общем объеме народного хозяйства УзССР, как отмечалось на V съезде КП(б)Уз в 1930 г., до 27%, тогда как в дореволюционный

¹⁰ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 2, д. 720, л. 21.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-735, оп. 1, д. 103, л. 64, об.

¹² Там же, ф. Р-328, оп. 1, д. 239, л. 137.

¹³ Бюллетень ЦСУ УзССР. 1926. № 14. С. 67.

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-238, оп. 1, д. 239, л. 140.

¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 4. М., 1970. С. 54 и др.

¹⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, л. 226.

¹⁷ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 3, д. 159, л. 80.

период он был равен 12%, а число рабочих возросло на 37%. Создавались не только отдельные заводы, но и целые отрасли промышленности. Уже за первый год первой пятилетки тяжелая промышленность республики дала прирост на 56,3%.

Столь бурный рост промышленности потребовал большого количества рабочих рук. Например, Кувасайскому цементному комбинату понадобились 209, Ферганскому текстильному — 300 рабочих и т. д. На создание новых рабочих мест было дополнительно ассигновано 2,2 млн. руб. Кроме того, в 1929—1930 гг. потребовалось 7900 рабочих для НКТ, 3500 — для «Узхлопстроя» и т. д.¹⁸

Росла потребность в рабочих руках и в сельском хозяйстве Узбекистана, что объяснялось прежде всего расширением посевов хлопчатника. В 1930 г. их площадь составила 122% против дореволюционного уровня.

Нуждалось в рабочей силе и растущее колхозно-совхозное хозяйство. Только в 1930 г. органы труда направили в колхозы и совхозы республики 17 700 человек, но тем не менее ощущался недостаток в рабочей силе до 10 тыс. человек¹⁹. В одном лишь Ташкентском округе потребовалось на период огулки до 5 тыс. рабочих. Учитывая это, исполбюро окружкома постановлением от 26 мая 1930 г. обязало органы труда направить на работу в деревню 750 безработных²⁰.

К этому времени сложившаяся ранее система обеспечения народного хозяйства рабочей силой перестала отвечать растущим темпам его развития. Например, запрос о направлении в различные отрасли народного хозяйства 10 254 человек Ташкентская биржа труда смогла удовлетворить лишь в объеме 3504 человек (из них около 50% — местных национальностей). В целом по республике потребности в рабочей силе удовлетворялись на 70%.

Важное значение для окончательной ликвидации в УзССР безработицы имело постановление ЦК КП(б)Уз от 18 февраля 1930 г. «О мерах борьбы с безработицей среди батрачества», которое обязало всех руководителей хозяйств, кооперативов принимать на работу в первую очередь безработных батраков. ЦК КП(б)Уз поставил перед органами труда задачу вовлечь в колхозы и совхозы 20 тыс. безработных батраков²¹.

Учитывая новые условия, Компартия Узбекистана проделала большую работу по перестройке деятельности органов труда. В частности, по указанию ЦК КП(б)Уз коллегия НКТ изменила методы и структуру работы бирж труда, создав взамен их группы снабжения народного хозяйства рабочей силой. Органы труда провели тщательную перерегистрацию безработных. В частности, оказалось, что в Ташкенте осталось всего 6 тыс. безработных, в Андижане — 1 тыс., из них 500 человек были заняты в коллективах безработных²². Только в Ташкенте за 9 месяцев 1930 г. было направлено на работу 31 472 человека. Большая группа молодежи из местного населения была привлечена в школы ФЗУ и т. д.

Все это привело в конечном счете к полной ликвидации безработицы. Этот факт был констатирован в постановлении ЦК ВКП(б) от 20 октября 1930 г. «О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьба с текучестью».

Так в ходе социалистического строительства в Узбекистане, как и по всей стране, была решена одна из острейших социальных проблем, что явилось одним из важнейших достижений в строительстве новой жизни.

Э. Б. Қадыров, И. К. Сулейманов

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-325, оп. 1, д. 31, л. 363.

¹⁹ Там же, ф. Р-328, оп. 4, д. 91, л. 145.

²⁰ ПА Ташкентского ОК КПУз, ф. 1, оп. 1, д. 854, л. 17.

²¹ ЦГА УзССР, ф. Р-97, оп. 3, д. 347, л. 233.

²² ПА Андижанского ОК КПУз, ф. 1, оп. 1, д. 64, д. 9.

РЕЛИГИОЗНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «БРАТЬЕВ-МУСУЛЬМАН»

(На примере Египта и Сирии)

История национально-освободительного движения и место мелкобуржуазных организаций в нем показывают, что «братья-мусульмане» и им подобные различные исламские организации в мусульманских странах во многом являются зеркалом сложных общественно-политических процессов в них.

В. И. Ленин учил, что оценку партия и их деятельности надо давать не по тому, как они себя называют, не потому, какие лозунги они выдвигают, а по конкретным шагам, предпринимаемым ими, когда затронуты интересы целых классов¹. Применение этого важного принципа в исследовании — ключ к познанию сути движения и его идеологии. Между тем очень многие зарубежные, да и некоторые

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 276.

советские исследователи все еще рассматривают движение «братьев-мусульман» как религиозное, основываясь при этом на заявлениях самих лидеров «братства».

Попробуем на конкретной истории «братьев-мусульман» в Египте и Сирии проследить за политической эволюцией их развития, что тесно связано с эволюцией египетского и сирийского общества в целом.

Основанное, как известно, в 1928 г. Х. аль-Банной в Египте движение «братьев-мусульман» в первые десять лет своего существования занималось благотворительными делами (сбор средств в помощь голодающим, строительство больниц, мечетей, исламских школ для детей немущих). Эта благотворительность тесно переплеталась с другими направлениями в их деятельности, а именно с просветительством. И надо сказать, просветительство занимало большое место в практической деятельности этой организации. Издавались книги, журналы, открывались библиотеки с бесплатным посещением, широко была развернута миссионерская деятельность. Множество книг и журналов бесцельно распространялось среди верующих. Издавались они в типографии, созданной по решению II конференции «братьев-мусульман» в 1933 г. на деньги небольшого акционерного общества, организованного по их призыву².

Итак, нельзя отрицать тот факт, что организация в самом начале своей деятельности в Египте выглядела религиозно-просветительской, осуществляющей благотворительные мероприятия. Однако при подробном изучении имеющихся материалов нельзя не обратить внимание на то, что в ее деятельности еще тогда просматривалась политическая задача изменения общества. Особенно четко это вырисовывалось в работах лидера данной организации Х. аль-Банна.

Уже в 1938 г. аль-Банна выступил от имени своей организации с открытым заявлением о необходимости борьбы за власть в стране, за создание исламского государства по типу халифата. Характерно и то, что «джавалы» — боевые отряды «братства», т. е. непосредственные исполнители выдвинутых задач, создавались еще с начала марта 1935 г., по решению III конференции «братьев-мусульман». Таким образом, участие организации в политической борьбе в стране началось намного раньше, скорее всего с момента ее создания³. В условиях обострения классового конфликта в стране и подъема национально-освободительного движения отказ от участия в них неминуемо обрек бы организацию на исчезновение, да и вообще остаться в стороне от этих процессов просто невозможно.

Активизация деятельности этой организации приходится на начало 40-х годов. К этому времени «братья» достаточно окрепли, сложилась определенная организационная структура. Филиалы были уже в других арабских странах. Организация на деле включилась в борьбу за власть в стране, где в это время (особенно в годы второй мировой войны) происходит обострение противоречий между Египтом и Англией, колониальными властями и местной аристократией, между королем, королевской семьей и нарождавшейся в стране буржуазией, между эксплуататорами и эксплуатируемыми и т. д. В этих условиях появилось множество партий и организаций, как прогрессивных, так и крайне правых, вплоть до фашистских. «Братья-мусульмане» открыто боролись против прогрессивных организаций, осуществляя в отношении их лидеров террористические акты. Одновременно они устраивали демонстрации в поддержку политики короля Фарука, который, видимо, санкционировал многие акции «братьев», направленные против лидеров и членов прогрессивных организаций и партий.

В реакционности своей они проявили постоянство, а в остальном мы наблюдаем совершенно естественные для мелкобуржуазности шатания в политической деятельности, оторванность от масс, склонность к авантюре, о чем говорил В. И. Ленин, оценивая позицию и действия мелкобуржуазных партий в революционном движении⁴.

В начале 40-х годов в организации был создан «секретный аппарат» — сектор, специализировавшийся в дальнейшем на подготовке и проведении актов индивидуального террора, подчинявшийся только самому «Верховному наставнику» — Хасану аль-Банне. «Секретный аппарат» осуществил ряд убийств лидеров различных организаций. Эти шаги предпринимались отнюдь не ради «очистки религии от скверны», а из сугубо политических соображений.

Именно в то время получают свое развитие боевые отряды («джавалы»), из которых сложилась армия «братьев-мусульман». В 1945 г., в дни сирийско-французской военной конфронтации, сирийский король получил личное послание аль-Банна, в котором руководитель «братьев-мусульман» предложил в помощь сирийской стороне части в составе 20 тыс. боевиков, прошедших военную подготовку⁵. Сирийский король отказался от этой помощи, видимо, потому, что эти части могли заметно усилить позиции местных «братьев-мусульман», чего он остерегался.

² Рифат ас-Саид. Хасан аль-Банна. Каир: Дар ас-сакафа аль-джадида, 1984, С. 100.

³ Там же. С. 101.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 374; Т. 36. С. 482.

⁵ Ад-Да'ва. Каир, 1979, июнь.

В период военных действий палестинцев против израильтян в 1948—1949 гг. на стороне палестинцев воевали боевые отряды «братьев», насчитывавшие около 40 тыс. человек. По мнению одного из видных египетских публицистов М. Хейкала, обратившего серьезное внимание на политическую сторону деятельности организации, отряды эти были в гуще событий первой арабо-израильской войны, проявляли мобильность и были серьезно подготовлены к ведению партизанской войны. Участие в этой войне в некоторой степени подняло авторитет «братства»⁶.

Тем временем на политической арене Египта появляется и крепнет организация «Молодые офицеры», возглавившая революцию в стране в 1952 г. В период подготовки и осуществления революции «Молодые офицеры» не могли не считаться с некоторой популярностью «братьев» среди населения страны и не отказались от союза с ними. Придя к власти, они запретили деятельность многих организаций и партий, но не стали противиться существованию «братьев-мусульман», ограничив при этом их деятельность сферой религиозной⁷.

Однако «братья» выступили против антиимпериалистического курса Г. Абдель Насера, направленного на создание единства сил арабских стран в борьбе против сионизма и империализма, курса на сближение с Советским Союзом. И вскоре они стали серьезной политической оппозицией новому правительству. «Братство» предприняло попытку покушения на жизнь Насера, были спровоцированы антиправительственные демонстрации, после чего в 1954 г. «братство» в Египте было запрещено. Руководители организации были осуждены, часть их казнена, часть эмигрировала в соседние страны, в частности в Сирию. Лишь небольшие разрозненные группы продолжали нелегально действовать в стране.

На политической арене Сирии в силу местной специфики сложилась несколько иная картина эволюции деятельности и идеологии «братьев-мусульман». Сформированные первоначально как филиалы египетского движения силами миссионеров «братства» и примкнувшими к ним сирийцами, обучавшимися в аль-азхарском университете, сирийские «братья» первые годы своего существования, с середины 30-х годов, действовали в соответствии с директивами получасными в Египте.

Мустафа ас-Сибан, ставший предводителем сирийского филиала «братьев-мусульман», прошел обучение в стенах исламского университета аль-Азхар, где и сближился с Х. аль-Баши. Это была одна из наиболее ярких личностей в истории движения. Личность противоречивая; видимо, в деятельности и эволюции взглядов ас-Сибана нашли свое отражение глубокие противоречия и времени, и самого движения.

Первый руководитель сирийских «братьев-мусульман», имея высшее исламское образование, специализировался на исламской юриспруденции (фикх). По его работам складывается впечатление о нем как о богослове, занятом исследованием исламского законодательства и далеком от политической деятельности. Но это впечатление обманчиво — факты его деятельности говорят о совершенно противоположном: он занимался активной политической и общественной деятельностью не только на арене Сирии, но и всего Арабского Востока. Он представлял собой крупную политическую фигуру 40—50-х годов, для движения «братьев» в целом не менее значительную, чем сам Хасан аль-Баши.

Защитив в аль-Азхаре докторскую диссертацию на тему исламского законодательства, ас-Сибан в конце 40 — начале 50-х годов стал депутатом сирийского парламента. В период правления в Сирии А. Шишкли, находясь в эмиграции, занимался вопросами примирения и слияния суннизма и шиизма, сотрудничества ислама и христианства. В 1949 г. ас-Сибан вместе с министром экономики М. ад-Давалиби выступает в прессе с предложениями о сближении Сирии с СССР для создания противовеса политическому альянсу Израиля с США. Это же предложение выдвигается им и перед сирийским парламентом, но не встречает поддержки⁸. В середине 50-х годов М. ас-Сибан выступает, однако, с новой политической доктриной — «социализма ислама», в которой особое место занимает откровенный антисоветизм⁹.

После разгрома египетского центра «братьев-мусульман» часть египетских активистов, избежавших репрессии, выехали за пределы Египта, в основном в Сирию, которую можно по праву назвать центром движения в 50-е годы. В эти годы сирийские «братья» занимались пропагандой доктрины «исламского социализма», представлявшей собой образец мелкобуржуазной концепции, крайне реакционной по сущности и аморфной по содержанию. По сути это была попытка использовать в своих интересах тягу широких слоев населения к идеям социализма, популярность которых сильно ощущалась в арабских странах.

Идеи «исламского социализма» были приняты на вооружение сирийской организацией лишь на непродолжительное время. В начале 60-х годов автор этой концепции отказался от нее в пользу (как он сам признался) идеи арабского единства, поднятых Г. Абдель Насером. Ас-Сибан сошел с политической арены Сирии и даже объявил о роспуске своей организации (1961 г.).

⁶ Рифат ас-Саид. Указ. соч. С. 207—208.

⁷ Heikal M. Autumn of Fury. L., 1983. P. 27.

⁸ Merip Reports. Washington, 1982. N 110. P. 12.

⁹ Ас-Сибан М. Иштиракийат аль-ислам. Дамаск, 1959. С. 115—119.

Думается, все эти шаги были предприняты не только потому, что в арабском обществе одержали верх идеи арабской консолидации. Уже в конце 40-х годов в Сирии создается партия ПАСВ, а в Египте — организация «Молодые офицеры». Заметно окрепшая в 50-е годы ПАСВ, укрепив свои позиции, получает все более широкую поддержку среди широких слоев населения. Все это сопровождается ослаблением позиций «братьев-мусульман», и действия сирийского руководителя этой организации по ее роспуску не вызвали брожения и даже удивления в обществе. Ас-Сибан распустил в сущности полуразвалившуюся организацию¹⁰.

В 60-е годы наблюдается относительное затишье в деятельности этой организации в Сирии и Египте. В эти годы «братство» отличилось тем, что провело ряд террористических актов, во многих случаях безуспешных. Лишь небольшая группа молодых максималистов, находясь на территории соседней Иордании, продолжает вести политическую деятельность, география которой распространялась и за пределы Иордании.

Примерно с середины 70-х годов наблюдается известный подъем в деятельности «братьев-мусульман» и множества религиозно окрашенных экстремистских организаций и групп. Это явление было освещено в нашей науке в определенной мере как период особой политизации¹¹. Конечно, сложно оспаривать тот факт, что именно этот период в истории организации отличается наибольшей политизацией ее деятельности и идеологии. Но этот процесс связан со многими факторами: наличие ряда конфликтных ситуаций, нестабильность в регионе и развивающемся мире в целом, обострение множества социально-политических проблем внутри стран, бурный процесс социальной дифференциации и особо бедственное экономическое положение средних и низших слоев их населения.

К этим годам во всех мусульманских странах сложились организации по типу «братьев-мусульман». Они называются по-разному, но мало отличаются между собой. Все эти сегодняшние «братья», «джихады», «Хизб-Аллах», «ат-Такфир ва-ль-хиджра», «Джунуд Аллах», «Машуми», берут свое начало от «братьев-мусульман» 30—40-х годов. Выражают они те же идеи мелкого буржуа, лавочника, используют религиозную оболочку. Большинство все так же пользуются экстремистскими методами, все так же не совсем представляют себе, как придут к власти в мусульманских странах, и делают ставку на дестабилизацию положения в них. Многие не знают, как они будут править в этих странах, если все же придут к власти.

Конец 70 — начало 80-х годов ознаменовались большим подъемом в деятельности этих организаций. Был осуществлен ряд шумных акций: убийство Анвара Садата, предавшего интересы арабского единства и занявшего капитулянтскую позицию в арабо-израильском конфликте; множество выступлений в Сирии; укрепление организаций в Иордании; отдельные выступления во всех без исключения мусульманских странах; широкомасштабная контрреволюционная деятельность афганских душманов под флагом ислама.

В этот же период действуют центры «братьев-мусульман» и за пределами мусульманских стран, в Европе. В Лондоне, Бонне, Женеве располагаются их представительства. Однако говорить о том, что в их действиях наблюдаются единство и скоординированность, было бы преждевременно. Этого пока нет. Даже внутри каждой организации еще нет единства, что вполне присуще мелкобуржуазным экстремистским организациям. Там можно выделить и правое крыло, и левое, и центристское. И деление это происходит, конечно, не по религиозным убеждениям.

Один из последних вариантов программ, программа сирийских «братьев-мусульман» образца 1982 г., разработанная и принятая несколькими группами, уже почти не содержит обращения к религии¹². Эта аморфная программа политических действий в конечном итоге практически отбрасывает религиозную оболочку. Примечательно, что известная организацией шумного убийства Садата «ат-Такфир ва-ль-хиджра» («Искупление и уход») имеет в своем составе не только убежденных мусульман, но и коптов, т. е. представителей христиан. Как видим, членов ее соединяет не ислам, а политика.

Итак, в истории «братства» можно выделить несколько моментов, которым надо уделить внимание. Первый период — исламское просветительство, пропаганда ислама, создание исламских школ, открытие мечетей, распространение этой деятельности на всех мусульман с охватом всех стран, где есть мусульманские общины. Второй — политическая борьба с применением экстремистских методов, подрывная деятельность против прогрессивных режимов в развивающихся странах, антисоветизм и антикоммунизм (при этом не исключается возможность придания своей деятельности антиимпериалистической направленности в целях поддержания связи с народными массами).

¹⁰ Merip Reports. 1982. N 110. P. 18.

¹¹ См.: Полонская Л. Р., Вафа А. Х. Восток, идеи и идеологии. М., 1982; Примаков Е. М. История одного сговора. М., 1985; и др.

¹² Merip Reports. 1982. N 110. P. 13.

Богатая история «братьев-мусульман», их деятельность и идеология говорят о том, что эта глубоко мелкобуржуазная организация проявляет непостоянство и склонность к политическим авантюрам. В их рядах нет единства, программы утопичны и нереальны¹³. Руководят организациями в настоящее время уже далеко не светские мусульманские лидеры, а политические функционеры, направляющие своих членов на осуществление террора политического, а не религиозного. Конечно, религиозная оболочка, видимо, еще долго не будет отброшена, и все же в последнее десятилетие в деятельности «братьев» просматривается тенденция постепенного отхода от использования религии для прикрытия своих политических акций.

Таким образом, напрашивается важный вывод о том, что «братья-мусульмане», поставившие перед собой задачу создания единого мусульманского халифата на территории всех государств, где имеются мусульманские общины, пользуются исламом как своеобразным «мостом» между ними и широкими слоями населения, ибо сквозь призму ислама эти массы рассматривают все то, что их окружает и волнует, будь то мораль, политика или экономика.

Но никогда этот «мост», этот язык общения не придаст данной организации подлинной массовости, опоры на широкие слои трудящихся. Ее оплот — по-прежнему мелкий буржуа. В силу этого организация больше выглядит как политический кружок террористов. Страстно желающий изменений, терпящий бедственное положение в условиях бурного развития капиталистического уклада, мелкий буржуа, лавочник в мусульманском мире, видя, как рушатся традиции, протестует. Но он далеко не устойчив, идеи его туманны. Он легко переходит к унынию, апатии, смыкается с другими реакционными силами, особенно на почве присущего ему антикоммунизма и антисоветизма.

Эта организация, ее деятельность отвлекают массы от решения актуальных социальных проблем, насущных задач классовой борьбы. Она борется с прогрессивными силами в этих странах, выступая одним из реакционных факторов на политической арене мусульманского мира. Но будущее не за ними. История учит, что будущее — за рабочими партиями, за силами демократии.

А. А. Абдувахитов

---

¹³ Омар Тилмисани. Аль-хукума ал-динийа. Каир: Дар аль-и тисам, 6 г.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

ОССУАРИИ ИЗ ОКРУГИ САИЛЬТЕПА

Городище Саильтепа¹ расположено на территории центральной усадьбы совхоза им. Кирова Кашкадарьинского района Самаркандской области, в отрогах Нуратинских гор. В 1986 г. в 400 м к северо-западу от городища, на территории средней школы № 8, учителем П. Каримовым были замечены обломки человеческих костей и фрагменты оссуариев. Заложенный на месте находки разведывательный шурф не выявил никаких конструктивных остатков, а характер залегания фрагментов оссуариев и костей свидетельствовал о переотложенности материала в результате многократных распахив. Собранные здесь же фрагменты бытовой керамики датируются VII—VIII вв. (рис. 1, 10). Среди многочисленных фрагментов оссуариев удалось собрать 3 археологически целых и 5 оссуариев во фрагментах, которые в большинстве случаев позволяют реконструировать их форму.

подавляющее большинство оссуариев типологически едины и имеют вид сводчато-купольных сооружений на прямоугольном основании с различной степенью скругленности углов. Характерной особенностью следует считать не срезанный под крышку свод и вырезанное в боковом скате овальное отверстие, закрывавшееся крышкой-заслонкой с круглым отверстием в центре.

Технология изготовления оссуариев одина. Дно лепилось от руки из пласта глины на подсыпке крупного песка или на растительной подушке. Стенки наращивались ленточным способом, ширина лент — от 3 до 5 см. Стенки заглаживались, при этом создавался напуск глины от верхнего пояса книзу. Вертикальные стенки иногда дорабатывались на круге. В тесто обильно добавлялся толченый сланец, иногда наблюдается примесь песка. Наружная поверхность некоторых оссуариев покрыта кремевым ангобом.

Выделяются два вида оссуариев.

---

¹ Ростовцев О. М., Вафаев Г. А., Иваницкий И. Д. Археологические исследования в долине Тусунсая Самаркандской области // История материальной культуры Узбекистана (ИМКУ). Вып. 18. Ташкент, 1983. С. 259.

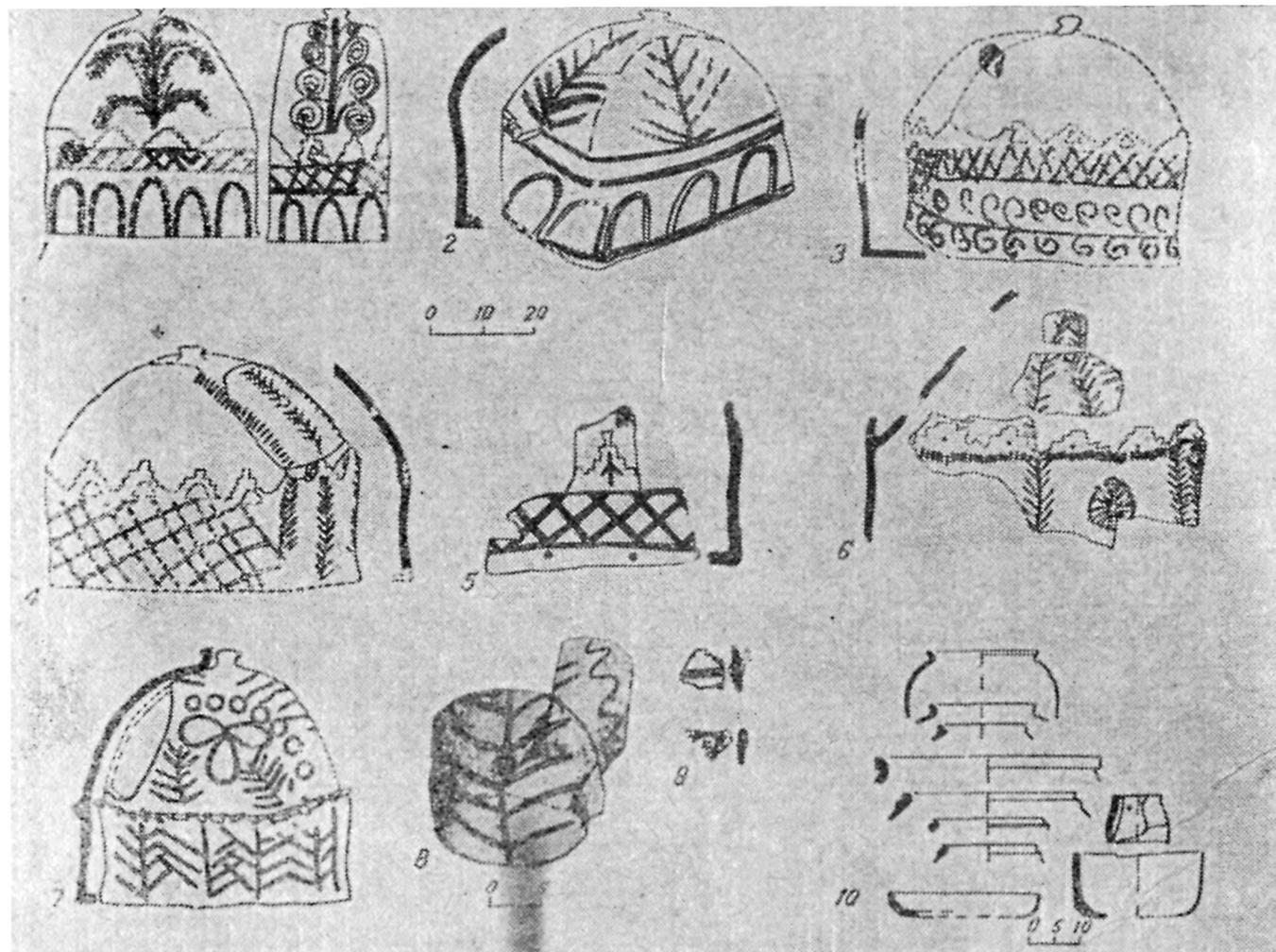

Рис. 1. Оссуарии из Саильтепа (прорисовки с элементами реконструкции).

К I виду отнесены оссуарии с прямоугольным основанием, с достаточно четко выраженными углами и вертикальностью стенок. Особенностью свода некоторых оссуариев следует считать выделение орнаментацией двух узких скатов, в одном из которых вырезана крышка-заслонка, и двух широких скатов, которые малой степенью своей выпуклости напоминают скорее фронтон. У других оссуариев свод близок к выпуклому четырехскатному или коническому.

I—1. Оссуарий имеет прямоугольное основание со слегка сглаженными углами (рис. 1, 1). Вертикальные стенки переходят к выпуклому двускатному своду, вершина которого скруглена и увенчана грибовидной, слегка уплощенной сверху ручкой. Переход от вертикали стен к своду выделен уступом. В одном из боковых скатов вырезана овальная в плане крышка-заслонка. Длина оссуария — 40 см, ширина по торцу — 23 см, высота — 43 см, толщина стенок — 1—2,5 см.

Прямоугольный объем имеет четкий тектонический декор — стенки увенчаны резными четырехзубчатыми мерлонами, под ним идет фриз косой сеткой в линейном обрамлении. Стенки по периметру основания имеют изображения аркатуры, прочерченной двойной линией.

Один из сохранившихся тимпанов фронтона орнаментирован пышным «древом» с четырьмя плавно свисающими ветвями, по две с каждой стороны от многократно прочерченного ствола. На ветвях — часто посаженные узкие листья. Ветвь выполнена энергичными четкими штрихами палочкой-каламом, ширина рабочей части которой не более 2—3 мм. Наплывы от прочерчивания создают впечатление двушпандового орнамента, выразительность которого достигается игрой света и тени.

Противоположный тимпан оссуария не сохранился, но две прочерченные полосы у его основания предполагают орнамент, отличный от первого тимпана. Один из боковых скатов орнаментирован побегом со спирально закрученными ветвями.

Противоположный скат, снабженный отверстием для крышки, имел, видимо, аналогичный, но сильно схематизированный орнамент. Закрученные спирали заменены подковообразной фигурой, оба конца которой соединены с вертикальной линией — стволем. Прочерченный орнамент выполнен иногда нарочито небрежно — арки различных размеров, очертания их преимущественно круглые, до стрельчатых; в косой сетке фриза линии часто сбиты с ритма: мерлоны, особенно торцовых стенок, вырезаны поспешно, зубцы их разновелики по высоте и количеству. Один из мерлонов имеет в середине треугольный выемчатый вырез.

I—2. Оссуарий в плане прямоугольный (рис. 1, 2), со скругленными углами, стенки слегка прогнуты внутрь, основание несколько выступает за линию стен. Верх свода не сохранился. Переход от стенок к своду обозначен уступом шириной 0,5 см. Он предназначался, как и на предыдущем оссуарии, для зубчатого карниза. На торцовой части видны следы начального этапа вырезки мерлона, но работа эта оставалась незавершенной. В одном из узких скатов прорезано отверстие для крышки.

Длина оссуария — 43 см, сохранившаяся высота — 20 см. Длина торцовой части стенок не одинакова — 18 и 20 см. Сводчатая часть с четырех сторон орнаментирована простой узколистной ветвью, плоскости стен опоясывает небрежно прочерченный ряд арок в двойном обрамлении.

I—3. Разрозненные фрагменты разных частей оссуария. Фрагмент придонной части орнаментирован горизонтально расположенной ветвью со спирально закрученными ветвями. Аналогичная ветвь, но расположенная вертикально, вероятно, была изображена на фронтоне. Фрагменты зубчатого мерлона с частью фриза ромбической сеткой, бокового ската и часть вершины свода позволяют реконструировать форму, аналогичную I виду (рис. 1, 3).

Оссуарий выполнен в технике ленточной лепки с возможной доработкой на гончарном круге. Фрагменты верхней части сохранили ангобное покрытие кремового цвета.

I—4. Сохранились фрагменты одной торцовой части, длинных стенок и свода с крышкой-заслонкой (рис. 1, 4). Стенки слегка расширяются к основанию. Дно не сохранилось. Характерная технологическая особенность: стенки, доведенные до требуемой высоты, по краю оформлялись объемными зубцами, затем с тыльной стороны подлепливался свод, зубцы при этом приобретали плоский рельеф.

Сохранившаяся длина оссуария — 30 см, сохранившаяся высота — 37 см, ширина торцовой стенки вверху — 23 см, ближе к основанию — до 25 см. Толщина стенок — от 1,3 до 2 см. Орнаментация оссуария выполнена насечками острым пожевидным предметом, прочерчиванием и сквозной резбой. В декоре оссуария использован уже описанный (см. I—1) архитектурный мотив вырезанного в плоском рельефе четырехзубчатого мерлона, которым увенчаны вертикали стен. На длинных стенках мерлоны имеют треугольный сквозной вырез в центре, тогда как на торцах они сплошные. Под сквозными мерлонами широкой полосой размещена ромбическая сетка, занимающая все пространство стены до основания. Иначе орнаментирована торцовая стенка. В центре под мерлоном нанесена узколистая ветвь, повторенная на крышке, вырезанной в боковом скате свода. В центре крышки — круглое отверстие диаметром 2 см. По контуру фронтона обработан параллельными косыми насечками, которые, продолжаясь по обеим сторонам конструктивного ребра, образуют ветвь, подобную изображенной на торце и крышке.

I—5. Отнесен к типу I с определенной условностью. Судя по сохранившейся части, оссуарий имел подпрямоугольную форму с закругленными углами (рис. 1, 5). В придонной части сохранились два круглых сквозных отверстия. Оссуарий покрыт густым кремовым ангобом. Сохранившаяся длина — 39 см, сохранившаяся высота — 30 см.

Нижняя часть стенки разработана ромбической косой сеткой в обрамлении двойной линии. Над ней идет ряд плоских крупных мерлонов (сохранился один), в центре которых прочерчена стреловидная бойница. Выше шел еще один ряд орнаментальной полосы. От нее сохранились лишь нижние части сдвоенных вертикалей и угол сквозного, возможно, треугольного отверстия.

I—6. Представлен крупным фрагментом стенки с угловой частью и фрагментами купола (рис. 1, 6). Несмотря на фрагментарность, восстанавливается подпрямоугольная форма оссуария со скругленными углами. Купольное завершение по форме близко к коническому. Вертикальные стенки изготавливались на круге, по верху вырезались мерлоны и затем подлепливался свод. Сохранившаяся длина — 51 см, сохранившаяся высота — 25 см. Ангоб отсутствует. Мерлоны с неравным количеством зубцов. В центре каждого мерлона круглое отверстие. Под зубчатым парапетом проходит ряд вертикальных насечек-штрихов, играющих роль фриза. Сохранившаяся плоскость стены разделена узколистыми ветвями; центр сводчатого поля между ними занимает розетка — круг с углубленной точкой, от которой расходятся небрежно прочерченные линии. Розетка, вероятно, представляет собой тип орнаментального колеса. По куполу прочерчены узколистые ветви.

Ко II виду отнесена прямоугодно-купольная форма оссуария, представленная единственным экземпляром (рис. 1, 7).

II—1. Основание подпрямоугольное с сильно скругленными углами, стенки с прогибом внутрь. Оссуарий завершается овальным в плане куполом. Переход к сферической части подчеркнут зубчатым карнизом. Зубцы имеют форму усеченной пирамиды, расположены под углом к плоскости стен. На вершине купола прикреплена грибовидная ручка, через вертикальную ось которой сделан глубокий прокол. Первоначально отверстие намечалось сквозным, для этого в вершине купола было проделано сквозное отверстие. Но отверстия в ручке и куполе не совпали, и оно осталось глухим. В основании купола просверлены круглые наклонные сквозные отверстия. На сохранившейся части оссуария их два. На фрагменте от этого же костехранилища есть аналогичное, но не сквозное углубление в 2 см. Вероятно, отверстие было четыре, по углам оссуария. В узкой части купола вырезана крышка-заслонка.

Наружная поверхность покрыта густым кремовым ангобом. Высота оссуария с ручкой — 47 см, длина — 47 см, восстанавливаемая ширина — 26 см. Толщина стенок колеблется в пределах 1—1,8 см. Нижняя часть оссуария орнаментирована узколистыми вертикальными ветвями. Пересечение листьев создает дополнительный сетчатый орнамент. Через длинную ось купола прочерчены две узколистые ветви, направленные вершинами к основанию грибовидной ручки. По обеим сторонам от ветвей проходит ряд прочерченных кружков, размещенных по дуге, вершина которой приближается к ручке. Центральное поле купола с обеих сторон занимает фигура из трех соединенных вершинами овалов, по обеим сторонам которой — короткие узколистые ветви.

Другой тип условно назван цилиндрическим. Представлен фрагментом единственного экземпляра (рис. 1, 8). Целиком сохранились крышка-заслонка и два фрагмента стенок, один из которых — с вырезом для крышки. Черенок красно-коричневого цвета. В центре крышки — круглое сквозное отверстие. Размеры крышки — 19×19 см. Углы скруглены, толщина стенок колеблется от 1,8 до 2,2 см. Предположительный диаметр цилиндра — около 20 см. Отверстие в центре крышки вырезалось после того, как был нанесен орнамент. Крышка неангобирована, тогда как стенки оссуария покрыты кремовым ангобом.

Орнаментация оссуария, судя по фрагментам, была проста. Через центральную ось крышки идет узколистая ветвь, продолжающаяся на стенках. Ветвь чередовалась с волнистой линией.

Технические приемы орнаментации были довольно ограничены. Превалировало простое прочерчивание по сырой глине, это — ромбовидная сетка, арки, узколистые ветви. Последние выполнялись также посредством глубокой насечки узким, острым пожевдным орудием. На оссуарии I—2 применена смешанная техника — косая сетка выполнена прочерчиванием, узколистая ветвь — насечкой. Следующим приемом была резьба. Ее использовали исключительно для выполнения мерлонов и зубцов. Применена и сквозная резьба в центре ступенчатых мерлонов (I—3).

В отделе оссуариев в основном представлены орнаментальные мотивы двух видов — архитектурные и растительные. К архитектурным прежде всего следует отнести:

а) трех- и четырехступенчатые мерлоны, выполненные в плоском рельефе или объемно. Оба вида мерлонов характерны для типа I. Второй вид — усеченнопирамидальный зубец (II—1);

б) арки. Встречен единственный вид круглой формы, если не считать стреловидных на оссуарии I—1, очертания которых — результат небрежности исполнения;

в) ромбическая сетка. В зависимости от ее расположения могла играть роль фриза (I—1) или сплошного покрытия стены (I—4, 5);

г) прочерченная стреловидная бойница. Встречена в единственном экземпляре (I—5).

Растительные элементы:

а) узколистная ветвь — преобладающий элемент в этой группе, употребляется как самостоятельный (I—2, 4, 6), так и сгруппированный по рапортной схеме (II—1);

б) побег со спирально закрученными ветвями. Расположен как на центральном фронте, так и на боковых скатах (II—1, 3). Применен также в отделке прямоугольного основания, заменяя аркатуру. В этом случае побег уложен горизонтально (I—3). Этот вид орнамента встречен исключительно на оссуариях I типа;

в) пышная древовидная ветвь. Применена как центральный самостоятельный орнамент на фронте оссуария I—1.

Розетки:

а) розетка в виде колеса (I—6);

б) многолепестковая розетка, округленные лепестки которой вынесены за пределы круга. В центре круга семь точек, такие же точки-наколы обрамляют розетку снаружи. Это единственный фрагмент от оссуария с подобным орнаментом (рис. 1, 9);

в) четырехлепестковые розетки (неопределенный тип — 2).

Единичные элементы орнамента — соединенные вершинами три овала и расположенные цепочкой прочерченные кружки. Встречены только на оссуарии II вида.

Типологически наиболее близкой аналогией тусунсайским оссуариям являются оссуарии могильника Ниязбаш в долине Чирчика². Судя по фото, приведенному в статье, сводчатая часть астадана представляет собой приземистый, овальный в плане купол, составляющий одно целое с овальным основанием; в узкой части купола вырезана крышка-заслонка. Орнамент рельефный и процарапанный. Ниязбашские оссуарии найдены случайно и могут быть датированы в широких хронологических рамках, так как появление оссуарного обряда захоронения в Ташкентском оазисе относится к мнигурюкскому периоду (VI—VIII вв.)³.

Несмотря на разницу в размерах и пропорциях ниязбашских и тусунсайских оссуариев, в облике их проступают явные черты сходства — это не отделенная от корпуса купольная часть и наличие крышки-заслонки.

Морфологическая близость прослеживается и в облике саркофагообразного оссуария из науса-2 близ Кавардана, датированного VII—VIII вв.⁴, где в своде, увенчанном грибовидной ручкой, вырезана крышка-заслонка. Цилиндрическая же форма каварданского оссуария, видимо, сходна с сальтепинским, условно названным цилиндрическим и выделенным во II тип.

Для оссуариев Пенджикентского некрополя выявлена ведущая форма овальной, расширяющейся кверху ванночки, но, судя по рисунку в тексте и описанию, один из фрагментов из науса-10, вероятно, принадлежал оссуарию, форма которого близка к сальтепинским⁵. Исследователями этот фрагмент был интерпретирован как «сферическая крышка..., закрывающаяся особым кружком». Этот кружок, видимо, и есть сама крышка, вырезанная в куполе, увенчанном грибовидной ручкой с вертикальным углублением в ней. Аналогичны орнаментация в виде стилизованных веток, а также врезная техника исполнения⁶.

Оссуарии с не отделенным от корпуса сводом и крышкой-заслонкой, вырезанной в корпусе, известны по памятникам Хорезма. Таков оссуарий с пирамидальным навершием на прямоугольном основании, найденный в развалинах усадьбы IV—V вв. близ Койкрылганкалы. Судя по описанию, близкую форму имел оссуарий из разрушенного некрополя возле Бурлыккала. Аналогичные крышки известны на некоторых статуарных оссуариях⁷.

На фрагментах оссуариев из усадьбы-4 близ Джанбаскалы сохранились зубцы

² Алимов К., Буряков Ю., Бурякова Э., Дуке Х. Работы в Ташкентской области // Археологические открытия 1974 года. М., 1975. С. 495.

³ Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С. 82.

⁴ Алимов У., Алимов К. Погребальные сооружения Кавардана // ИМКУ. Вып. 18. С. 203.

⁵ Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А. Некрополь древнего Пенджикента // Материалы и исследования по археологии (МИА). 37. М.: Л., 1953. С. 80. Рис. 18.

⁶ Там же. С. 81.

⁷ Рапорт Н. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971. С. 63, 70. Рис. 22, 32, 36.

мерлонов, оформляющие переход от наклонных внутрь стен к перекрытию, видимо купольного типа. Мерлоны имеют стреловидные прорезы-бойницы⁸. Аналогичную конструкцию и отделку зубчатым парапетом, но со сквозным круглым отверстием в центре мерлона имеет оссуарий I—6.

Среди довольно многочисленных форм оссуариев из Миздахкана известны прямоугольные с выпуклым верхом, увенчанным блоковидной ручкой, и вырезанным в одном из торцов прямоугольным люком. Датирован оссуарий II—IV вв. н. э. Аналогичные по форме, но без ручек оссуарии датированы V—VI вв. н. э.⁹

Оригинальные по форме байрамалинские оссуарии V—VIII вв.¹⁰, несмотря на, казалось бы, значительные отличия во внешнем облике, имеют те же специфические признаки — крышка-заслонка и не отделенный от корпуса свод.

В технологическом отношении к оссуариям Санльтепа, особенно I—4, близки оссуарии из Сиваза и Узкишлака в Кашкадарьинской области¹¹. К формованным отдельно стенкам, скрепленным в виде ящика, изнутри подлеплен свод. В боковом скате (Узкишлак) или в вершине свода (Сиваз) вырезана крышка. Разница в способе изготовления боковых стенок диктовалась особенностью их декорировки, но при этом, видимо, традиционно сохранялся способ крепления свода с последующим вырезом крышки. Сивазский оссуарий датирован VI или началом VII в., узкишлакский — в широких пределах раннего средневековья. Видимо, аналогичны по технологии и оссуарии VIII—IX вв. из Тараза, но у них под крышку срезаны 2/3 верхней части свода¹².

В отделке оссуариев широко применен растительный узор. Предпочтение отдано узколистой ветви. На оссуариях I вида она расположена преимущественно на сводчатой части, у II вида — равно расположена как на основании, так и на своде.

Аналогичные ветви известны на оссуариях из наусов и усадьбы под Кафиркалой, датированных VI—VII вв.¹³

На овальных оссуариях из Ташкента и с. Чапги (Ташкентская область) также изображены схематичные ветви растений. Оссуарии датированы VI—VII вв.¹⁴ Тот же орнамент широко известен на оссуариях из Сарыга в Киргизии¹⁵ и некрополя Тараза в Южном Казахстане¹⁶. В Южном Согде на фрагменте оссуария из Еркургана¹⁷ и оссуариях из Севаза¹⁸ также использован мотив узколистой ветви. В первом случае ветвь расположена на стенке оссуария, во втором — четыре ветви прочерчены на своде.

Несмотря на различную роль, отводимую ветвям в орнаментации — центральную или второстепенную, символическое значение их несомненно и связано прежде всего с представлением о «мировом древе» или «древе жизни».

Мотив этот имеет древнюю традицию у земледельческих народов Востока. Проникновение его в пору раннего средневековья в Среднеазиатский регион отмечено с кушано-сасанидского периода (конец III — середина V в. н. э.) для Бактрии (Зартепа), где элемент елочного орнамента появляется на бытовой керамике¹⁹. Этот тип орнамента достаточно широко распространяется в Согде, что прослежено по

⁸ Там же. С. 64. Рис. 21.

⁹ Ягодин В. А., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970. С. 79—80. Рис. 33, 1—3.

¹⁰ Ершов С. А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР. Т. V. Ашхабад, 1959. С. 183. Табл. 3.

¹¹ Крашенинникова Н. И. Два штампованных оссуария из окрестностей кишлака Сиваз Kitabского района // Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Ташкент, 1986. С. 43—46; Дресвянская Г. Я. Раннесредневековые оссуарии из Южного Согда // Общественные науки в Узбекистане (ОНУ). 1983. № 3. С. 45—47.

¹² Ремпель Л. И. Некрополь древнего Тараза // КСИИМК. Вып. 69. М., 1957. Рис. 7.

¹³ Шишкина Г. В. Раннесредневековая усадьба под Самаркандом // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961. С. 218—220. Рис. 14.

¹⁴ Буряков Ю. Ф., Богомолов Г. И. К семантике изображений на оссуариях из кишлака Чапги // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986; Агзамходжаев Т. Оссуарные захоронения на окраине Ташкента // ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963. С. 113.

¹⁵ Берпштам А. Н. Чуйская долина // МИА. 14. М.; Л., 1950. С. 30—31.

¹⁶ Ремпель Л. И. Некрополь... Рис. 7.

¹⁷ Кабанов С. К. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе // Труды ИИА АН УзССР. Ташкент, 1950. С. 120. Рис. 13.

¹⁸ Крашенинникова Н. И. Два штампованных оссуария... С. 46.

¹⁹ Завьялов Б. А. Культура позднекушанского города // Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. С. 39.

керамике Верхнего Пенджикента (вторая половина VII—VIII в.). Однако на материалах того же городища предыдущего этапа этот орнамент совершенно не известен²⁰.

Оссуарий II—1 имел четыре наклонных узких канала, идущих от основания свода внутрь оссуария. Подобные отверстия на оссуариях известны в различных областях Средней Азии и предназначались для установки в них легкого балдахина²¹.

Крышки тусунсайских оссуариев снабжены грибовидными ручками, аналогичными миздахканским, которые, по мнению исследователей, помимо их функциональности, несут определенную смысловую нагрузку, будучи солярным символом²².

Символическое значение ручек тусунсайских оссуариев, на наш взгляд, выражено еще более определено, поскольку функционально они не оправданы. Более того, на ручках оссуариев II вида имеются колотые углубления, назначение которых может быть объяснено изображением на Бартымском блюде²³, где вершину оссуария венчает эмблема луны и солнца. Представляется вероятным, что углубления на ручках тусунсайских оссуариев II вида служили для установки в них символических изображений, над которыми и укреплялись балдахин.

Оссуарии I вида, судя по сохранившимся фрагментам, не имели ни отверстий для балдахина, ни колотых углублений в ручках.

На оссуариях из Саильтепа совершенно отсутствуют такие характерные для оссуариев из Согда виды орнаментации, как мелкие растительно-геометрические и антропоморфные налепы-штампы. Но в то же время применение в отделке аркатуры как одного из основных акцентов в архитектонике оссуариев предполагает, на наш взгляд, именно согдийскую художественную традицию. Аркатура на оссуариях Бия-Наймапа, Муллакурмана, Дурмонтепа, Иштихана, арки на плитках-плакетках раннего средневековья с изображениями персонажей композиционно также близки к рельефам на оссуариях. Оссуарии из Афрасиаба, датированные кошмом V—VI в., имеют ярко выраженные архитектурные детали и такую особенность разработки стен, как ромбическая сетка.

Вошедший в орнаментальные сюжеты оссуариев «елочный» орнамент (пышные ветви, узколистые ветви) получает значительное распространение в Согде, Кеше, Чаче, Семиречье. Видимо, свойственная ему символика, укрепившаяся под влиянием местной зороастрийской идеологии, получает широкое признание в регионах, в прошлом тесно связанных с культурой кочевого мира.

Обнаруженные в горной долине близ городища Саильтепа оссуарии представляют собой единый и достаточно устоявшийся тип со сложившимся орнаментальными мотивами и технологическими приемами. Судя по аналогиям, эти признаки имеют широкие географические и хронологические пределы в рамках раннего средневековья. Датировка оссуариев Саильтепа VII—VIII вв. определяет не время сложения данного типа костехранилища, а лишь период проникновения оссуарного обряда в Тусунсай.

И. Иваницкий

²⁰ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневекий город Средней Азии. Л., 1973. С. 52.

²¹ Рапопорт Н. А. Из истории... С. 112.

²² Ягодин В. А., Ходжайов Т. К. Некрополь... С. 130—131.

²³ Рапопорт Н. А. Из истории... С. 113.

ЗООМОРФНЫЙ СОСУД ИЗ ДЖАРКУТАНА

Джаркутан—памятник эпохи бронзы юга Узбекистана—вот уже более десяти лет находится в центре внимания археологов, занимающихся древнейшим прошлым народов Среднего Востока. Он расположен на территории совхоза «Гулистан» Шерабадского района Сурхандарьинской области, на берегу высохшего русла Бустан-сая, некогда бывшего притоком Амударьи. Занимая более чем 100 га, он включает в себя: собственно поселение, цитадель, храм, грунтовый могильник. Результаты раскопок последних лет показали, что это—памятник раннегородской культуры, функционировавший во второй половине II тыс. до н. э.

В последние годы под руководством А. А. Аскарлова здесь полностью раскопан уникальный храмовый комплекс, крупный культовый центр—храм огня. В архитектурном отношении это—монументальное сооружение, резко отличающееся от рядового поселения и дворцового здания. В храме найдено много культовых предметов: антропоморфные фигуры, обломки переносных алтариков, орнаментированная керамика типа курильницы и др.

В одном из верхних слоев храма, в помещении № 11, где была вскрыта «винодельня» № 2, обнаружен зооморфный сосуд в виде птицы. Он найден между давильной площадкой «винодельни» и круглым алтарем огня, у стены. Весь этот комплекс, судя по керамике, обнаруженной на полу, датируется молалинским этапом са-

паллинской культуры — XII—X вв. до н. э., и зооморфный сосуд соответственно относится к этому периоду¹.

Сосуд довольно крупный, изображен реалистично, но, к сожалению, сохранился не полностью — ножки, голова вместе с шей и хвостовая части отломлены, что несколько затрудняет определение конкретного вида птицы. Судя по характеру тулова, она скорее относится к семейству водоплавающих — утка, гусь (?), но не исключено, что перед нами стилизованный фазан (?) (рис. 1).

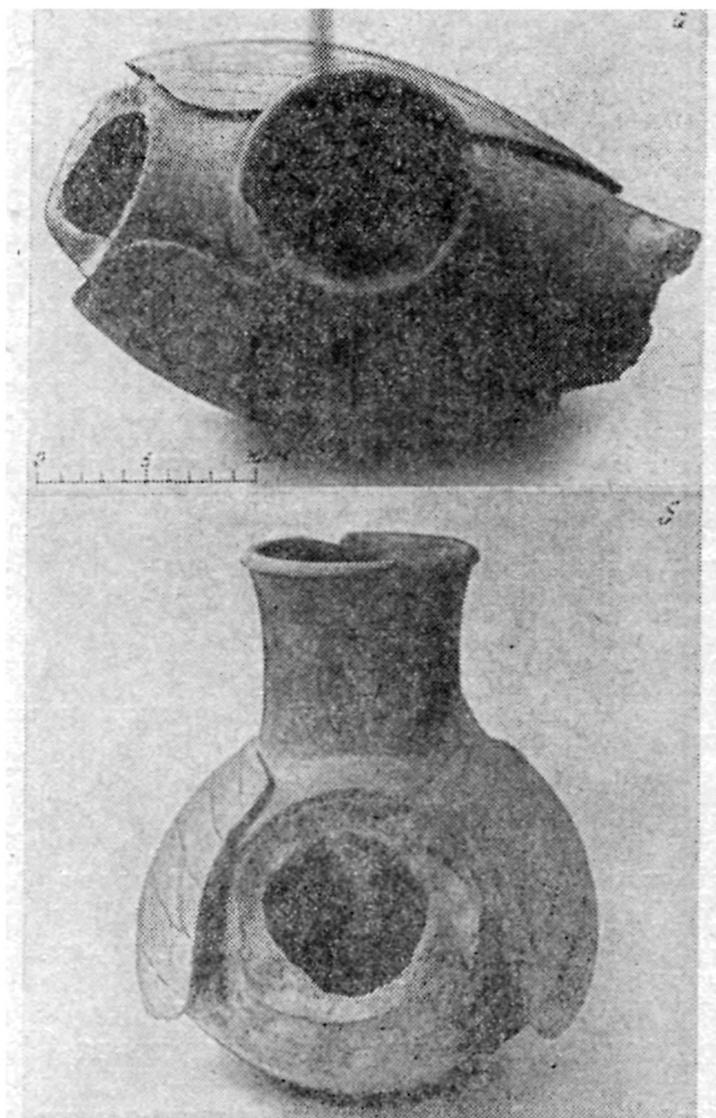

Рис. 1. Зооморфный сосуд из Джаркутана: а — вид сверху, б — вид спереди.

Зооморфный сосуд изготовлен на гончарном круге, толстотенный (2,0—2,5 см), обжиг равномерный, но производился не при очень высокой температуре: цвет в изломе красновато-коричневый, а не как у светлофонных сосудов, обжиг которых осуществлялся при высокой температуре. Ножки, изготовленные отдельно, были потом прикреплены к сосуду. В поддоне, на брюшковой части сосуда, имеется дисковидная площадка диаметром 11,5 см, поверхности которой специальными насечками прида-

¹ Мы придерживаемся хронологической шкалы сапаллинской культуры, разработанной А. А. Аскарковым. См.: Аскарков А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 89—105; Аскарков А., Абдуллаев Б. Джаркутан. Ташкент, 1983. с. 32—44.

на шероховатость с целью лучшей спаянности ножки и резервуара к сосуду-птице. Она изображена в статичной, спокойной позе, крылья прижаты к туловищу, которое показано рельефно-выпукло. Длина крыльев — 24,0 см, рельефная толщина — 1,4 см. Сохранившаяся высота сосуда — 23,5 см, длина — 31,7 см. Горловина расположена на спине птицы-сосуда. Диаметр венчика горловины — 9,5 см, ее высота от поверхности спины — 7,8 см. Клюв птицы, по всей вероятности, служил сливом, о чем свидетельствуют отверстия в сохранившейся части шеи. Сосуд вмещал около 3 л жидкости.

Поверхность зооморфного сосуда пышно орнаментирована царапинами и росписью красной краской. Крылья орнаментированы параллельными линиями, прочерченными по всей длине, кое-где имеются косые перпендикулярно нацарапанные штрихи. Нацарапанные линии, видимо, имитировали складки перьев. Поверхность крыльев расписана краской меньше, чем туловище и хвостовая часть.

Круглыми точками расписано несколько треугольников, вмещенных один внутри другого. Хвостовая часть как бы отделена от туловища сосуда-птицы росписью из кольцевых линий. Вершины треугольников, находящихся в хвостовой части, перпендикулярны к линии кольца по всей окружности.

Зооморфный сосуд из Джаркутана — пока единственный в комплексе сапаллинской материальной культуры. Его нет ни в Сапаллитепа, ни в Молали, ни в Бустане, ни в Дашли I, III и т. д. В памятниках эпохи бронзы Средней Азии зооморфный сосуд известен только на Алтын-депе², по там обнаружен лишь маленький фрагмент сосуда — его слив. Он изображал головную часть некоего животного, вид которого из-за стилизованности изображения трудно определить.

Хотя зооморфные сосуды встречаются в комплексе материалов памятников бронзы Средней Азии редко, в целом различные зооморфные изображения составляют характерную черту их материальной культуры.

Известны скульптурные изображения: в Сапалли — лягушки, горного козла, в Джаркутане — горного козла, быка, в Дашли III — верблюда, изготовленных из металла и окаменевшего известняка, песчаника и глины. На металлических и каменных печатях имеются изображения орла, змеи, кабана, камышового кота, барса (?), скорпиона и др. Но все они найдены в малом количестве.

Зооморфные сосуды были довольно широко распространены во второй половине II—I тыс. до н. э. в Закавказье, Иране, Анатолии³. Некоторые общие сходства с нашим зооморфным сосудом имеет сосуд-птица из могильника Хурвин⁴ и Мингечаура⁵. Зооморфные сосуды были известны в Иране еще в IV тыс. до н. э. Сосуды в виде птиц в большом количестве известны в некрополе тепе Сялка, в Хурвине, Хасанлу⁶. На зооморфных сосудах Хурвина мы видим нацарапанный треугольный орнамент, что наблюдается и на джаркутанском сосуде, но здесь треугольник расписан. Р. Гиршман считает зооморфные сосуды характерными для мидийского погребального обряда⁷.

Технология изготовления, текстура сосуда из Джаркутана свидетельствуют о том, что он сделан руками местных мастеров-керамистов. Появление его, очевидно, было результатом культурного влияния Ирана на Среднюю Азию в эпоху поздней бронзы.

Какова же функция сосуда-птицы? В отличие от многих зооморфных сосудов Джаркутанский обнаружен в храме огня, в помещении выподельной мастерской. В истолковании семантики его должна учитываться взаимосвязь с культовым центром — храмом и «выподельней», ее продукцией.

Многие исследователи в зооморфных изображениях видят тотемистическое начало родов, племен, но нельзя забывать и о том, что они имеют космогоническое значение, были символом пантеона божеств древнейшего общества.

Птицы с древнейших времен выступали одним из наиболее популярных образов в ритуально-религиозных мифах народов Среднего Востока.

Археологические материалы свидетельствуют о несомненном возрастании роли образа птицы у племен эпохи поздней бронзы и особенно раннего железа и античности у народов, где господствовало зороастрийское вероучение. У разных народов образ птицы был символом божеств верха, неба, солнца, грома, ветра, плодородия, души и т. д.

Согласно мифам, глина, из которой возникла земля, изготовлена из ила, поднятого со дна мирового океана водоплавающей птицей (утка, гусь и т. д.)⁸. В ис-

² Массон В. М. Алтын-депе // Труды ЮТАКЭ. Т. XVIII. Л., 1984. Табл. XX, 3.

³ Погресбова М. Н. Иран и Закавказье в раннежелезном веке. М., 1977. С. 96—99. Табл. XX.

⁴ Там же. С. 96—97. Табл. XX, 1, 2.

⁵ Там же. Табл. XX, 4.

⁶ Там же. С. 98.

⁷ Там же.

⁸ Мифы народов мира: В двух томах. Том первый. М., 1980. С. 346; также см.: Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 278, 279.

кустве Индии и Афганистана кушанского времени водоплавающие птицы олицетворяли водную стихию, прежде всего мировой океан⁹.

В иранской традиции птицы отождествляются с высшей мудростью — огнем и солнцем¹⁰. Гусь, многократно упомянутый в Ригведе, выступает как «символ солнца, солнечных божеств, света и огня»¹¹.

По-видимому, сосуд-птица из Джаркутана несет в себе более конкретную смысловую нагрузку, если учесть, что он найден в храме, где объектами культа были огонь и вода; более того, он найден в помещении, где изготавливались опьяняющие напитки.

Авеста и поздняя зороастрийская традиция считают водоплавающую птицу «главой пернатых». Каршипта (водоплавающая птица) была воплощением божества, «первой принесла божье слово в этот мир». В Авесте и Ригведе имеются образы «космической птицы»¹². Мы не должны упускать из виду и тот факт, что джаркутанская «утка» (гусь?) представляла собой сосуд для жидкости. Не исключено, что в «входельных» храма изготавливались культовые напитки типа семи-хаума.

Согласно мифам, приведенным в Авесте и Ригведе, «напиток бессмертия», изготовленный богами, находился на «высочайшей вершине, там, где само небо». Оттуда его похищает «быстролетная птица» для богов, жрецов, людей. В дальнейшем эта птица выступает под более конкретным названием — саена, гаруда, шьена, семург и т. д.¹³

Очевидно, джаркутанский сосуд не случайно имел форму птицы. Более того, «утка» расписана треугольным орнаментом, характерным для культовой керамики. Керамика саналлинской культуры исключительно однофонная, в ней отсутствует какая-либо роспись. Лишь нарезными треугольниками оформлены культовые сосуды типа «курльиши», обнаруженные только в храме.

По всей вероятности, содержимое этих культовых сосудов должно было оказывать «божественное», «исцелительное» воздействие. Образ фарна, по мнению Б. А. Литвинского, олицетворял благополучие¹⁴.

Джаркутанский сосуд-птица расписан красной краской на красно-коричневом фоне, образовавшемся после обжига, что порождает общее впечатление «красной птицы». Как известно, в древности красный цвет был символом огня и солнца. В индоарийской мифологии птицы олицетворяли летающее солнце и огонь¹⁵. Крылья фантастической птицы Гаруды были «ослепительно красного цвета»¹⁶. Видимо, смысловая сущность сосуда-птицы не противоречит функциональному назначению храмового комплекса в целом, где господствующим был культ огня.

Мы далеки от мысли отождествлять джаркутанскую «птицу» с мифической или связывать ее с космогонией, отраженной в Авесте и Ригведе. Время сложения указанных литературных памятников на много веков моложе, чем время бытования храма огня. Но все же мифы и легенды слагались гораздо раньше, чем они оформлялись литературно.

Итак, джаркутанская «утка», возможно, олицетворяла собой связь воды и огня, символизировала мифическую птицу, принесшую на землю «напиток бессмертия семи-хаума».

Т. Ширинов

⁹ Рапопорт Ю. А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 60.

¹⁰ Мифы народов мира. Том второй. М., 1982. С. 348.

¹¹ Рапопорт Ю. А. Указ. статья. С. 61.

¹² Там же. С. 60, 61.

¹³ Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1983. С. 122—129.

¹⁴ Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.

¹⁵ Рапопорт Ю. А. Указ. статья. С. 58—71.

¹⁶ Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. Указ. соч. С. 124.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВУЗОВ

ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПОЛИТЭКОНОМИИ

Реформа высшей школы ставит в повестку дня новые задачи по совершенствованию самостоятельной работы студентов, что вытекает из растущих требований к высшей школе вообще и к педагогическим вузам в особенности. Весьма важное значение это имеет при изучении столь сложной дисциплины, как политическая экономия.

На кафедре политэкономии ТашГПИ им. Низами накоплен определенный опыт работы со студентами, в частности организации их самостоятельной работы в различных формах.

В прошлом сложилось так, что самостоятельная работа студентов своим остринем была направлена на выяснение тех или других сторон основных тем курса политической экономии. При наличии множества опубликованных учебников, учебных пособий и специальной литературы акцент самостоятельной работы студентов смещался в направлении все большего изучения курса политической экономии по этим публикациям и все меньше внимания обращалось на непосредственное изучение первоисточников, трудов классиков марксизма-ленинизма.

Этот процесс еще больше усугубился в период застоя, когда само изучение первоисточников повсеместно подменялось цитатничеством.

В новых условиях, когда во весь рост встала задача по-существу заново, творчески изучить и осмыслить труды классиков научного коммунизма, не могли быть не изменены и уже сложившиеся формы индивидуальной работы студентов, равно как и работы преподавателей со студентами. К тому же осмысление периода новой истории и современной политической экономии, выявление новых документов призваны видоизменять формы и методы индивидуальной работы с тем, чтобы сделать ее более целеустремленной.

Используя разные формы изучения студентами трудов классиков марксизма-ленинизма на семинаре, преподаватели осуществляют следующий контроль за качеством этой работы:

— вопросы семинарских занятий строятся на работах классиков марксизма-ленинизма, материалах партсездов и Пленумов ЦК КПСС;

— отдельные работы классиков марксизма-ленинизма ставятся на семинаре в качестве самостоятельного вопроса.

В системе самостоятельной работы большое значение имеют отработки. Организацию отработок по политэкономии условно можно разделить на следующие связанные между собой этапы:

1. Этап подготовки. Он заключается в том, что преподаватель выявляет студентов, которым необходимо выполнить отработки по той или иной теме лекции или семинарского занятия. Чтобы выявить степень задания, которую преподаватель намерен дать студенту, он должен определить уровень его подготовленности. Это выясняется путем личной беседы, которая должна носить доброжелательный характер и предметом которой являются то задание, которое он должен (обязан) выполнить, и то задание, которое он может (в состоянии) выполнить.

2. Определение конкретного задания: подготовка конспекта, изучение первоисточников, знакомство с литературой, тезисное изложение определенной темы по курсу политэкономии. Определение конкретного задания завершается короткой консультацией, цель которой — разъяснить студенту сущность конкретного задания, методы его исполнения, формы его изложения, способы изучения источников литературы.

3. Организация и проведение приема отработок. Главная задача данного этапа заключается не только и не столько в проверке выполненного студентами задания (это тоже немаловажно), сколько в явлении уровня осмысления изучаемого вопроса; выяснения необходимости изучения данной темы, нужности ее для будущей деятельности студента как специалиста того или иного профиля. Естественно, при этом допускается использование студентом своего конспекта, хорошее ориентирование в нем, отыскание необходимого ответа на вопросы преподавателя. Методически считается целесообразным задавать вопросы в такой форме, чтобы выявлять степень изучения студентом первоисточника, а не литературы. Надо раз за разом направлять и возвращать его к первоисточнику, стараясь раскрыть ему все богатство мысли классиков марксизма-ленинизма. Необходимо добиваться от студента более полного ответа по существу, связанного изложения и умения подвести итог. Методически целесообразно по ходу изложения поправлять, направлять студента, делать дополнения и вносить ясность в стиль и метод изложения.

Завершая прием отработок, оценивая конспект, изложение основных вопросов, следует отмечать ошибки, недоработки, неточности и т. д. Непременное условие эффективного приема отработок — воспитательный характер этого процесса.

Самостоятельный, творческий учебный труд — понятие двуединое. С одной стороны, оно включает в себя самостоятельную работу студентов во всех сферах учебно-воспитательной, научной работы, а с другой, — постоянное студенческое самообразование.

Привычка заниматься самостоятельно вырабатывается не сразу, а постепенно, настойчиво и должна носить системный характер.

В ходе самостоятельной работы студент овладевает прежде всего методологией познания, он учится мыслить, рассуждать, обобщать, глубже уяснять изучаемый предмет.

Большую помощь студентам оказывают графики их самостоятельной работы. Их назначение заключается в том, чтобы не только привить студентам потребность

в самостоятельной работе, но и научить их работать планомерно, систематически, углубленно изучать и конспектировать первоисточники.

Графики организации самостоятельной работы студентов предусматривают также определенные формы контроля за самостоятельной работой студентов в учебное и внеучебное время.

Контроль за самостоятельной работой студентов в учебное время включает такие формы, как контрольный опрос на семинарском занятии, проверка конспектов первоисточников, контрольных заданий, решения ситуационных задач. Особенно эффективен контроль за усвоением материала курса, который проводится в активных формах: деловые игры, политбой, дискуссии и т. д.

Во внеучебное время контроль за эффективностью самостоятельной работы студентов осуществляется в ходе занятий политического клуба; отработки пропущенных и неподготовленных семинарских и лекционных занятий; собеседования по домашним заданиям; консультаций по подготовке к деловым играм и выполнению проблемных заданий, а также по наиболее сложным проблемам курса; бесед по методике конспектирования первоисточников, подготовки рефератов, научных докладов и др.

Важным моментом, побуждающим студентов самостоятельно мыслить, творчески работать на лекциях и семинарских занятиях, является логика изложения. Студент охотно работает, активно мыслит, следит за изложением материала каждой части лекции, беседы, если понимает логику изложения; в противном случае он теряет интерес, перестает следить за речью преподавателя, самостоятельно думать, вести целенаправленную запись.

Чтобы избежать этого, преподаватель должен тщательно разработать логику своей живой речи, заранее строить систему опорных пунктов будущего рассуждения, связанных единой стержневой линией. Опыт показывает, что на лекции по политэкономии студент активнее работает вместе с преподавателем, если в плане лекции четко выявлена логика изложения вопросов.

Таким образом, тесное сочетание организации и планирования самостоятельной работы студентов путем составления индивидуальных графиков, умелой организации лекций и семинарских занятий пробуждают студента к творческой мысли, что является верным залогом успешного освоения вузовского курса политической экономии.

С. П. Корпанова

ИСТОРИОГРАФИЯ

В. П. НАЛИВКИН КАК ИСТОРИК КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

Уже свыше ста лет прошло со времени выхода в свет первой и пока единственной специальной работы обобщающего характера В. П. Наливкина по истории Кокандского ханства¹. Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд говорил о том, что «книга имела такой успех, что впоследствии была переведена на французский язык»². В предисловии к книге В. П. Наливкин упоминает использованные им печатные труды (Бабурнама/Изд. Н. Ильминского. Казань, 1957; Вэмбери А. История Бухары. М., 1873; Куропаткин А. Н. Кашгария. М., 1879) и перечисляет впервые введенные им в научный оборот восточные исторические рукописи на местных языках. Уникальный характер носят собранные автором за девять лет пребывания в Ферганае сведения из народных преданий и рассказов очевидцев — современников описываемых в книге событий первой половины — середины XIX в.

В распоряжении В. П. Наливкина оказались также 144 документа, выданных ферганскими правителями и бухарскими эмирами шейхам Карасканского мазара в Наманганском уезде. Позднее с этими документами (в основном это — вакфные грамоты) познакомился в Маргелане (при содействии В. П. Наливкина) В. В. Бартольд³. По его свидетельству, из использованных в труде В. П. Наливкина нарративных источников местного происхождения «до сих пор издан только один, притом далеко не самый ценный; другие до настоящего времени остаются в рукописи»⁴. Во всяком случае, как писал П. Петровский в 1875 г. (за год до ликвидации Коканд-

¹ Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. О жизни и деятельности В. П. Наливкина см.: Владимир Петрович Наливкин//Историография общественных наук в Узбекистане: Библиографические очерки/Сост. Б. В. Лукин. Ташкент, 1974. С. 247—258.

² Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России//Бартольд В. В. Соч. Т. IX. М., 1977. С. 445.

³ Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан//Бартольд В. В. Соч. Т. VIII. М., 1973. С. 209.

⁴ Бартольд В. В. История изучения Востока... С. 445.

ского ханства), «никаких записей, летописей, а тем более исторических сочинений в ханстве этом, сколько мне известно, не существовало и не существует»⁵.

Именно поэтому первым произведением кокандской историографии, попавшим в поле зрения русских ученых после завоевания Коканда, стала «Тарихи Шахрухи» (История Шахруха), написанная в 1871—1872 гг., в правление Худояр-хана. Муллою Нияз Мухаммадом бин Ашур Мухаммадом Хуканди. Две рукописи этого произведения впервые были обнаружены Н. Пантусовым, прибывшим в Коканд в конце 1876 г. Он познакомился с жившим еще тогда автором «Тарихи Шахрухи» и признал его сочинение важнейшим вкладом в историю Ферганы⁶. Это сочинение было опубликовано им в Казани в 1885 г.⁷ О нем и упоминает В. В. Бартольд как о единственном источнике В. П. Наливкина, хотя нами прямых ссылок на «Тарихи Шахрухи» в работе В. П. Наливкина не обнаружено (такого мнения придерживается и Т. К. Бейсембиев, посвятивший этому сочинению специальное исследование)⁸.

Переходя к обзору источников В. П. Наливкина, следует отметить, что они все-таки не получили у него надлежащей источниковедческой характеристики. Например, им использован такой относительно ранний труд по истории ханства, как «Мунтахаб-ат таварих» (Извлечение из летописей) Ходжи Мухаммад Хаким-хана Туры Хуканди, сына Сейида Масум-хана туры. Это сочинение, написанное первоначально, видимо, на узбекском языке, сразу же было переведено на таджикский и завершено в 1843 г. Наиболее ценная часть труда — изложение более чем столетней истории кокандских Мишгов⁹. Первая часть этой рукописи недавно издана А. М. Мухтаровым¹⁰. Перевод на русский язык ряда извлечений осуществлен В. А. Ромодиным¹¹. Подробный пересказ текста, относящегося к началу правления Алим-хана, сделал Л. Зиминим¹².

Другое сочинение, упомянутое В. П. Наливкиным, — «Джаан-нама» — составлено на таджикском языке в 1866 г. Автор его — кокандец Джунаид Мулла Аваз Мухаммад, сын Муллы Рузи Мухаммад Суфи-аттара. Единственный обнаруженный В. П. Наливкиным список этого труда принадлежал тогда сыну автора. Позднее В. В. Бартольд приобрел список сочинения из собрания Ю. К. Казбекова, переводчика при Ферганском областном правлении в г. Маргелане¹³. Как установил В. В. Бартольд, заглавие «Джахан-нама» носит и сочинение того же автора по всеобщей истории, хранящееся в собрании Азиатского музея (более точное название: «Тарихи джахан-наман» — «Летопись «Зеркала мира»). Использованная В. П. Наливкиным рукопись была идентифицирована со вторым томом труда, описанного В. В. Бартольдом под названием «Тухфат ат-таварих-и хани»¹⁴. Разбору этого сочинения посвятил специальную статью Р. И. Набиев¹⁵. По его мнению, автор труда, не будучи придворным историком, создал свое сочинение по собственной инициативе. Он был современником одиннадцати кокандских правителей и участников многих событий в Фергане при последних ханах.

В. П. Наливкину были известны также рукописи двух небольших сочинений в стихах: «Шах-нама» и «Джанг-нама» Муллы Шамси, известного под псевдонимом Мулла Шауки. Одно, написанное на узбекском языке в 1853 г., представляет собой историческую поэму «Джанг-нама» (более точное название: «Джанг-наман Худояр-хани» — «Книга о сражениях Худояр-хана») и посвящено восстанию кипчаков при хане Худояре. Автор сочинения принадлежал к мусульманскому духовенству и жил в селе Кальвак Намаганского округа. Судя по оставленной В. П. Наливкиным записи в начале экземпляра «Джанг-нама», подаренного им Ташкентской публичной библиотеке (сейчас эта рукопись хранится в фонде Института востоковедения АН УзССР), это — копия с автографа, приобретенного В. П. Наливкиным в начале

⁵ Петровский Н. Очерк Кокандского ханства//Туркестанский сборник. Т. 76. С. 1—19.

⁶ Пантусов Н. Таварихи Шахрухи//Туркестанские ведомости. 1876. № 30.

⁷ Таарих Шахрохи: История владения Ферганы/Сочинение Муллы Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед Хуканди/Изд. Н. Пантусовым. Казань, 1885.

⁸ Бейсембиев Т. К. «Тарихие Шахрохие» как исторический источник. Ташкент, 1983.

⁹ Стори Ч. А. Персидская литература: библиографический обзор в трех частях: Т. 2. М., 1972. С. 1189—1191. № 1054.

¹⁰ Мухаммад Хаким-хан. Мунтахаб-ат таварих. Подготовка факсимильного текста, введение и указатели А. Мухтарова. Кн. I. Душанбе, 1983.

¹¹ Ромодин В. А. Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI—XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда//Труды 25 Международного конгресса востоковедов. Т. II. М., 1963.

¹² Зимин Л. Первые шаги Алим-хана на государственном поприще//Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Год XVIII. Вып. 2. Ташкент, 1913. С. 101.

¹³ Бартольд В. В. Отчет... С. 205—206.

¹⁴ Сторин Ч. А. Указ. соч. Т. 2. С. 1193—1195. № 1058.

¹⁵ Набиев Р. Н. Уникальный источник по истории Кокандского ханства//Известия АН УзССР. 1947. № 4. С. 32—34.

80-х годов XIX в. у самого Муллы Шауки. Подлинник был подарен В. П. Наливкиным профессору Казанского университета Готвальду¹⁶.

Что касается поэмы «Шах-нама», то, по сведениям В. П. Наливкина, она тоже была написана на тюркском (т. е. узбекском) языке по указанию Худояр-хана. По своему содержанию она охватывает историю ханства до третьего вступления на престол Худояр-хана включительно. Каких-либо сведений о местонахождении этой рукописи у нас нет, хотя у Ч. А. Стори упоминается какая-то рукопись Шауки под названием «Тарихи Шауки», посвященная последним дням ханства и присоединению Ферганы к России¹⁷. Можно ли эту рукопись Шауки сопоставить с упоминаемой В. П. Наливкиным поэмой «Шах-нама», пока трудно сказать.

В. П. Наливкин упоминает также рукопись Абдуллы Шаштари «Тарих-и гузида» которая, по его определению, содержит «древнюю и среднюю историю Турана» и датирована 1584 г. Идет ли речь об одном из списков известного сочинения «Тарих-и гузида» Хамдаллаха Казвини, трудно сказать, ибо местонахождение рукописи В. П. Наливкина неизвестно¹⁸.

Неизвестно и местонахождение упомянутой В. П. Наливкиным поэмы на тюркском (вероятно, узбекском) языке «Шах-и Джарир», содержащей предания о завоевании арабами северо-западной части Ферганы. Время ее составления и имя автора также неопределены.

Следует подчеркнуть, что со времени появления труда В. П. Наливкина истинная база изучения истории ханства значительно расширилась. В указателе Ч. А. Стори, например, уже зарегистрировано 18 сочинений, посвященных Фергане и Кокандскому ханству¹⁹.

В своем труде В. П. Наливкин последовательно рассматривает политическую историю Ферганы, особенно с начала XVIII в., когда в крас видную роль начинает играть узбекское племя минг. Возвышение Кокандского ханства В. П. Наливкин связывает с приходом к власти Алим-хана, сына бывшего правителя Нарбута-бия. Как пишет В. П. Наливкин, «взойдя по смерти отца на кокандский престол и увидев себя во главе уже вполне обособившегося и настолько сильного, чтобы, в случае надобности, иметь возможность померяться даже и с таким соседом, как Бухара, — Алим принял титул хана, вследствие чего с этого же времени и сама Фергана получает название Кокандского ханства»²⁰.

В. П. Наливкин подчеркнул значимость в истории ханства личных родственных связей правителей, их борьбы за престол. Так, Алим-хан был весьма жесток и с крайней недоверием относился к большей части не только дальней, но даже ближайшей своей родни. Наведя на всех страх внутри страны, он «немедленно же устремился на арену деятельности завоевательной, заботясь не столько об упрочении и благоустройстве того, что уже имелось, сколько о возможном расширении своих владений и непосредственно связанного с этим, приумножения собственной своей казны»²¹. Показывая размах захватнической политики Кокандского ханства, В. П. Наливкин подробно описывает военные походы на Ура-Тюбе и Ходжент, Ташкент и другие города. Ходжент и Ура-Тюбе были «постоянным яблоком раздора»²² между Кокандским и Бухарским ханствами.

В. П. Наливкин справедливо отмечает, что «войны и усобицы тяжелее всего отзывались, конечно, на народе и главным образом на земледельцах, нивы, скот и другое имущество которых страдали одинаково от сипаев и сарбазов обеих воюющих сторон»²³. Автор уделяет пристальное внимание Мухаммад-Али-хану. Тяжелое положение народных масс во время его правления, их острое недовольство привели к выступлению против ханской власти широких слоев. Особо бурными были события 1840—1842 гг. В литературе о них обычно приводятся кратко, а порой и неверные сведения, хотя эти волнения довольно четко охарактеризованы кокандскими источниками.

В. П. Наливкин не отрицает фактов проявления недовольства и в отдельных случаях даже активных действий народных масс против своих угнетателей, но он не смог подойти к оценке этих событий с точки зрения социальной дифференциации и классовой борьбы внутри ханства. По его мнению, и некоторые эмиры, и даже отдельные представители духовенства, а не только народные массы были одинаково недовольны поведением хана. Глубокие социально-экономические причины недовольства указанных слоев вообще не получили анализа в трудах и В. П. Наливкина, и других дореволюционных исследователей²⁴.

¹⁶ Набиев Р. И. Из истории Кокандского ханства. Ташкент, 1973. С. 281.

¹⁷ Стори Ч. А. Указ. соч. Т. 2. С. 1199. № 1064.

¹⁸ Там же. Т. I. С. 327—334. № 245.

¹⁹ Там же. Т. 2. С. 1182—1201. №№ 1050—1067.

²⁰ Наливкин В. П. Краткая история... С. 76.

²¹ Там же. С. 78.

²² Там же. С. 75.

²³ Там же. С. 80.

²⁴ Набиев Р. Н. Народное восстание в Коканде 1840—1842 гг. // Общественные науки в Узбекистане. 1961. № 7. С. 46.

В. П. Наливкин приводит в своей работе ряд ценных сведений о исторических контактах и этнокультурных связях между узбеками, казахами и киргизами²⁵. Он подчеркивает участие киргизов в политических событиях ханства. Все это свидетельствует о довольно объективной в целом позиции автора в оценке политической истории ханства, однако нередко он даже путает между собой киргизов, кипчаков и узбеков.

Как известно, после свержения Мадали-хана к власти пришел Шерали-хан (1842—1845), в возвышении которого решающую роль сыграла острейшая борьба между феодальной знатью кипчаков и киргизов. В этой борьбе первенство взяла кипчакская феодальная верхушка во главе с Мусульманкулом, бесчинства и произвол которой перешли всякие пределы. В. П. Наливкин, встречавшийся с людьми, в памяти которых еще свежи были эти трагические события, писал, что «насилиям не было конца и описывать все их было бы слишком долго»²⁶. Тем не менее он приводит разнообразные факты о насильственном захвате кипчаками домов и земельных участков оседлого населения, об истреблении древесных насаждений, о превращении сети искусственного орошения в частную собственность кипчаков, об изгнании ими из медресе учеников, унижении мулл, предании огню книг и т. д.

В. П. Наливкин разделяет мнение ряда кокандских историков, объяснявших возникновение тяжелой внутренней обстановки в стране только поведением Шерали, который якобы воздержался от принятия суровых мер в отношении мятежников. Как считает В. П. Наливкин, это произошло будто бы именно в связи с его гуманностью. Иначе говоря, В. П. Наливкин обвиняет народ, который, как он писал, «привык видеть в ханах нечто близкое к палачам и не понимал гуманности»²⁷. На самом же деле эта «гуманность» хана была проявлена не к народным массам, а, напротив, к тем, кто своими действиями способствовал разорению народа²⁸.

С приходом к власти Худояр-хана в 1852 г. Мусульманкул был пойман и повешен, было подвергнуто жестокому избиению до 20 000 человек из рода кипчак. В. П. Наливкин, будучи достаточно объективным, прав, когда пишет, что «нельзя не удивляться бесчеловечности, изуверству и кровожадности тех, кто в течение целых трех дней не мог потушить огня своей мести в потоках лившейся тогда человеческой крови»²⁹. Один панаганский житель, бывший в то время мальчиком, рассказывал В. П. Наливкину, что «долгое время он не решался выходить на улицу и не спал несколько ночей, ибо ему мерещились судорожные, конвульсивные движения зарезанных, вытаращенные, тусклые глаза, лужи крови, словом все то, что он случайно увидел на базарчике неподалеку от своего дома»³⁰. Все это дало возможность В. П. Наливкину в целом правильно оценить личность Мусульманкула как главаря кипчакской знати: «Мусульманкул пал, при жизни он опутал кипчаков сетями своего чрезмерного честолюбия; когда он пал, эти самые сети повлекли за ним его народ в бездну ужасов, в бездну воплей бесприютных сирот и вдов, в бездну материального разорения всего того, что успело спастись от шаек и пожей убийц»³¹.

Антагонизм между знатью оседлого и полуседлого населения, особенно среди феодальной верхушки, ведшей борьбу за власть, значительно обострился в правление Малла-хана (1858—1862), который, назначая на государственные должности представителей феодальных верхов из киргизов и кипчаков, одновременно распорядился о возвращении последним половины земли, отнятой у них в свое время, и разрешил принудительную продажу второй половины по требованию кипчаков по той же цене, по которой она была приобретена после разгрома кипчаков Худояр-ханом. Как заметил В. П. Наливкин, «кипчаки, пользуясь своею близостью к повому хану, при возвращении себе своих прежних земель не упускали случая прихватить и клочок чужой...»³² Хотя остальная часть земли, отобранной у кипчаков, видимо, не перешла тогда в их руки, тем не менее она стала предметом долгих споров, о чем «можно судить из того, что почти 20 лет спустя по занятии Ферганы русскими, жалобы и тяжбы этого рода все еще продолжали поступать на имя новых уездных начальников и других служебных лиц русской администрации»³³. Смена феодалов одной этнической группы другой в управлении ханством, конечно же, не меняла эксплуататорской сущности феодального строя.

²⁵ См.: Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977; Бекназаров Р. Юг. Казахстана в составе Кокандского ханства и его присоединение к России. Алма-Ата, 1969; Хасанов А. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—60-х гг. XIX в. Фрунзе, 1959; Тимченко С. В. Казахско-кокандские отношения в политике России (вторая половина XVIII—70-е гг. XIX в.): Автореф. канд. дис. М., 1984.

²⁶ Наливкин В. П. Краткая история... С. 163.

²⁷ Там же. С. 154.

²⁸ Набиев Р. Н. Из истории... С. 37.

²⁹ Наливкин В. П. Краткая история... С. 178.

³⁰ Там же. С. 179.

³¹ Там же. С. 178.

В Кокандском ханстве, как и в других феодальных владениях, средства производства, прежде всего земля и вода, были собственностью класса феодалов. Однако, ввиду отсутствия точного учета, выяснение удельного веса той или иной категории земель в ханстве невозможно ни по одному периоду³⁴. В силу слабой изученности истории ханства вообще существовавшие там формы землевладения, в том числе амляковая, и особенно производившиеся с ней операции, до сих пор остаются не освещенными. В нарративных источниках, которые были позднее введены в научный оборот, мы тоже не имеем прямых данных о продаже ханами амляковых земель. Однако В. П. Наливкину, долгое время проживавшему в Наманганском уезде, удалось установить факт продажи Омар-ханом (1810—1822) «земли, бывшей в пользовании узбеков Наманганского вилаята». Проданные ханом обработанные земли были куплены «в складчину» целыми родами или коленами и разделены затем между членами рода в соответствии с тем паем, который был внесен ими при покупке земли³⁵. По мнению В. П. Наливкина, эти участки превратились в частную собственность покупателей. Однако о подобных фактах, характерных для других областей ханства, он не знал. Юридические нормы продажи земли и превращения одной категории земли в другую (чем, к сожалению, не интересовался В. П. Наливкин) до сих пор остаются невыясненными³⁶.

Касаясь вакфиных земель, которые размещались преимущественно в оседло-земледельческих районах и состояли главным образом из орошаемых земель, В. П. Наливкин обратил внимание на отсутствие вакфиного земледельческого фонда в скотоводческих районах. Он объясняет это, во-первых, спецификой кочевого хозяйства, а во-вторых, слабым распространением там мусульманства.

Говоря о принудительном труде, В. П. Наливкин отмечает, что все крупные землевладельцы и ханы всегда мобилизовывали массу населения на выполнение тяжелых работ. Он обстоятельно рассматривает характер мобилизации населения для проведения канала Янги-арык, который начали строить в 1819 г. под руководством мастера-наманганца Исанбая. С приходом к власти Омар-хана население было обязано выделить для этой стройки по одному человеку от каждой семьи на 15 дней (со своим питанием и кетменями). Однако неясно, была ли эта повинность разовой (единовременной) или ежегодной, на протяжении всего 13-летнего периода строительства канала, а может быть, имела место и в дальнейшем, при расширении и углублении канала³⁷. В. П. Наливкину удалось путем опросов участников и очевидцев таких мероприятий выявить характер мобилизации населения для постройки каналов. Натуральная повинность при производстве таких работ могла переводиться в денежную: «Для этого по общему числу рабочих дней и существовавшим ценам за труд исчислялась сумма, подлежащая уплате ее данным вилаетом, раскладывалась и взималась с каждого двора вилаята, после чего администрация сама уже нанимала на работу обыкновенных поденщиков»³⁸.

Но правомерно ли распространять это на все области довольно обширного государства? Взимание денежных средств вместо обязательного выделения работников (мардикеров) практиковалось, по всей вероятности, с домов, в которых отсутствовали трудоспособные или жили богатые, и, наконец, с районов, сравнительно далеко расположенных от объекта работ. Конечно, вряд ли при осуществлении такой огромной работы, как, например, проведение канала Улуг-нахр, можно было обойтись одними поденщиками. Очевидно, наряду с наймом поденщиков, приходивших из соседних горных областей, а также из Бухары и Кашгара, на эти работы мобилизовывалась масса населения из внутренних областей ханства. Вместе с тем В. П. Наливкин безусловно прав, утверждая, что «проведение Янги-арыка не стоило хану ни гроша»³⁹, как и прокладка других каналов.

В. П. Наливкин подробно охарактеризовал административное деление и состояние военных сил ханства. Оно делилось на вилаеты и бекства, которые, в свою очередь, состояли из аминств или аксакальств. Военные силы ханства состояли из сипах (кавалерии), сарбазов (пехоты) и тупчи (артиллерии). Почти все подати с данного вилаята поступали в распоряжение хакима, который содержал на эти средства себя самого, всю администрацию вилаята, сипаев и сарбазов. Иногда случалось, «что один большой кишлак отдавался на кормление трем, четырем чиновникам, которые выжимали отсюда все, что могли и, кроме того, грызлись между собою»⁴⁰. Не менее характерно наблюдение В. П. Наливкина о том, что «масса высших государственных

³² Там же. С. 189.

³³ Там же.

³⁴ Набиев Р. Н. Из истории... С. 96.

³⁵ Наливкин В. П. Краткая история... С. 36.

³⁶ Набиев Р. Н. Из истории... С. 96.

³⁷ Наливкин В. П. Очерк землевладения в Наманганском уезде // Туркестанские ведомости. 1880. № 4.

³⁸ Наливкин В. П. Краткая история... С. 29.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 208.

ных должностей замещались людьми, буквально не знавшими грамоты и умевшими лишь прикладывать свои печати к тем документам и исходящим бумагам, без которых невозможно было обойтись даже и этой немудрой административной машине»⁴¹.

В. П. Наливкин впервые сравнительно полно осветил этнический состав населения ханства к моменту присоединения его к России. Здесь жили оседлые сарты, кочевники-киргизы, полукочевники-кипчаки и каракалпаки⁴². В городах проживало незначительное число татар, индусов, цыган, евреев, афганцев. Узбеки рода тюрк вели полукочевой образ жизни между Маргеланом и Араваном. Арабы как народность к тому времени в Фергане почти исчезли, но в восточной части Маргеланского уезда еще существовало несколько селений под названием Араб.

К сожалению, В. П. Наливкин приводит очень мало названий родов и племен узбеков и киргизов⁴³. По его мнению, кипчаки начали переселяться в Фергану еще в XVII в.⁴⁴ А после нападения джунгарских войск в 1723 г. на казахские джусы, когда в сторону Ферганы двинулась вместе с казахами и каракалпаками также часть кипчаков Среднего жуза, кипчаки вынуждены переселяться в предгорья Северной Ферганы⁴⁵. Полуоседлые кипчаки, поселившиеся в пределах ханства и сыгравшие впоследствии важную роль в политической жизни государства, в первой половине XIX в. входили в состав родов: кулан, улмас, ильган, яшик, джеты-кашка и др.⁴⁶ Под сартами В. П. Наливкин понимал местное оседлое мусульманское население, как городское, так и сельское, как тюркоязычное, так и таджикоязычное⁴⁷. Киргизами он называет вообще всех «тюрко-монголов», которые ведут кочевой образ жизни⁴⁸.

Положительно оценивая в целом работу В. Наливкина, Н. И. Веселовский, касаясь источниковедческой стороны труда, отметил, однако, что история ханства «изложена без соблюдения необходимых научных требований, даже самых элементарных. Мы не встречаем в краткой истории Кокандского ханства не только цитат из рукописей, нам совершенно еще неизвестных, но даже и ссылок на них, за исключением двух-трех случаев»⁴⁹.

В. П. Наливкин ограничился здесь политической историей ханства, опуская по существу такие проблемы, как культура, жизнь и быт населения. «Хотя для него, — замечает Н. И. Веселовский, — это было доступнее, чем для кого другого. Следовало бы полагать, что обстоятельства не могли способствовать развитию ханства и неуклонно вели его к упадку. А между тем в ханстве процветает литература. Кокань обращается в значительный торговый центр»⁵⁰. В. П. Наливкин, однако, считал, что средоточием науки в Средней Азии были Бухара и Самарканд, а «в Фергане просвещение было распространено сравнительно слабо, во-первых, а во-вторых, в среде ее образованных людей, по-видимому, было крайне мало таких, которые серьезно интересовались бы историей. Оттого сколько-нибудь достоверные исторические сочинения, касающиеся новейшей истории Ферганы и написанные на месте, начинают появляться лишь значительно позже, а именно со времен основания города Коканда и обособления здесь самостоятельного ханства»⁵¹. Здесь, видимо, В. П. Наливкин прав и это подтверждает советский востоковед Р. Н. Набиев⁵².

Высокую оценку работы В. П. Наливкина дал советский исследователь В. А. Ромодин. По его мнению, «единственной работой, сравнительно полно охватывающей историю владения Мингов в Ферганской долине в XVIII в. и Кокандского ханства в XIX в., до сих пор остается книга В. П. Наливкина, опубликованная 87 лет назад. Эта работа обладает рядом достоинств и не потеряла еще полностью научного значения, но все же во многих отношениях устарела»⁵³.

Книга В. П. Наливкина ценна тем, что, будучи создана на основе письменных источников и рассказов очевидцев, с которыми встречался ее автор, она содержит такой разнообразный материал, без которого ни один исследователь при изучении

⁴¹ Там же. С. 210.

⁴² Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. С. 5.

⁴³ Губаева С. С. К истории изучения этнического состава населения Ферганы // Некоторые проблемы современной этнографической науки. М., 1974. С. 106—107.

⁴⁴ Наливкин В. П. Краткая история... С. 17.

⁴⁵ Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974. С. 103.

⁴⁶ Наливкин В. П. Краткая история... С. 155.

⁴⁷ Наливкин В. П. Туземцы... С. 5.

⁴⁸ Наливкин В. П. Киргизы Наманганского уезда // Туркестанские ведомости. 1881. №№ 20—21.

⁴⁹ Рецензия Н. Веселовского на работу В. П. Наливкина «Краткая история Кокандского ханства». Казань, 1886 // ЗВОРАО. Т. I. 1886. СПб., 1887. С. 227—228.

⁵⁰ Там же. С. 228.

⁵¹ Наливкин В. П. Краткая история... С. 47.

⁵² Набиев Р. Н. Из истории... С. 6.

⁵³ См.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. С. 224.

истории Ферганы, да и всей Средней Азии, сегодня не может обойтись. Конечно, в этой работе много неточностей в хронологии и в других вопросах, и сам В. П. Наливкин весьма самокритично признавался: «Пусть благосклонный читатель... простит мне те недостатки, которые, он, конечно, встретит в моем сочинении»⁵⁴.

По глубокому убеждению Н. И. Веселовского, «труд г. Наливкина является все-таки полезным приобретением для истории Средней Азии»⁵⁵. Глубоко прав и В. В. Бартольд, считавший, что это «не исключает необходимости дальнейших исследований по истории ханства тем более, что ссылки автора на свои источники не всегда ясны и его труд далеко не вполне удовлетворяет требованиям исторической науки... Таким образом, для изучения Кокандского ханства и его прошлого также сделано до сих пор гораздо меньше, чем еще остается сделать»⁵⁶. Не менее характерно и признание В. В. Бартольда о том, что «история и в особенности хронология Кокандского ханства выяснены до сих пор еще меньше, чем история и хронология ханств Бухарского и Хивинского, несмотря на то, что по истории Кокандского ханства имеется на русском языке составленный по первоисточникам труд, какого ни для Бухарского, ни для Хивинского ханств до сих пор нет»⁵⁷.

К. Ф. Шамсиев

⁵⁴ Наливкин В. П. Краткая история... С. IV.

⁵⁵ Рецензия Н. И. Веселовского на работу В. П. Наливкина... С. 228.

⁵⁶ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России//Бартольд В. В. Соч. Т. IX. М., 1977. С. 445—446.

⁵⁷ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана//Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 286.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ЎЗБЕКИСТОН ССР ЖИНОЯТ КОДЕКСИГА ШАРҲЛАР

(Тошкент: Ўзбекистон, 1988. 580 бет)

Совет социалистик ҳуқуқи КПСС ва Совет давлатининг мамлакатимизда коммунистик жамият барпо қилишга оид умумхалқ давлатининг СССР, Иттифоқдош ва автоном республикалар Конституцияларида таъкидлаб ўтилган ички ва ташқи функцияларини ўзида тўла ҳолда акс эттирувчи форма ва айни бир вақтда мазкур вазифаларни амалга оширишнинг муҳим бир омили бўлиб ҳисобланади.

Социалистик давлатнинг ҳозирги қайта куриш ва жадаллаштириш босқичида КПССнинг тарихий XXVII съезди, Ўзбекистон Компартияси Марказий Комитетининг XXI съезди, Бутуниттифоқ XIX партия конференцияси томонидан қабул қилинган қарорларни тўла ҳолда бажарилишини таъминлашда, социалистик ҳуқуқий давлатни барпо этишда, мамлакатимизда социалистик қонунчилик ва ҳуқуқ-тартиботини янада мустаҳкамлашда, айрим шахслар томонидан жиноят қилишдек салбий, шармандали ҳолларга қарши самарали, муваффақиятли кураш олиб боришда, бу муҳим ишга кенг жамоатчиликни жалб қилишда, ҳамда олий, ўрта махсус ўқув юрларида, юридик факультетларда таҳсил кўраётган талабаларни билим савиясини, уларни жипоятчиликка қарши курашда профессионал маҳоратларини оширишга, ҳозирги қўйилган юқори талабларга жавоб берадиган ўқув қўлланмаларини яратиш шу куннинг долзарб вазифаларидан бири бўлиб ҳисобланади.

КПСС XIX Бутуниттифоқ партия конференцияси резолюцияларида: «Социалистик ҳуқуқий давлатни шакллантириш..., аҳолининг ҳуқуқий тарбиясини қайта куриш юзасидан самарали чора-тадбирлар кўришни..., умумпартия программаси тартиқасида юридик таълимни ташкил этишни талаб қилади. Ҳуқуқий адабиёт ҳар бир совет кишиси фойдалана оладиган бўлиши ва зарур нусхада нашр қилиниши керак»¹.— дейилган.

Шуни алоҳида таъкидлаб ўтиш лозимки, кейинги йилларда вақтли матбуотда, юридик адабиётларда ўзбек тилида нашр этилаётган ўқув қўлланмалари, рисоаларни кам чоп этилиши юридик мутахассисларни тарбиялашда, уларни ҳар томонлама билимдон, стук кадрлар бўлиб шаклланишларида маълум даражада салбий роль ўйнайди, зероки «тил» муаммоси халқ муаммоси демакдир. Тил таъқибга учраган, заиф ёки дардга чалинган бўлса, халқнинг ижтимоий, маданий тараққиёти бениҳоя қийинлашади. Биз узоқ бировнинг машинасида сафарда бўлдик. Асосан, рус тили воқитасида ижтимоий-маъмурий ишларимизни бажариб келдик...»².

Ҳозирги даврнинг муҳим вазифаларидан бири бўлиб давлат ҳокимиятининг Олий органлари бўлмиш СССР, Иттифоқдош ва автоном республикалар Олий Советлари томонидан қабул қилинган қонунларни мазмунини, маъносини очиб, уни тушунтириб бериш, ҳуқуқни муҳофаза қилиш давлат маъмурий орган ходимлари ва ҳуқуқшунос олимларнинг олдиларида турган муҳим масалалардан биридир.

¹ «Совет Ўзбекистони», 1986 йил, 6 июль.

² «Еш ленинчи», 1989 йил, 18 март.

Шу нуқтаи назардан олиб қаралганда Ўзбекистон ССР Жиноят Кодексига шарҳларни чоп этилиши муҳим аҳамият касб этади. Республикаимиз юрист-олимлари томонидан 1973 йилда ўзбек тилида биринчи марта Ўзбекистон ССР Жиноят Кодексига шарҳлар яратилган эди. Ушандан кейин ўтган 15 йил давомида СССР ва Иттифоқдош республикалар Олий Советлари томонидан қабул қилинган ССР Иттифоқи ва иттифоқдош республикаларнинг Жиноят қонунлари Асосларига ва Иттифоқдош республикалар, шу жумладан амалдаги Ўзбекистон ССРнинг Жиноят Кодексига кўпгина қўшимча ва ўзгаришлар киритилган эди.

Шу даврлар ичнда Совет Иттифоқи Коммунистик партиясининг XXV, XXVI ва XXVII съездлари бўлиб ўтди. Бу съездлар материалларида жиноятчиликка қарши кураш масалалари ҳам кескин тарзда кун тартибига қўйилган эди. Булардан ташқари КПССнинг тарихий XXVII съезидан кейин КПСС Марказий Комитети томонидан социалистик умумхалқ давлатида жиноятчиликка қарши курашни янада кучайтириш, жиноятларни келтириб чиқарувчи сабаб ва оқибатларни тугатиш борасида бир қатор муҳим қарорлар қабул қилинган эди. Шунинг учун ҳам Ўзбекистон ССР Жиноят Кодексига шарҳларни янада мукамал қайта ишлаб чиқишни кундалик тараққиётимизни ўзи тақозо қилган эди.

Мазкур шарҳларни яратиш мураккаб ва масъулият талаб қиладиган иш бўлишига қарамай, бу муҳим вазифани тўла тушунган ҳолда шарҳлар муаллифлари масалага ҳар томонлама жиддий, чуқур тарзда ёндошиб, ҳаракатдаги Жиноят кодексини ҳар бир нормасини мазмунини кенг, чуқур тарзда шарҳлаб беришга эришганлар.

Авторлар коллективи томонидан олий ўқув мактабларининг ҳуқуқшунослик факультетлари, техникумлари, совет жиноят ҳуқуқи фанидан (соҳасидан) дарс бераётган педагоглар, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи давлат органлари, кенг жамоатчилик учун мўлжаллаб ёзилган ушбу Жиноят кодексига шарҳларни ёзишда мунаққидлар раҳбарий адабиётлар, КПСС XXVII съезди материаллари, ССР Иттифоқи, Иттифоқдош республикалар Олий Судлари Пленумлари қарорларидан, ҳаракатдаги норматив материалларидан ижодий тарзда фойдаланганлар. Яна шу нарсани айтиб ўтиш жоизки, шарҳлар муаллифлари совет жиноят ҳуқуқи бўйича ўз илмий ишлари кўлами юзасидан ССР Иттифоқи ва Ўзбекистон ССРда маълум бўлган, катта назарий ва практик, ҳаёт тажрибасига эга бўлган, ҳамда ҳозирги кунда В. И. Ленин номидаги Тошкент Давлат университети юридик факультети, Тошкент Олий милиция мактабида бўлгуси маъмурий орган ходимларига совет жиноят ҳуқуқидан сабоқ бераётган олимлар-педагоглар томонидан ёзилганлиги таҳсинга лойиқ бир ҳолат бўлиб ҳисобланади. Мунаққидларнинг аксарияти юридик фанлари доктори, профессор илмий унвонига эга бўлган педагоглар бўлиб ҳисобландилар.

Ўзбекистон ССР Жиноят кодекси ҳам Иттифоқдош республикалар Жиноят кодексига ўхшаб икки қисмдан, яъни умумий ва махсус қисмлардан иборатдир.

Авторлар Жиноят кодексини ҳар бир нормасини (моддасини) шарҳлашда жиноят қилиш билан боғлиқ бўлган масалаларни юридик нуқтаи назаридан унинг составини, яъни жиноятнинг объекти, объектив томони, субъекти ва субъектив томонларини тўлиқ ҳолда, китобхон дарров тушунадиган равои тилда ёзганлар, бу эса ўз навбатида гражданларда жиноят содир қилаётган айрим шахсларга нисбатан муросасизлик, кураш муҳитини вужудга келтиришда катта омил бўлиб хизмат қилади, зероки гражданлар жинойи ҳаракатларнинг ҳар қандай кўринишларини, жиноятчиликни тез орада давлатимиздан барҳам топишидан манфаатдордирлар.

Шарҳлаш жараёнида авторлар шахслар томонидан содир қилинган ҳар бир жиноят белгиларини, жамоат учун уларнинг ижтимоий хавфлилик даражасини тўлиқ очиб беришда, жиноят қилган шахсларни жазолаш, жазони ўташ вақтида маҳкумларни тарбиялаш ва қайта тарбиялаш масалаларини ёритиш жараёнида суд практикасида кўпгина характерли мисоллар келтириб, назария билан практикани узвий тарзда боғлиқ эканлигини кўрсатиб, методик жиҳатдан жуда тўғри йўл тутганлар.

Ўзбекистон ССР Жиноят кодексига шарҳларни диққат-этибор билан мутолаа қилиш жараёнида менда шарҳларни янада мазмунли ёзилиши учун, келажакда мукамал чоп этилишини таъминлаш учун шарҳлар бўйича ўзининг баъзи фикр-мулоҳазаларимни билдириб ўтишни лозим деб топдим, жумладан:

1. Ўзбекистон ССР Жиноят Кодексининг 17-моддасида иштирокчилик институти тўғрисида ва илмий асарларда, суд практикасида кўп учрайдиган турлари тўғрисида фикр юритилади. Иштирокчилик институтида «эксцесс» иштирокчилари (ижрочилари) ҳам ҳозирги кунда учраб туради. Шунинг учун эксцесс иштирокчилари ким, уларнинг жинойи жавобгарликлари тўғрисида кенгроқ шарҳлаб берилса мақсадга мувофиқ бўлур эди.

2. Шарҳларнинг кўпгина бетларида умумий шахс, хусусий шахслар деган жумлалар (иборалар) учрайди. Фикримизча, жиноятни субъекти фақат мансабдор (махсус субъект) ва жисмоний шахслар бўлади деб юритилса тўғри бўлади.

3. КПССнинг XXVII съезди қарорларини ҳаётга татбиқ қила бориб КПСС Марказий Комитети 1986 йили май ойида «Меҳнатсиз даромадларга қарши курашни янада кучайтириш тўғрисида» муҳим қарор қабул қилган эди. Шарҳларда мунаққидлар КПСС Марказий Комитетининг ушбу қароридан фойдаланмаганлар. Қарорда меҳнат қилмай даромад олиш манбаи бўлиб ҳисобланган пора олиш, давлат ёки жамоат мул-

қияи турли усуллар билан талон-торож қилиш, олибсотарлик ва шу каби бошқа жиноятларга қарши кескин кураш олиб бориш масаласи кун тартибига «қўйилган эди.

4. Шарҳларнинг баъзи бир бетларида грамматик хатолар, қайтариқлар учрайди.

Юқорида айтиб ўтилган баъзи бир камчиликлар шарҳларнинг мазмунига, маъносига, унинг қимматига (жузъий) таъсир қилмаганлиги учун, менинг истаklarим фақат шахсий, мунозарали характерда бўлганлиги учун, ушбу шарҳларни ижобий томонларини ҳеч ҳам пасайтирмайди. Фикримизча, Ўзбекистон ССР Жиноят кодексига шарҳлардан фақат педагоглар, студентлар, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи давлат маъмурий органлари эмас, балки ўртоқлик судлари аъзолари, кўнгилли халқ дружиначилари, вояга етмаганлар ишлари бўйича кундалик таълим-тарбия ишларини олиб боровчи милиция органларининг инспекциялари, лекторлар ҳам фойдаланишлари мумкин.

Хулоса қилиб айтганда, Ўзбекистон ССР Жиноят Кодексига шарҳларни ҳозирги долзарб кунда чоғ этиб «Ўзбекистон» нашриёти хайли иш қилган.

М. Саидазимов

НОВЫЕ КНИГИ

Н. А. АБДУРАХИМОВА, А. С. САДЫКОВ, Б. Ш. ШАМАМБЕТОВ.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТУРКЕСТАНЕ.

(Нукус: Каракалпакстан, 1988. 144 с.)

Историко-революционные процессы в Туркестане начала XX в. вызывают неизменный интерес со всех точек зрения. В частности, заслуживает внимания карательная политика царизма в форме судебных процессов против участников революционного движения. Этим вопросам и посвящена книга Н. А. Абдурахимовой, А. С. Садыкова и Б. Ш. Шамамбетова.

Работа состоит из введения, двух глав и заключения.

Во введении вкратце охарактеризованы работы классиков марксизма-ленинизма,истики и литература по исследуемой теме, а также дана общая постановка вопроса.

В первой главе — «Рост революционного движения в Туркестане и политические репрессии царизма (1905—1909 гг.)» — в логической последовательности освещаются вопросы влияния первой русской революции на трудящиеся массы Туркестана; показаны судебные процессы над членами Ташкентской социал-демократической организации, судебные преследования социал-демократов Самарканда и Маргелана, а также дело о членах железнодорожного союза. Особое внимание авторы уделили характеристике судебных процессов над участниками солдатских выступлений.

Во второй главе — «Политические процессы в Туркестане в 1910—1917 гг.» — раскрыты, в частности, такие вопросы, как: социально-экономическая и политическая обстановка в Туркестане в 1910—1914 гг., начало подъема революционного движения (1910—1911 гг.), с подробным описанием судебных процессов над участниками солдатских выступлений и над группой «революционных социалистов» Ташкента во главе с Я. Я. Упмалем. Значительное внимание в главе отведено политическим процессам по делу революционеров в 1914—1916 гг.; судебным преследованиям участников национально-освободительного восстания 1916 г. в Туркестане. Конкретно рассмотрены судебные процессы по делу о восстаниях в Джизакском, Каттакурганском, Ташкентском уездах, г. Ташкенте и Ферганской области.

В заключении сделаны обобщающие выводы.

В работе использован, проанализирован и обобщен богатый фактический материал. Важно отметить и то, что книга содержит ссылки на многочисленные архивные фонды и обстоятельные примечания.

Данное исследование, рассказывающее о революционном движении в Туркестане после присоединения его к России, являет собой полезный вклад в историографию проблемы. Оно рассчитано на специалистов-историков, преподавателей и студентов вузов.

Вместе с тем вызывают сожаление полиграфическое качество данного издания и небрежное оформление оглавления, где не указаны имеющиеся в книге введение, источники и примечания.

А. Аюпов, О. Икрамов

СОДЕРЖАНИЕ

Решения партии — в жизнь!

- А. Х. Хикматов, Р. М. Мухитдинов. Перестройка инвестиционной политики в условиях расширения суверенных прав республик, их самоуправления и самофинансирования 5
- И. Г. Каримов, Н. Ш. Сироджев. Повышение роли потребкооперации в реализации Продовольственной программы 14
- К. О. Синдаров. О повышении эффективности договорной ответственности хозяйств АПК 20
- И. М. Нурмухамедова. Воспитание детей в многодетной семье (На материалах этнографических экспедиций по Узбекистану) 25
- Р. М. Сеитова. К вопросу совершенствования законодательства об охране памятников истории и культуры 32

К 70-летию установления дипломатических отношений между СССР и Афганистаном

- Р. Раджабов. Из истории установления советско-афганских отношений (По материалам местной периодической печати) 36

Научные сообщения

- С. С. Камилова, Б. Д. Бабаев. Теоретическая стадия научного знания как обобщение и отражение эмпирических фактов в форме логических конструкций 43
- Э. Б. Кадыров, И. К. Сулейманов. К истории ликвидации безработицы в Узбекистане 20-х годов 47
- А. А. Абдувахитов. Религиозное и политическое в деятельности «братьев-мусульман» (На примере Египта и Сирии) 49

Новое в науке: поиски, находки, открытия

- И. Иванцкий. Оссуарии из округа Саильтепа 51
- Т. Ширинов. Зооморфный сосуд из Джаркутана 59

В помощь преподавателям вузов

- С. П. Корепанова. Из опыта организации самостоятельной работы студентов на занятиях по политэкономии 62

Историография

- К. Ф. Шамсиев, В. П. Наливкин как историк Кокандского ханства. 64

Критика и библиография

- М. Саидазимов. Комментарий к Уголовному кодексу Узбекской ССР 70

Новые книги

- А. Аюпов, О. Икрамов. Н. А. Абдурахимова, А. С. Садыков, Б. Ш. Шамалбетов. Политические процессы в Туркестане 72

НАШИ АВТОРЫ

- Хикматов А. Х.** — член-корреспондент АН УзССР, директор Института экономики АН УзССР.
- Камилова С. С.** — доктор философских наук, и. о. профессора кафедры диалектического и исторического материализма ТГПИ им. Низами.
- Бабаев Б. Д.** — кандидат философских наук, доцент кафедры диалектического и исторического материализма ТГПИ им. Низами.
- Кадыров Э. Б.** — кандидат исторических наук, декан факультета русского языка и литературы Кокандского ГПИ им. Мукими.
- Каримов И. Г.** — кандидат экономических наук, доцент кафедры политэкономии Самаркандского института кооперативной торговли им. В. В. Куйбышева.
- Корепанова С. П.** — кандидат экономических наук, доцент кафедры политэкономии ТГПИ им. Низами.
- Мухитдинов Р. М.** — кандидат экономических наук, зав. сектором региональных проблем и эффективности инвестиций Института экономики АН УзССР.
- Сирэджев Н. Ш.** — кандидат экономических наук, доцент кафедры политэкономии Самаркандского института кооперативной торговли им. В. В. Куйбышева.
- Сулейманов И. К.** — кандидат экономических наук, проректор по заочному отделению Кокандского ГПИ им. Мукими.
- Ширинов Т.** — кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
- Абдувахитов А. А.** — ученый секретарь Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Нурмухамедова И. М.** — научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Иваницкий И.** — мл. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
- Сейтова Р. М.** — мл. научный сотрудник Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Раджабов Р.** — аспирант ТГПИ им. Низами.
- Синдаров К. О.** — аспирант юрфака ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Шамсиев К. Ф.** — аспирант Института истории СССР АН СССР.

Цена 65 к.

Индекс
75349